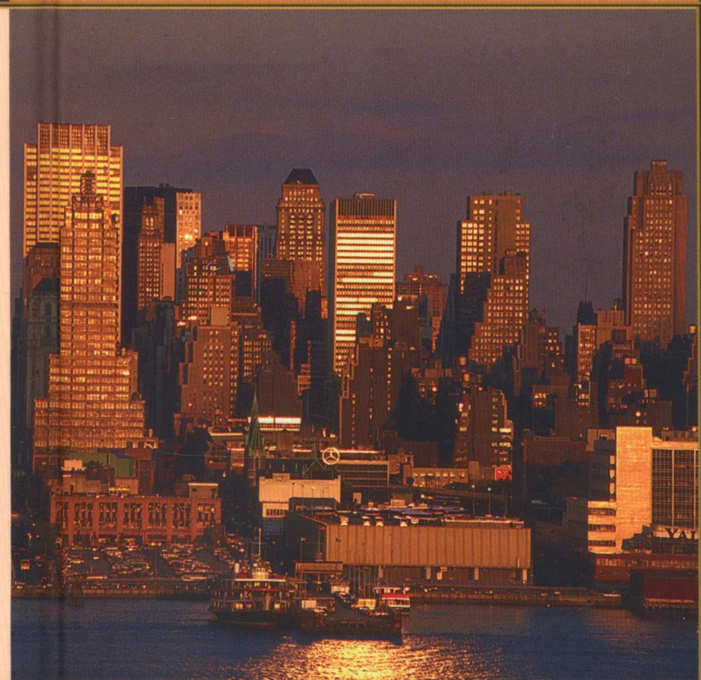
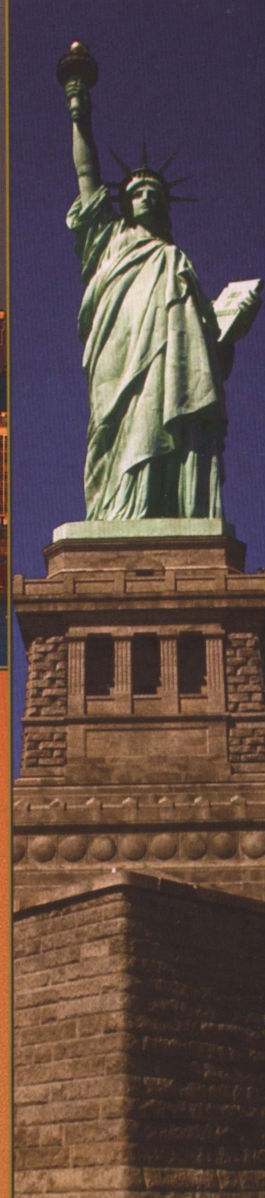
ВАДИМ БУРЛАК ● НЕИЗВЕСТНЫЙ НЬЮ-ЙОРК

ТАЙНЫ ЗНАМЕНИТЫХ ГОРОДОВ

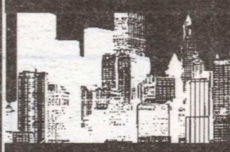

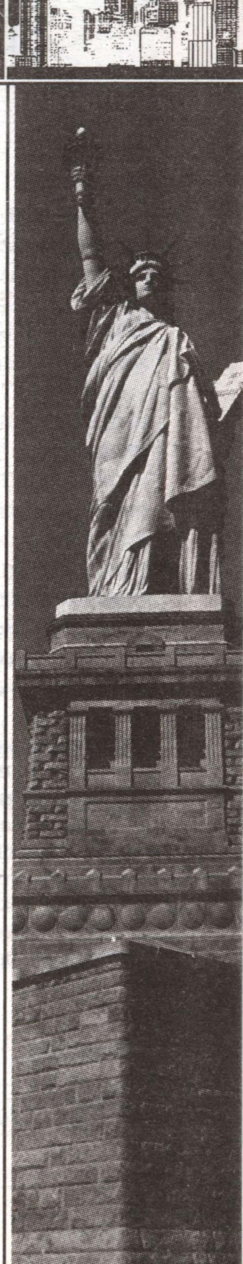
ВАДИМ БУРЛАК

НЕИЗВЕСТНЫЙ НЬЮ-ЙОРК

История. Легенды. Предания

ТАЙНЫ
ЗНАМЕНИТЫХ
ГОРОДОВ

ВАДИМ БУРЛАК

НЕИЗВЕСТНЫЙ НЬЮ-ЙОРК

История. Легенды. Предания

Москва
Вече
2006

ББК 63.3-7(7Со)
Б90

Бурлак В.Н.
Б90 Неизвестный Нью-Йорк. История. Легенды. Предания / Вадим Бурлак. — М.: Вече, 2006. — 384 с., ил. (Тайны знаменитых городов).

ISBN 5-9533-1397-7

Нью-Йорк — «город желтого дьявола», столица мира, не являющаяся столицей своей страны — США... Его можно любить и ненавидеть, но не замечать его величия невозможно. Это город миллионеров и сумасшедших, безродных эмигрантов и потомков самых аристократических семей планеты; город поэтов и бездомных. Нью-Йорк — особый город, отличающийся по ритму и стилю жизни как от остальной Америки, так и от всего мира.

Книга Вадима Бурлака рассказывает о неизвестном, таинственном Нью-Йорке.

ББК 63.3-7(7Со)

ISBN 5-9533-1397-7

«И ты увидишь мой город...»

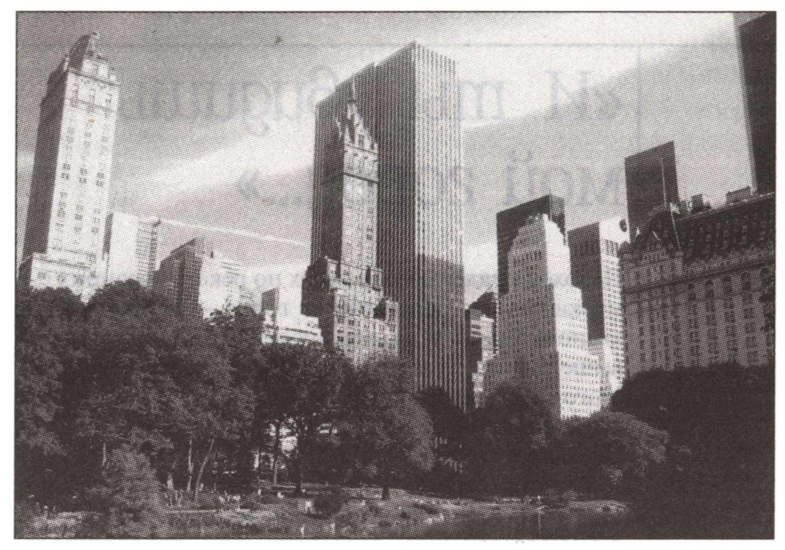
Пароход медленно шел вверх по реке, и в ранних сумерках на нас обрушивался город — белый глетчер южного Манхэттена, как пролет воздушного моста, а выше, за ним, — вся громада Нью-Йорка, чудо пенистого света, зацепившегося за звезды... И в ту минуту я осознал навсегда, что Нью-Йорк — это мой дом, как бы часто я его ни покидал...
... Я постиг главную слабость города, я ясно увидел этот ящик Пандоры. Нью-йоркский житель в своем тщеславном ослеплении... содрогаясь, открывал для себя то, о чем и не догадывался: вопреки его ожиданиям, город не беспределен, за нескончаемыми каньонами есть своя последняя черта. С высочайшей в городе точки ему впервые стало видно, что за пригородами повсюду начинается незастроенная земля, что к последним зданиям подступают зеленые и голубые просторы, и бесконечны только они. А едва он с ужасом осознал, что Нью-Йорк, в конце концов, лишь город, а не вселенная, вся та блистательная постройка, созданная его воображением, с треском рухнула наземь...

Фрэнсис Скотт Фицджеральд

Отправляемся в Гарлем

Неожиданное предложение

... — Статуя Свободы, Эмпайр стейт билдинг, Центральный парк, Рокфеллеровский центр, Карнеги-холл, Метрополитен-музей, Музей Гуггенхейма?.. Но это же банальное

Нью-Йорк. Парадный вид

начало знакомства с Нью-Йорком!.. — Рич от изумления вытаращил глаза, как будто я предложил ему сигануть с Бруклинского моста.

Затем взгляд его сделался решительным:

— Нет, и еще раз нет!.. К черту традиционные экскурсии и маршруты! Сегодня мы отправимся туда, где редко бывают туристы, и ты увидишь *мой* город! По-настоящему Нью-Йорк открывается лишь когда разглядишь его дно: трущобы, злачные и проклятые места, подземелья, дома, окутанные тайнами...

«Может, уклониться от такой необычной экскурсии?..» — подумал я, а вслух произнес:

— Странное путешествие по знаменитому городу...

Поздно... Мой приятель Ричард Бэйл уже закусил удила. Отказать ему сейчас — значит обидеть на всю жизнь.

Заметив мое колебание, Рич заговорил еще решительней:

— Нью-Йорк — столица неизвестной, мистической Америки! Он втягивает в себя нераскрытые тайны со всего мира, из разных времен... И ты еще раздумываешь, стоит ли со мной пускаться в странствие по городу тайн, по моему мистическому мегаполису?..

— Уже не раздумываю, — бодро ответил я. — Показывай свой родимый, загадочный Нью-Йорк... Ну, с чего начнем?..

— С гарлемских ведьм! — радостно выпалил Рич.

И в прошлом, и в наши дни

В начале 70-х годов XX века в прессе появилось сообщение, что в Нью-Йорке проживает более пятидесяти тысяч ведьм, колдунов, предсказателей, магов.

Известный американский писатель Вашингтон Ирвинг, живший почти за полтора столетия до этого, рассуждал о служителях и поклонниках темных, неизведанных сил, обитающих в самом большом городе Америки: «Несмотря на многочисленные справедливые и жестокие законы, изданные против злокозненных сношений или связей с дьяволом при помощи волшебства или чего-либо подобного, все же темные колдовские злодейства продолжали учащаться...

Особенно поразительно то обстоятельство, что это страшное искусство, которым тщетно пытались овладеть в своих утомительных исследованиях и невразумительных изысканиях философы, астрологи, алхимики, теурги и другие мудрецы, оказалось достоянием преимущественно самых невежественных, дряхлых, угодливых и гнусных старух в округе, у кого ума было не больше, чем у помела, на котором они ездили верхом.

Откуда они впервые приобретали свои адские познания — из трудов древних теургов, демонологии египтян, гаданий по полету стрел, или беломантии скифов, духовидения германцев, магии персов, волшебства лапландцев,

Гарлемские ведьмы. Это только карнавал.
Но, говорят, бывают и настоящие

или же из архивов темных и таинственных пещер господина Даниеля, — этот вопрос дает пищу для массы ученых и остроумных догадок...»

В отличие от Вашингтона Ирвинга мой приятель Рич относился к ведьмам, предсказателям, служителям темных сил без предубеждений и иронии.

По дороге в Гарлем я услышал от него немало зловещих мистических историй. Несколько раз Рич останавливал свой слегка помятый «бьюик», чтобы показать мне какой-нибудь дом или место, где проживали, и в далеком прошлом, и в наши дни, всякие маги, чародеи, колдуны.

Приятель рассказывал, как стойко они переносили гонения, расправы и притеснения со стороны властей.

Впрочем, об этом писал в своей «Истории Нью-Йорка» и Вашингтон Ирвинг: «...вызывает удивление не только число преступлений и их колдовские затеи, но и дьявольское их упрямство.

Побуждаемые самым торжественным, убедительным и доброжелательным образом признать свою вину и под-

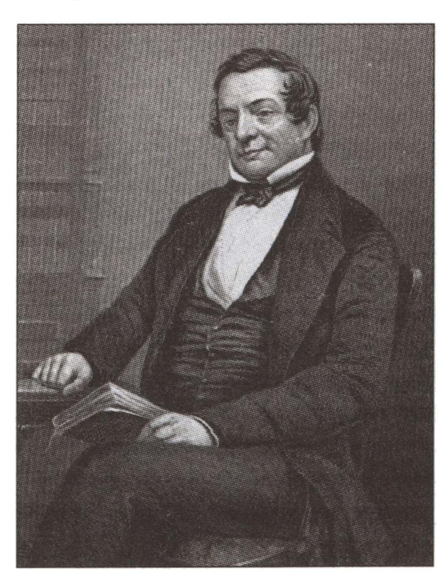

вергнуться сожжению на благо религии и для развлечения народа, они все же упорно настаивали на своей невиновности.

...обнаружив, что ни увещевания, ни здравые доводы, ни дружеские просьбы не оказывали действия на этих закоренелых преступниц, стали прибегать к более сильному средству — пытке; вырвав таким способом признание из их упрямых уст, их присуждали затем к поджариванию, заслуженному ими за гнусные преступления, в которых они сознались.

Некоторые в своей извращенности доходили до того, что испускали дух под пыткой, до конца настаивая на своей невиновности, но их считали полностью одержимыми дьяволами, и благочестивые зрители жалели только о том, что преступницы не прожили немного дольше и не погибли на костре...»

Так ироничный и язвительный Вашингтон Ирвинг описывал страсти, разгоревшиеся в XVII—XVIII веках вокруг нью-йоркских служительниц темных сил.

Ироничный и язвительный Вашингтон Ирвинг

Музыкальная греза былого

Знаменитый композитор, пианист, руководитель джаз-оркестра Дюк Эллингтон любил и Гарлем, и весь Нью-Йорк. Здесь начиналось его становление как музыканта, здесь проходила его молодость.

Критики подсчитали, что Дюк сочинил девять музыкальных пьес со словом «Гарлем». И хотя поговаривали, будто в конце жизни Эллингтон разочаровался в родном городе, а в Гарлеме не был более двадцати лет, все же он вспоминал с восторгом: «Нью-Йорк — это музыкальная греза, искрящееся веселье, биение жизни.

Здесь словно бьется гигантский пульс человечества. Весь мир вращается вокруг Нью-Йорка, и особенно мой мир...

Молодость, первую славу, творческие удачи, новых друзей Дюк Эллингтон связывал с Гарлемом

Нью-Йорк — это люди, а люди — это город. В его толпах, на его улицах, в его устремленных ввысь зданиях есть все, что существует на земле: любое движение, вкус, цвет и запах, любая эмоция, мысль и традиция, религия и культура, любое чувство и настроение...»

С Эллингтоном меня познакомил мой отец, когда знаменитый музыкант приехал осенью 1971 года на гастроли в Москву. Дюк встречался с моим дедом в Гарлеме еще в двадцатых годах.

Когда Эллингтон прибыл в Москву, отец мой был главным режиссером Госконцерта СССР и отвечал за его гастроли.

Маэстро вначале почему-то подумал, что я музыкант, и заговорил со мной о тонкостях своего ремесла. Но когда узнал, что к музыке я не имею никакого отношения, стал вспоминать Нью-Йорк и знаменитый Гарлем.

— Теперь это другой район... Иные беды, страсти и радости обитают в нем. Да и люди проживают там не такие, как во времена моей молодости, — с грустью сказал Дюк.

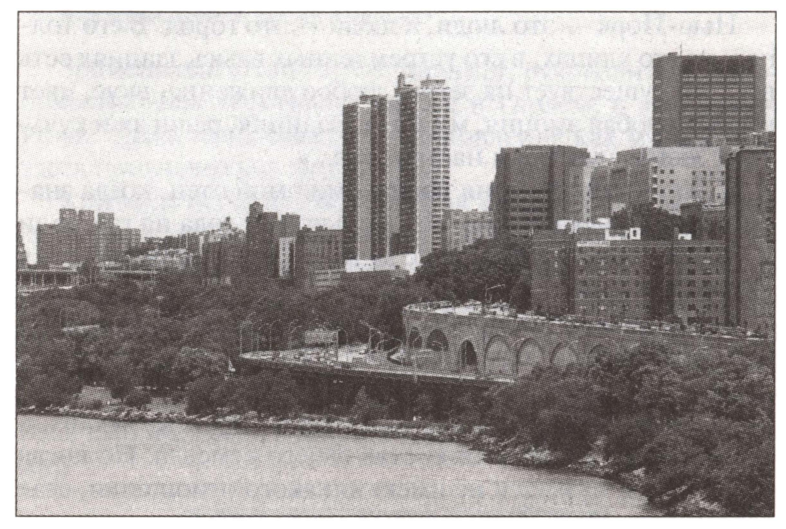
Тогда, в семьдесят первом, я недоумевал: почему Эллингтон рассказывал мне о Гарлеме. Ведь я там не бывал и в то время не собирался в Нью-Йорк. Лишь потом мне стало известно, что композитор и музыкант начинал свой творческий путь в ночных клубах этого района.

Молодость, первую славу, творческие удачи, новых друзей маэстро связывал с Гарлемом. Так что для Эллингтона этот уголок Нью-Йорка навсегда остался «музыкальной грезой былого».

Где кончается «зона благоденствия»

Гарлем расположен на северо-востоке нью-йоркского острова Манхэттен.

Пятая авеню делит его на Центральный и Восточный округ. В Центральном более 96 процентов жителей — чернокожие.

Гарлем

В двадцатых годах XVII века голландцы основали на месте нынешнего Нью-Йорка свою колонию — Новый Амстердам. А в 1636 году выходцы из нидерландского городка Гарлем построили деревню Новый Гарлем, которая в 1731-м была присоединена к Нью-Йорку.

Манхэттен, что означает «скалистая местность», тянется вдоль реки Гудзон примерно на 21 километр. Ширина острова не превышает четырех километров. Здесь находятся районы, кварталы, здания, известные даже тем, кто никогда не бывал в Нью-Йорке: Уолл-стрит, Национальный мемориал Федерал-холл, Бродвей, Чайнатаун, Гринвич-Виллидж, знаменитые небоскребы и скверы...

Англичане, захватившие во второй половине XVII века голландскую колонию Новый Амстердам, переименовали ее в Нью-Йорк. Один богатый торговец, прибывший из Лондона, приказал изготовить меч из чистого золота. Из друидских преданий он знал, что закопанное золотое оружие сбережет землю для ее хозяев.

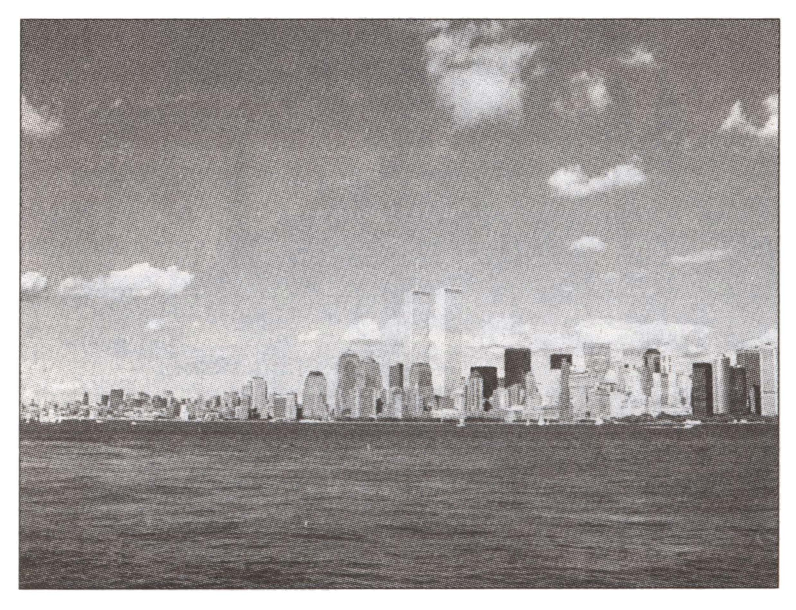

Может быть, друиды были правы. Где конкретно лондонский торговец зарыл меч, — даже его родные не знали. Но Манхэттен остался землей предприимчивых англосаксов.

Примерно в то же время, когда бывшая голландская колония стала называться Нью-Йорком, сюда начался постоянный завоз рабов из Африки. А в 1776 году эти невольники составляли почти 20 процентов жителей британской колонии Северной Америки.

Вашингтон Ирвинг писал о рабах, доставленных в Нью-Йорк из Африки: «Эти негры, подобно монахам в Средние века, представляют сущий кладезь познаний обо всей округе, и будучи более предприимчивыми и сведущими, чем их хозяева, ведут всю иностранную торговлю, совершая частые путешествия в город в челноках, груженных устрицами, пахтаньем и капустой.

Они великие астрологи и предсказывают изменения погоды почти так же точно, как календарь; кроме того, они

Манхэттен в конце XX в.

прекрасно играют на трехструнной скрипке; свист их почти столь же могуществен, как прославленная лира Орфея, ибо ни одна лошадь, ни один бык в округе, запряженный в плуг или в телегу, не тронутся с места, пока не услышат хорошо знакомый им свист их черного погонщика и товарища. А благодаря удивительной сноровке, с которой они считают на пальцах, к ним относятся с не меньшим почтением, чем относились когда-то к ученикам Пифагора, знакомым с тайнами священных четверок чисел».

Что же касается Манхэттена, Вашингтон Ирвинг, со свойственной ему иронией, писал, что название острова произошло от имени великого индейского духа Маниту. Этот дух якобы любил подолгу бывать здесь и наслаждаться чудесными окрестностями.

Но Вашингтон Ирвинг, размышляя о происхождении названия Манхэттена, отмечал, что «...самое бесспорное и достойное уважения из всех существующих свидетельств,

«Восстань, Гарлем, стряхни с себя грязь, мерзость и руины и покажи миру, кто ты есть на самом деле!..»

на которое я вполне полагаюсь, ибо оно дает название одновременно мелодичное, поэтическое и выразительное, это свидетельство штурмана Джуэта, приведенное в... судовом журнале плавания великого Гудзона; Джуэт ясно и точно называет остров Манна-хата, то есть остров Манна, или, другими словами, "страна, изобилующая млеком и медом!.."»

Стена-убийца

Раскрой мне, Гарлем,
свои тайны,
И я отзовусь тебе песней.
Расскажи мне, Гарлем,
о своих бедах,
И я отзовусь тебе песней.
Поведай о людях, затерянных
в твоих домах и улицах,
И я отзовусь о тебе песней...

Гарлемская песня середины XX века

«Черная мамба» поднимает голову

Историю о гарлемской стене-убийце я слышал много раз от разных людей. Кто вскользь, а кто обстоятельно и подробно, кто с усмешкой, а кто и с затаенным страхом вспоминал о ней. Верующие и не верящие ни во что.

Впервые о стене-убийце рассказала мне моя бабушка Настя. Вместе с моим дедом она жила в Гарлеме в двадцатых годах прошлого века. Потом я услышал эту историю от Дюка Эллингтона. Поведал мне о стене-убийце и известный американский журналист Арт Шилдс.

Наконец, в 1977 году, благодаря моему приятелю — неугомонному охотнику за всевозможными тайнами Нью-Йорка — Ричарду Бэйлу, я сам побывал в Гарлеме.

Моим проводником по этому району помимо Рича стал Гарри — словоохотливый негр-полицейский. Гарри ро-

дился и вырос в Гарлеме, поэтому знал здесь каждый дом, каждое злачное место, каждый закоулок...

Ничего привлекательного я не увидел. Нищета, ощущение опасности, отчаяния, безысходности. Возле пластиковых мешков с мусором, что валялись на тротуаре, возились, шумели чернокожие ребятишки. Неподалеку от них слепой саксофонист играл блюз. На ступеньках домов сидели старухи и безучастно смотрели куда-то поверх моей головы.

В конце невеселой экскурсии Гарри подвел меня к полуразрушенной стене, что высилась над явно не древними руинами и, прижав ладонь к старой кирпичной кладке, таинственно произнес:

— «Черная мамба» снова подняла голову... Видишь, наверху ее знак...

Я присмотрелся. В четырех метрах над землей, рядом с ржавой пожарной лестницей, темной краской был сделан рисунок...

Что-то зловеще-знакомое показалось мне в этом рисунке. Этот знак, да и другие рядом с ним, я уже где-то встречал. Но где?.. Когда?..

Я вопросительно взглянул на Гарри. В глазах полицейского появилась настороженность и какая-то непонятная отстраненность...

«Последний знак жизни» и другие

«Будь проклят Гарлем — моя родина! Сгори! Провались! Исчезни из памяти!..»

«Пусть пронзит тебя “Копье судьбы”!..»

«Восстань, Гарлем, стряхни с себя грязь, мерзость и руины и покажи миру, кто ты есть на самом деле!..»

Сколько же надписей и рисунков на этой стене?!..

Я долго не мог оторвать взгляд от них.

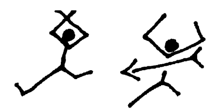
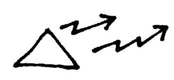
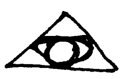
Полицейский в ответ пожал плечами:

— Хоть я здесь родился и вырос, мне самому многое непонятно. Вон рядом с «Черной мамбой» — страшный магический рисунок. Гарлемские ведьмы называют его «последним знаком жизни» и запрещают всем его рисовать. Но молодежь частенько плюет на запреты.

Гарри протянул руку в сторону стены:

— Попробуй распознай, кто изобразил «последний знак жизни»!.. Уличная шпана или сами ведьмы?..

Полицейский пожал плечами и некоторое время пристально смотрел на рисунок, словно хотел раскрыть его тайну.

— Говорят, он сам собой появляется на стене в ночь острого месяца... — Наконец снова заговорил Гарри. — И тогда эта стена...

— Притягивает к себе?.. Навевает недобрые мысли?.. Губит людей?.. — забросал я вопросами своего собеседника.

Гарри смутился:

— Рассказывают всякое. И сам не знаю, чему верить, чему нет. Странно как-то... Конец двадцатого века... Люди летают в космос. Что ни день — новые изобретения и научные открытия... А тут — какая-то древняя мистика...

Теперь уже Гарри вопросительно взглянул на меня, словно ожидая каких-то объяснений. Но я, как и он, не знал ответа.

«И воды наполнятся ядом»

Среди запуганных, изнуренных дальней дорогой, голодом и побоями первых рабов из Африки, завезенных в Нью-Йорк, был один молчаливый старик.

О нем мало известно. Древняя молва донесла только, что звали его Хэт, и был он могущественным колдуном какого-то племени с берегов реки Санга.

Но почему Хэт, обладая магической силой, попал в рабство и был насильно увезен на чужбину? Почему терпел унижения и издевательства рабовладельцев?

Знатоки нью-йоркских тайн полагали, что ему было предначертано нанести удар мести белым американцам и сделать это именно на земле Америки. Весть о необычных способностях старика быстро облетела Нью-Йорк и ближайшие селения.

Когда стало известно о колдовских делах Хэта, рабовладельцы схватили его и после пыток заперли в одном из домов деревни Гарлем. Старика не сломили издевательства и мучения. Тогда белые господа решили: надо уничтожить черного колдуна, и поможет в этом очистительный огонь.

Возиться с костром не стали, а подожгли ветхий дом, где содержался старый африканец.

До того молчавший даже под пытками, колдун заговорил:

— Я прибыл на вашу землю, чтобы проклясть ее! Слишком много зла вы сотворили в моем мире, за океаном... Проклятие одного человека может ослабеть или вовсе исчезнуть вместе с его смертью. Проклятие же земли не сотрется никогда...

Тут колдун стал кричать из полыхающего дома:

— И наполнятся здешние воздух — огнем, а воды — ядом для ваших потомков... И проклятия разных народов будут губить их по всему миру... И будут рушиться стены огромных домов, погребая их под камнями... И помните: «Черная мамба» уже подняла голову... Она уже смотрит на ваших потомков!.. Она медленно выбирает, но удар наносит стремительно!.. И никому не спастись от ее смертельного жала!..

Больше колдун ничего не успел сказать. Охваченный огнем, дом рухнул, и в небо Гарлема взметнулся фонтан красных и золотых искр.

Неизвестно точно, сколько чернокожих рабов было доставлено из Африки в Нью-Йорк, сколько из них умерло от побоев, издевательств, болезней, голода.

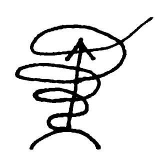
Согласно статистике, к середине XVIII века негры и мулаты составляли примерно 40 процентов жителей этого города.

В 1712 году в Нью-Йорке вспыхнуло восстание рабов — выходцев из Африки. Восстание было подавлено. Сотни человек были казнены и захоронены на трех негритянских кладбищах на Манхэттене.

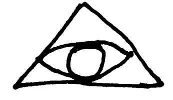
Может, с тех пор среди чернокожих жителей мегаполиса появилось поверье, что Нью-Йорк возвышается на костях рабов, негров и мулатов.

Незримая связь

«В пятницу будем опрокидываться у Эйч-Би. Брать все с собой! Повеселимся на славу!..

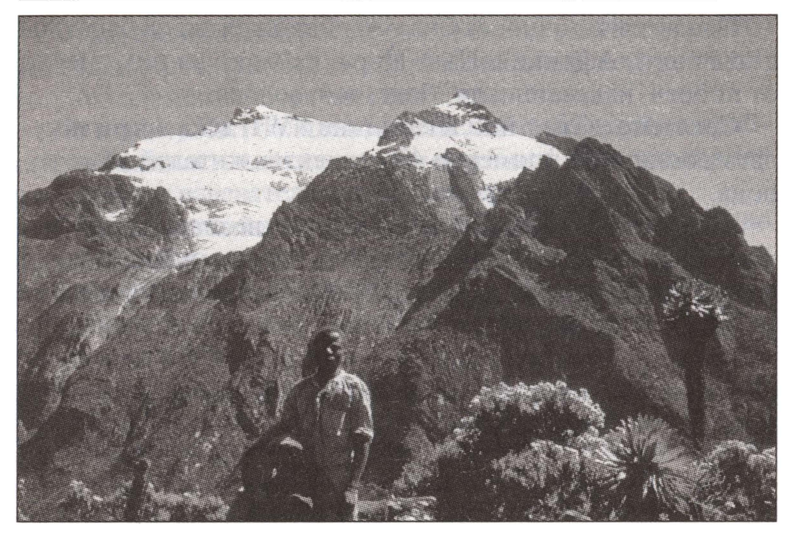
«Травка подрастет к субботе, на старом месте. Кто знает, тот сумеет ее сорвать... Но берегись, любопытный чужак!..»

Вспомнил!..

Эти или по крайней мере очень похожие знаки я видел несколько лет назад.

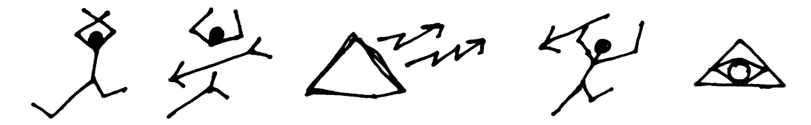
Африка! Рувензори — Лунные горы!..

Лунные горы Рувензори

Считается, что великий Нил берет свое начало как раз в этих горах. У народов Уганды, Бурундии, Кении есть предания, что именно здесь появились первые люди и отсюда начался великий исход человечества во все уголки земли. Здесь возникли самые древние и таинственные формы колдовства, предсказания, магии...

Тогда, при подъеме на гору Луиджи-ди-Савойя, мой проводник показал укрывшийся в зарослях огромный камень, на котором были высечены едва различимые знаки.

Когда и кем они были сделаны, мой проводник не знал. Но сообщил, что на этом месте собирались «совсем-совсем древние люди». Что за люди — он толком объяснить не смог.

— Они совершали у этого камня колдовские обряды, приносили в жертву животных и людей, вызывали дух небесных звезд, — сказал проводник. — Каждый год рувензорийские колдуны сообщали соплеменникам, на сколько приблизилась к Земле Луна и сколько осталось лет до ее падения на нашу планету. Они заклинали редкую змею — восьмиметровую черную мамбу, которую изредка можно встретить только в горах Рувензори.

Я знал, что в Африке водится очень ядовитая змея — мамба, и даже несколько раз видел ее. Она бывает обычно зеленоватого цвета и не превышает двух с половиной метров. Но мой проводник уверял, что сам встречал черную восьмиметровую мамбу, которая может убить даже буйвола...

Впрочем, его слова не вызывали доверия. Во все времена Африка любила запугивать приезжих чужаков небывальщиной и экзотическими страшилками...

Я вглядывался в рисунки на старом кирпиче в Нью-Йорке и думал: «Неужели есть какая-то связь между Лунными горами Рувензори и гарлемской стеной? Сколько же понадобилось преодолеть километров, лет, веков, чтобы перенести загадочный древний культ из малодоступных дебрей Африки в современный район Нью-Йорка?.. Кто это сделал?.. Зачем?..»

Удастся ли когда-нибудь раскрыть эту тайну?

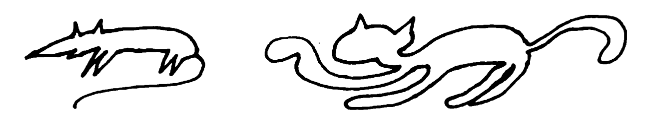
Перемены в «черном районе»

«Пэт, сукин сын! Твой должок растет с каждой минутой. Лучше объявись!..»

«Соу, кончай трепаться и дома, и на улице... Достанем!..»

«Эллиз, — в назначенный час... Ты знаешь, где...»

«Слетайтесь, черные бабочки вольного Гарлема, к той же стене!..»

— До начала XX века в Гарлеме жили белые зажиточные люди. Чуть вдали от цивилизации, городского шума, суеты и проблем большого города, — пояснил Гарри.

Он обвел взглядом улицу, словно хотел показать мне какое-то строение, но никак не мог его отыскать.

А на месте бревенчатого дома, в котором когда-то заживо сожгли черного колдуна Хэта, возвели большое кирпичное здание, — продолжил полицейский.

— Оно сохранилось? — поинтересовался я.

— Нет, — покачал головой Гарри. — То ли проклятие колдуна было тому причиной, то ли стечение неблагоприятных обстоятельств, но жильцов этого дома постоянно преследовали беды. Люди умирали от болезней, погибали по не совсем понятным причинам, попадали в неприятные, трагические истории, сходили с ума.

Полицейский виновато улыбнулся, как будто именно он не смог предотвратить роковые, загадочные события.

— А в нóчи острого месяца жильцы слышали чьи-то стоны, плач ребенка, невнятное бормотание, осторожные шаги, скрип половиц... — продолжил Гарри.

— По Гарлему поползли слухи, что когда-то на том месте, где был построен дом, какая-то таинственная секта совершала зловещие обряды. А во время строительства в его стены замуровали живых людей.

Мой собеседник пристально посмотрел на меня, словно хотел проверить, какое впечатление произвели его слова.

— Говорят, начиная именно с этого дома белые стали покидать Гарлем, — снова продолжил историю своего района Гарри.

В первом десятилетии XX века земельный бум в Нью-Йорке пошел на спад. Спасаясь от разорения, владельцы гарлемской недвижимости стали спешно делить большие и дорогие дома на мелкие квартирки и сдавать их в аренду неграм. Чернокожий бизнесмен по фамилии Пэйтон в те времена стал скупать в Гарлеме пустующие строения, ремонтировал их и сдавал афроамериканцам.

В двадцатые годы Гарлем почти полностью стал негритянским районом. Здесь примерно 40 процентов зданий было построено до начала XX столетия.

— А что стало с проклятым домом? — спросил я.

— После Второй мировой войны дом, приносящий несчастья, арендовали торговцы наркотиками. В нем был организован притон, работал подпольный цех по переработке и расфасовке опия.

— Куда же смотрели служители закона? — удивился я.

Гарри развел руками.

Зная о том, что происходит в проклятом доме, полиция почему-то долго не решалась прикрыть притон. То ли была повязана с наркодельцами, то ли готовила какую-то мудреную стратегическую операцию.

Когда наконец служители правопорядка все же собрались нанести удар по наркодельцам, вмешались неведомые силы. Дом, по невыясненным причинам, взорвался и похоронил под обломками и наркодельцов, и их клиентов. Прибывшие для захвата здания полицейские увидели лишь догорающие руины да одну сохранившуюся стену.

Разобрать ее и что-то построить на этом месте так никто и не смог: и у властей, и у владельцев земли не было денег. Так и возвышалась не одно десятилетие зловещая стена, притягивая к себе таинственные истории, слухи, домыслы.

Новоявленная жрица

Жители окрестных домов и улиц рассказывали, что у сохранившейся стены собирались по ночам гарлемские ведьмы, совершали свои таинственные обряды и жертвоприношения, выносили приговоры людям.

На руинах несчастливого дома иногда располагались бродяги. Да только после первой же ночи убегали прочь от этого места и не желали возвращаться.

Что-то пугало бродяг. А что именно — о том они предпочитали помалкивать, или несли какую-то околесицу.

Говорят, один такой бедолага и вовсе сошел с ума. Припрятал он во время ночевки под стеной свои сбережения. Сколько уж там было долларов — неизвестно, а для него, видимо, большой капитал.

Вернулся он на вторую ночь откопать свое богатство, а стены нет, будто и не было никогда. Пустое место. Ни кирпичика, ни камешка... К тому же услыхал он протяжный, нечеловеческий стон. Понял бродяга, что это стонет та самая исчезнувшая стена, под которой он ночевал, а теперь — найти не может. Так и тронулся умом.

Утром показали ему полуразваленную, злополучную стену. Все на месте, все, как и прежде: ищи, что закапывал. А она бродяге уже ни к чему... Ничего не помнит, ничего не желает... Ушел разумом в беспредельное, необозримое...

В одну из ночей острого месяца привели к стене гарлемские ведьмы девчонку — чернокожую красавицу. Поговаривали, что прибыла она то ли с Ямайки, то ли из самой Экваториальной Африки.

Повелели ей старухи на той сходке забыть свое прошлое имя и называться отныне «Черная Мамба». Обладала красавица великими чародейскими способностями. А призвали ее в Гарлем, чтобы влить в древнюю колдовскую общину свежую молодую силу.

Ведьмы наказали красавице совершить на следующую ночь первое чародейство. Хотелось им проверить возможности Черной Мамбы.

В тот год в округе особенно свирепствовали крысы. Их расплодилось так много, что, когда они шли многотысячной стаей на водопой, машины не могли проехать.

Крысы уничтожали съестные припасы в жилых домах и магазинах, грызли провода и кабели. В районе прерывалась телефонная связь, отключалось электричество, от коротких замыканий возникали пожары. Зловредные серые твари нападали на детей, увечили их или даже загрызали насмерть. Гарлемские ведьмы предвидели великий мор от заразы, что разносят крысы.

И сказала старухам Черная Мамба:

— Да свершится ваше повеление!..

Подошла к стене и нарисовала мелом:

А на следующую ночь у стены появились тысячи голодных свирепых котов. И началось великое истребление. К утру улицы Гарлема были усеяны трупами крыс. А коты... как появились неизвестно откуда, так неизвестно куда и исчезли.

Роковые предначертания

«Парни вольного Гарлема, Хромой Конг стучит копам...»

«В четверг, в подвальчике Эндрю, Буги собирается проделывать чудеса со своим неразлучным саксофоном!..»

Кое-кто из ошалевших от нищеты, а может от наркотиков или дешевого виски, гарлемцев стал поговаривать, будто Черная Мамба — возлюбленная полуразвалившейся стены!

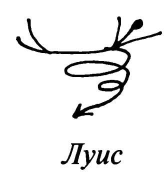
Чего только не взбредет в воспаленные головы...

Иные клялись, что сами видели, как красавица взлетала по ночам на вершину стены и устраивала там колдовские танцы под восторженный писк и шипение летучих мышей. А в ненастную погоду Черная Мамба прижималась к роковой стене и исчезала в ней, словно просачивалась между кирпичами.

Удивительно, но многие верили и шептались: «Не зря, видно, молодая колдунья так тщательно стирает со старых кирпичей чужие надписи и рисунки, оставляя только свои...»

Догадывались люди, что ее знаки имеют глубокий роковой смысл, и стена совершит все, предначертанное Черной Мамбой.

Однажды прокляли гарлемские ведьмы торговца Луиса, владельца небольшого магазина, за его дерзкие слова и строптивый характер, — и нарисовала красавица на стене:

Луис

Увидел торговец рисунок и свое имя. Вначале посмеялся, но потом вдруг загрустил.

А на следующую ночь он ни с того ни с сего попрощался с близкими, взобрался на стену да и прыгнул с нее. Тут же на месте и скончался.

Пошел наперекор ведьмам, нагрубил старухам владелец автомастерской Лихой Боб, — и начертала Черная Мамба:

Боб

Через день проезжал мимо роковой стены Лихой Боб увидел знак. Остановил машину и шепнул двум проституткам, что были с ним:

— Прощайте, славные малышки... Мне надо идти...

Потом вдруг засмеялся и добавил:

— Не ждите... Стена зовет... Пора!.. Пора..

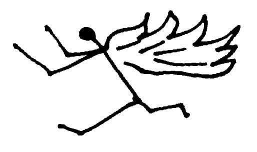
Проститутки подумали — парень шутит.

А Боб, ничего больше не говоря, обошел стену и увидел на другой стороне торчащую балку и веревку с петлей. Подложил кирпичики, взобрался на них да и сунул голову в петлю...

Неизвестно, что натворил гарлемский шулер Стив. Но, видимо, здорово обозлил он ведьм, раз напророчили они ему скорую мучительную смерть.

И появился на стене роковой рисунок:

Стив

Говорят, в самый разгар игры, в подвальчике у Мендель-Каро, парень поднялся вдруг из-за стола, бросил карты, растерянно оглядел приятелей и сказал:

— Мне пора... Стена зовет...

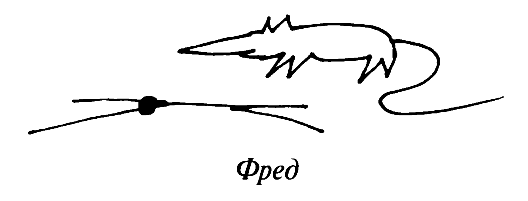
Стали приятели уговаривать Стива остаться играть, а тот — ни в какую. Бормочет одно и то же:

— Стена зовет... Надо идти... Не поминайте плохо никудышного меня...

Никто так и не понял, куда и зачем направился Стив.

А он прикоснулся спиной к старым кирпичам стены да тут же и вспыхнул, словно облили его бензином. В пять минут сгорел до костей.

И сутенера Фреда ожидало не менее страшное наказание после приговора гарлемских ведьм:

Фред

Напился до умопомрачения сутенер, когда появился роковой знак. Но это не помогло ему. Потянула Фреда неведомая сила к стене. Присел он возле нее, допил прихваченную бутылку виски да и задремал. И больше сутенер уже

не проснулся. Утром его обнаружили изъеденного крысами.

Местные жители говорили:

— Сколько у этой стены погибло людей — знают лишь гарлемские ведьмы, да ночь острого месяца, да еще сама стена-убийца. Но разве раскроют они свою тайну?..

Ночь острого месяца

«Матч “Пантер” и “Бравых парней” переносится. Просигналим на следующей неделе».

«Мэт, пора возвращать долг! И не вздумай исчезнуть из Гарлема! Достанем тебя хоть на Каймановых островах. Твои самые добрые друзья».

«Дорис, беги! Тебя ищут!..»

Было такое или не было в предначертаниях гарлемских ведьм, но произошло то, что уготовила природа: Черная Мамба влюбилась!.. Избранником ее стал известный в районе вор-угонщик, упрямец Рэй.

Стали замечать гарлемцы, что перестала появляться у стены красавица-колдунья.

И сказали тогда вещие старухи:

— Быть беде!..

Проезжали однажды после вечеринки Черная Мамба и Рэй мимо стены. Заглох вдруг мотор.

Пока парень разбирался с неполадкой, колдунья подошла к стене, прижала ладонь к кирпичу, что-то беззвучно зашептала и некоторое время стояла не шевелясь.

Какая чертовщина случилась с мотором, — Рэй так и не понял. Раздосадованный, не зная, на ком сорвать зло, он обернулся к Черной Мамбе:

— Ты опять колдуешь?

— Молчи! Не мешай! — коротко ответила девушка.

Рэй еще больше разозлился:

— Да оторвись ты от этой старой развалины! Машина не заводится. Придется ее бросить здесь и топать пешком. А утром наверняка от нее ничего не останется. Все растащит местная шпана.

Черная Мамба резко обернулась и прошептала:

— Умолкни... Я слышу стон... Тревогу... Стена дрожит — волнуется...

Рэй возмущенно сплюнул:

— Совсем чокнулась с этой кучей кирпичей! И так уже парни смеются, говорят, что ты любовница стены!.. Бред какой-то!..

— Слышишь стон и дрожь? — все так же тихо и тревожно спросила Черная Мамба.

— Ну и что? Просто где-то промчалась «подземка»... А может, небольшое землетрясение.

— Стена!.. — твердо сказала колдунья и внимательно посмотрела на Рэя. — Ты хоть во что-то веришь?

Парень неожиданно захохотал:

— А как же! Верю в секс, в «ускорительный героин», а еще в то, что жить надо настоящим. Прошлого уже нет. А будущее: неизвестно, наступит или нет...

Рэй вдруг ухмыльнулся, стремглав кинулся к пожарной лестнице и быстро полез вверх.

— А в магическую силу твоей дурацкой стенки, в колдовскую чушь и старым ведьмам — я не верю! — прокричал он уже с высоты.

— Вернись! — приказала Черная Мамба. — Немедленно спускайся!..

Но парень не слушал:

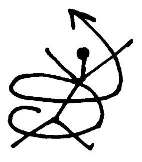
— Какой там у вас самый страшный знак? Конечно, ты не скажешь! Ну, да я сам знаю!.. Смотри!.. «Последний знак жизни»!..

Он выхватил из кармана фломастер.

— Плевал я на твои заморочки и на твою стену!

— Остановись! — колдунья ухватилась за перекладину лестницы. Но поздно.

Рэй уже нарисовал:

Стена вздрогнула и почти беззвучно рухнула. И тогда раздался гром. Вылетели стекла соседних домов. Клубы пыли рванулись вверх. Кирпичные осколки разлетелись далеко по улицам Гарлема. И казалось, вздрогнул в небе и налился кровью острый месяц.

Несколько дней люди разбирали руины стены. Однако никаких останков Черной Мамбы и Рэя не нашли...

Молчание гарлемских ведьм

Лишь спустя десять лет я снова попал в Гарлем.

Август здесь по-особому жарок. Беспощадное солнце, раскаленные камни, вокруг — ни деревца, ни травинки.Так же, как и десять лет назад, здесь царили нищета, ощущение опасности, отчаяния, безысходности. Возле пластиковых мешков с мусором, что валялись на тротуаре, все так же возились, шумели ребятишки. Слепой саксофонист играл все тот же блюз, будто десять лет не покидал своего угла.

Место, где когда-то высилась стена-убийца, я узнал не сразу. Руины ее давно уже разобрали, но взамен ничего не построили на запущенном пустыре. Да и будут ли когда-нибудь строить? Может, до сих пор земля здесь хранит древнее проклятие? Помнят ли его жители Гарлема?

Об этом, наверное, могли рассказать лишь старухи, что сидели на ступеньках домов и безучастно смотрели куда-то поверх моей головы.

Пожалуй, только они помнят Черную Мамбу и стену-убийцу...

Я посмотрел, куда устремили старухи немигающие взгляды.

На одном из ближних домов четко виднелся знак:

Как он появился? Кто его нарисовал?

Молчали гарлемские ведьмы... И в их молчании ощущалось ожидание чего-то страшного и неминуемого...

Коварство Бруклинского моста

Как в церковь
идет
помешавшийся верующий,
как в скит
удаляется,
строг и прост, —
так я
в вечерней
сереющей мерещи
вхожу
смиренный, на Бруклинский мост.

Как глупый художник
в Мадонну музея
вонзает глаз свой,
влюблен и остр,
так я,
с поднебесья,
в звезды усеян,
смотрю
на Нью-Йорк
сквозь Бруклинский мост...

Владимир Маяковский

«Когда я сложу крылья»

— Да, многие восторгались этим сооружением, — Рич сделал широкий театральный жест и указал на Бруклинс-

кий мост. — Поэты, художники, музыканты посвящали ему свои творения... Вот и ваш Маяковский восторгался «великим соединителем берегов». Целую поэму посвятил Бруклинскому мосту...

— Ну, во-первых, не поэму, а стихотворение, — поправил я. — А во-вторых, были в этом его творении и такие строки:

Здесь
жизнь была
одним — беззаботная,
другим —
голодный
протяжный вой.
Отсюда
безработные
в Гудзон
кидались
вниз головой...

Однако печальные строки Маяковского нисколько не смутили Рича Бэйли. Мне показалось, — они даже стали толчком к его очередной затее, связанной с моим знакомством с Нью-Йорком.

— Так!.. Все верно!.. — Приятель решительно тряхнул головой. — Уверяю: ни одно творение человеческого ума и рук не обходится без мистики. И с Бруклинского моста кидались в основном не голодные безработные, как писал ваш поэт, а как раз люди далеко не бедные, не убогие, не обездоленные. Вот это и является одной из его тайн. К тому же ваш Маяковский ошибся: Гудзон не протекает под Бруклинским мостом.

— Значит, ты притащил меня сюда не любоваться замечательным сооружением... — уточнил я. — В общем, как втемяшилось тебе в башку показать мне злачные, проклятые, мистические места Нью-Йорка, так ты неуклонно и выполняешь свой замысел.

— А тебе разве не интересно, охотник за тайнами всех времен и народов? — состроил удивленное выражение лица Рич.

— Интересно, интересно, — подтвердил я. — Только, согласись, каким-то зловещим получается мое путешествие по твоему Нью-Йорку...

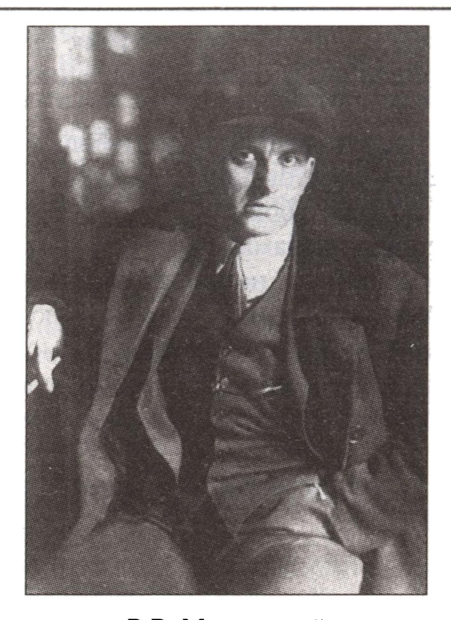
Приятель пожал плечами:

— Умей воспринимать не только парадную сторону города... Кстати, погляди вон на ту компанию, — Рич показал рукой на трех мужчин, усевшихся прямо на тротуаре.

Одеты они были не бедно, но вызывающе неряшливо. Один из них перебирал струны банджо и что-то мурлыкал себе под нос.

— Кто они? Судя по возрасту, бывшие хиппи? — поинтересовался я.

Бруклинский мост

В.В. Маяковский

Рич кивнул.

— Скорее всего «дети старины Брука»...

— Чьи дети? — не понял я.

Приятель кивнул на мост и снисходительно пояснил:

— Эти парни поклоняются ему... Нашли свой фетиш. Поют «старине Бруку» гимны, песни, сотворяют какие-то им одним известные обряды, а порой кидаются с моста. То ли под воздействием наркотиков, то ли еще по каким-то загадочным причинам. Вон сейчас парень с банджо напевает давний гимн «старине Бруку».

Я прислушался.

Когда я сложу крылья
И рухну в холодный поток,
Последний мой крик
Услышит лишь молчаливый

старый Брук,
Когда я сложу крылья...

— Да, невеселая песня... К тому же романтизирует самоубийство, — прокомментировал я. — Чем же так привлекает этих парней Бруклинский мост?

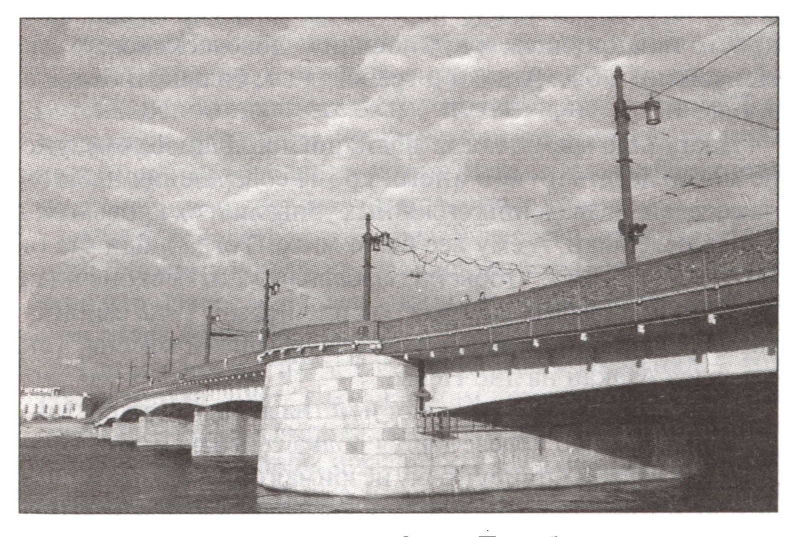
Рич снова пожал плечами:

— Не знаю... Может, и в самом деле тут замешаны какие-то мистические силы?..

Сходные легенды

Человек издавна наделял мосты загадочными свойствами. Так происходило в разных странах. До своей первой поездки в Нью-Йорк, в Ленинграде, мне довелось услышать предание о Петербургских мостах.

В 70-х годах XIX века в городе на Неве начали строить Литейный мост. Трудности начались с первых дней его воз-

Литейный мост в Санкт-Петербурге

ведения. Глубина реки в том месте, где должен был появиться Литейный мост, превышала 15 метров, а дно состояло из разнообразных грунтов с «плохой несущей способностью». Учитывая это, решено было строить опоры, используя кессон.

Технология заключалась в следующем. Большие, перевернутые вверх дном металлические ящики опускали под воду на грунт. Под большим давлением в них нагнетали воздух, что позволяло рабочим, находясь внутри огромных ящиков, разрабатывать дно реки и возводить фундамент опоры моста.

Труд в кессонах был опасен и требовал особой сноровки и осторожности. Любая ошибка могла привести к гибели рабочих.

Кое-кто из старых петербуржцев предупреждал строителей: «Остерегайтесь! Где-то поблизости на дне затаился кровавый валун, прозванный древними “Атакан”».

Согласно предостережениям знатоков старинных легенд, этому кровавому валуну поклонялись неизвестные племена, обитавшие в устье Невы много веков назад. И не просто поклонялись, а приносили человеческие жертвы. Ненасытным был Атакан и требовал все больше и больше крови.

Наступило время, когда люди, поклонявшиеся ему, уже не могли делать ничего иного, кроме совершения набегов на соседей. Захваченных пленных убивали и их кровью окропляли Атакан. А ему все было мало. Тогда люди стали молить реку Неву, чтобы она избавила их от бесконечных убийств и кровавых расправ над пленными. Река смилостивилась; изменила русло и смыла страшный камень. Так оказался Атакан на дне Невы.

С этим смириться он не мог и мстил людям, проплывавшим над ним. То перевернется лодка с рыбаками, то прохожего с берега потянет в реку незримая сила, то моряк свалится с идущего мимо корабля. Скрывались мгновенно под водой люди, без всплеска, без крика, не выплывал никто.

Видно, умел кровавый валун крепко удерживать свои жертвы на дне реки.

Неизвестно, на Атакан ли наткнулись рабочие-кессонщики или на какой другой камень при строительстве опор Литейного моста, но беда пришла.

Вечером 16 сентября 1876 года полужидкий грунт каким-то образом ворвался в кессон, где работали двадцать восемь человек. Многие из них были погребены заживо. Пятерых удалось поднять на поверхность мертвыми.

Тем не менее строительство моста продолжалось, а знающие петербуржцы снова шептались: «Видать, не угомонился Атакан. Значит, будет еще собирать кровавую дань...»

Через год после первой трагедии, также вечером, в сентябре, на строительстве Литейного моста раздался взрыв. Причину его установить не удалось.

Девять строителей были убиты сразу, а несколько человек оказались погребены в кессоне.

Современники тех событий называли разное количество погибших при строительстве Литейного моста. Но очевидно: их было не меньше сорока человек.

Тогда в Петербурге появились даже слухи, будто строят Литейный на месте, где в давние времена стоял мост-оборотень. Вспоминали все беды, что натворил этот мост. Рассказывали, как в ночь Красной луны под ним вдруг появлялся черный водоворот, который втягивал в себя не только людей, но и свет звезд и полярного сияния.

А из водоворота потом «вылазала всяка нечисть». И жители ближних домов жаловались, что та нечисть измывается над православными, «поганые рожи корчат, да срамные слова кричат».

Где находился тот мост, какие берега соединял — толком никто не знал. Зато знатокам петербургских тайн доподлинно было известно, что мост-оборотень мог быстро окутываться туманом и «заводить неведомо куда» одинокого пешехода... В иные времена, в иные земли. Откуда не бывает возврата.

Говорили также, что мост-оборотень и черный водоворот притягивали со всего Петербурга самоубийц. А когда те бросались в воду, будто раздавался радостный хохот ведьмы, которую тайком замуровали в мост еще во времена Анны Иоанновны по приказу ее фаворита Бирона.

Еще и в наше время порой можно встретить у Литейного моста людей, которые тайком сбрасывают в реку монеты и выплескивают красное вино. Лишь немногие догадаются, что эти люди просят кровавый камень Атакан, затаившийся на дне Невы, никого больше не губить.

«Голова Великого змея требует жертв»

Бруклинский мост через Ист-Ривер был построен в 1883 году. Его мощные порталы и напряженные тросы, возвышающиеся над городом и водой, вызывали у многих восхищение.

Создатели моста инженеры Джон Реблинг и его сын Вашингтон принимали заслуженные поздравления, начиная от президента страны и заканчивая простыми жителями Нью-Йорка.

Однако нашлись и недоброжелатели, и зловещие предсказатели. Литейный и Бруклинский мосты разделяют тысячи километров, а легендов о них сходные.

У индейцев племени алгонкины, обитавших на острове Манхэттен, существовало предание о камне — пожирателе животных и людей. Как Атакан с Невы, ист-риверский также требовал у алгонкинов кровавых пожертвований.

До возникновения города Нью-Йорка этот камень, похожий на голову огромного змея, выступал из воды в том месте реки, где в XIX веке появился Бруклинский мост.

Приход белых людей, как считали индейцы, потревожил «голову Великого змея», и камень ушел под воду. Но некоторые алгонкины по-прежнему, тайком от пришельцев, бросали ему по ночам связанных людей и животных.

Предсказания в картинках

Когда началось строительство Бруклинского моста, какой-то бродяга шлялся по Нью-Йорку и запугивал обывателей:

— Новый мост протянется над тем местом, где находилась проклятая переправа через Ист-Ривер. Каждый год камень «голова Великого змея» утаскивал под воду несколько человек прямо из лодок. Новое сооружение лишит этой добычи каменное чудовище, и оно будет хватать людей с моста. А вернее, они сами станут кидаться к нему в воду.

Над бродягой вначале посмеивались. Но когда его недобрые пророчества надоели прохожим и завсегдатаям нью-йоркских низкопробных питейных заведений, предсказателя поволокли в полицию. Однако он и там не закрывал рот.

Вскоре стражам порядка незамолкающий бродяга осточертел, и они в отместку доставили его в Альм-Гоуз — дом призрения для бедных, с весьма суровыми порядками. Он располагался неподалеку от монастыря Святого Сердца.

Писатель Вильям Кобб в своей книге «Нью-Йоркские тайны» поведал читателям, как дом призрения выглядел в XIX веке: «...мрачное здание с высокими стенами, из серого камня. Оно имеет вид бездыханного трупа, окаменевшего в неподвижности этого уединенного места...

Дом нищих кажется еще более убогим под проливным дождем, и деревья возвышают свои сухие ветки еще жалобнее, как будто руки простираются к небу с мольбой о помощи.

Все скривилось налево или направо, пошатнулось: как будто эти знаки могил стараются сблизиться, чтобы утешать друг друга или обмениваться шепотом надежды...

Да, мы на кладбище; но на нем опочили тела обездоленных, притесненных и угнетенных, не имеющих сил перенести тяжкую долю, погибших от чрезмерного горя...

В Альм-Гоуз входят для того, чтобы страдать. Затем рассеянный доктор проходит между койками и, указывая сегодня на одну, завтра на другую, говорит:

— Кончено...»

Видимо, гнетущая обстановка Альм-Гоуза так подействовала на неумолчного бродягу-предсказателя, что он через несколько дней онемел. Лечить его никто не пытался: молчащий больной лучше говорливого.

Но, очевидно, Бруклинский мост и камень «голова Великого змея» накрепко засели в сознании бродяги-предсказателя. Свои мрачные пророчества он стал излагать рисунками.

Стащив в канцелярии карандаш и бумагу, новый обитатель Альм-Гоуза принялся за дело. В первую очередь он сочинил письмо конструкторам Бруклинского моста Джону и Вашингтону Реблингам.

С грамотой у предсказателя, видимо, было плохо. Поэтому он кое-как вывел имена адресатов, а затем в рисунках изобразил, как они гибнут, падая с Бруклинского моста в Ист-Ривер и становятся жертвами камня «голова Великой змеи».

Свое послание бродяга-предсказатель закончил подписью «Сын Брука».

Необъяснимая сила

Конечно, это пророчество в картинках не вышло из стен Альм-Гоуза. Но его случайно увидел один из членов попечительского совета дома призрения. Он был знаком с инженерами Реблингами и решил повеселить приятелей странным посланием от бродяги.

К удивлению попечителя, Джон и Вашингтон отнеслись к письму весьма серьезно. Мало того, отец и сын признались, что в последнюю ночь перед открытием Бруклинского моста с ними едва не случилась беда. Необъяснимая сила внезапно потянула их к перилам. Они долго вглядывались в темную Ист-Ривер. Им казалось, будто далеко внизу шевелится в воде какое-то огромное существо.

Реблингов вдруг охватил ужас, а затем — неодолимое желание прыгнуть в Ист-Ривер и стать жертвами неведо-

мого чудовища. Джон и Вашингтон, не сговариваясь, медленно, словно в забытье, начали влезать на перила моста.

Но тут их окликнули строители. Наваждение кончилось. Реблинги отпрянули от перил и потом уже никогда в ночное время не подходили к ним.

Вашингтон захотел увидеться с автором предостерегающих рисунков. Попечитель устроил им встречу. Бродяга-предсказатель, едва увидев младшего Реблинга, стал делать непонятные жесты.

Наконец Вашингтон сообразил: обитатель Альм-Гоуза показывает, что его письмо с рисунками надо порвать и днем бросить с Бруклинского моста в Ист-Ривер.

Хоть и не верил младший Реблинг в мистику и во всякую чертовщину, совет бродяги исполнил. Больше Джона и Вашингтона не тянуло бросаться с Бруклинского моста.

Первый сын «старины Брука»

А тем временем неугомонный бродяга-предсказатель трудился не покладая рук. Реблинги щедро снабжали его карандашами и бумагой. Письма с рисунками адресовались разным людям: от президента США до чистильщика обуви на углу Бродвея и Брум-стрит у магазина Хауота. И в каждом послании — предостережения, предостережения, предостережения...

Член совета попечителей Альм-Гоуза, который показал шутки ради письмо в рисунках Реблингам, решил за свой счет отправлять послания бродяги по нужным адресам. Свой необычный поступок он пояснил репортерам:

— Пусть знает весь Нью-Йорк: Альм-Гоуз — не ад, а место, где обнищавшие и убогие находят достойный приют и место, где можно трудиться, проявлять смекалку и способности...

Возможно, кто-то в это и поверил. В Альм-Гоуз потекли пожертвования. Но они не смягчили нравы дома призрения. Служители его по-прежнему жестоко и пренеб-

режительно обращались со своими несчастными подопечными.

Особенно издевался над ними санитар — одноглазый Майк. Видимо, натерпелся от него и онемевший предсказатель. Однажды санитар забил до смерти какого-то старика. Несчастного, не оповещая полицию, поспешно схоронили на кладбище рядом с Альм-Гоуз.

Но обитатели дома призрения не смогли этого стерпеть. Ропот недовольства перерос в бунт. Убогие, оборванцы, калеки-преступники забаррикадировались в своих комнатах и стали требовать мэра Нью-Йорка и достойного наказания санитара Майка.

Пока персонал Альм-Гоуза ломал голову, как избежать огласки случившегося, бунт погасил бродяга-предсказатель. Он нарисовал человека, прыгающего с Бруклинского моста. На нем поставил цифру «1» и написал «Майк».

Рисунок передали убийце-санитару. Тот повертел-повертел его в руках, потом сунул в карман да и отправился ночью на Бруклинский мост. Взглянул оторопело на дежурившего там полицейского, пробурчал ему что-то невразумительное, прошел еще сотню шагов, а потом мгновенно взобрался на перила и прыгнул вниз.

Так появился первый «сын старины Брука»...

«Ни удара, ни всплеска...»

Случай первого самоубийства на знаменитом мосту стал известен всему Нью-Йорку. К «старине Бруку» потянулись многие желающие покончить с собой.

Бродяга-предсказатель из Альм-Гоуз, узнав о том, после долгих горестных размышлений сам решил подобным способом наложить на себя руки. Но вот как раз ему этого сделать не удалось. Десятки раз он убегал из дома призрения, добирался до Бруклинского моста и каждый раз его хватала полиция и возвращала в Альм-Гоуз.

В конце концов бедолага-предсказатель умер от огорчения в суровых стенах нью-йоркского дома призрения.

А тем временем у гангстеров появился особый шик: сбрасывать своих врагов с Бруклинского моста. Неизвестно, как им удавалось проносить по ночам свои жертвы мимо полицейского кордона. Гангстеры сбрасывали человека в Ист-Ривер, тут же распивали бутылку виски, но не до конца.

Бутылку швыряли с моста и с хохотом приговаривали:

— Камень «голова великой змеи», жратву ты уже получил, а теперь промочи глотку. И нас никогда не беспокой и не призывай к себе...

У нью-йоркских мальчишек конца XIX века тоже появилось особое пристрастие к Бруклинскому мосту. У них считалось геройством ночью, незаметно от полицейской охраны, пробраться на него и пройтись по перилам. Сколько мальчишек сорвалось в Ист-Ривер — не знала даже всеведущая городская статистика...

— А в наше время тоже кидаются со «старины Брука»? — спросил я у Рича.

— Несмотря на охрану и всевозможные предохранительные устройства, такое случается, — ответил приятель. — Говорят, фиксируется лишь один случай из пяти...

— Ты полагаешь, что кто-то из тех парней может совершить прыжок в Ист-Ривер? — я кивнул в сторону троицы, примостившейся на тротуаре.

— Вполне возможно... — Рич отвел взгляд в сторону.

А парень с банджо продолжал все ту же печальную песню:

Крик летящего со старого Брука
Слышится лишь первое мгновенье,
А потом —
ни удара о воду, ни всплеска.

Когда я сложу крылья
И рухну в холодный поток,
Последний мой крик
Услышит лишь молчаливый
старый Брук...

Пропавший обоз

Центр нью-йоркской богемы

—...В общем-то в наше время Гринвич-Виллидж уже не называют богемным районом. А вот полвека назад, примерно с двадцатых годов, здесь проживали художники и музыканты, поэты и артисты, композиторы и дельцы шоу-бизнеса, журналисты и студенты...

Вместе с Ричем мы шли по Хьюстон-стрит, и он давал на ходу пояснения.

— Гринвич-Виллидж тянется отсюда аж до Четырнадцатой улицы и от Бродвея до Гудзона, — продолжал приятель. — Как видишь, современные высотки здесь уживаются с кирпичными домиками XIX века. До 1822 года Вил-

Гринвич-Виллидж

Триумфальная арка в Вашингтон-сквер

лидж был деревней и пригородом Нью-Йорка. Но когда началась эпидемия, — то ли желтой лихорадки, то ли тифа, — многие нью-йоркцы перебрались сюда. К тому же в самом городе питьевая вода была плохого качества.

— А где же знаменитые гринвич-виллиджские театры, студии, художественные мастерские и салоны? — прервал я приятеля.

— Они остались... Но уже не в том количестве, что были полвека назад, — помедлив, ответил Рич.

В голосе его прозвучали ностальгические нотки: будто бы он тоже жил, творил и веселился в Гринвич-Виллидж в 20-х годах.

Когда мы добрались до Вашингтон-сквер и остановились у Триумфальной арки, я поинтересовался:

— Кажется, ты изменил своему решению показать мне таинственный, мистический Нью-Йорк?

Рич замотал головой:

— Нет-нет... Ты думаешь, что этому благопристойному району не хватает мистики? Ошибаешься...

Приятель сделал жест рукой, как будто решил охватить весь Вашингтон-парк.

— Во второй половине XVIII века здесь находилось кладбище для бедняков и уголовников, — Рич многозначительно взглянул на меня, словно ожидая, что его слова вызовут у меня изумление.

— Ну и что? — пожал я плечами.

Глаза приятеля округлились от удивления, будто он встретил самого не посвященного в тайны Нью-Йорка человека.

— Здесь и пропал обоз «девятнадцать коней», — выпалил Рич, словно сообщил о месте нахождения Атлантиды.

Странные развлечения

Как поведал мой приятель, жизнь в Нью-Йорке в начале XVIII века была однообразна и скучна. Горожане радовались любому развлечению.

Какой-то моряк напился в таверне Фронса и на спор с приятелями пробил входную дверь головой — вот уже достойная тема для разговоров на пару месяцев. Сотни нью-йоркцев приходили к таверне поглазеть на разбитую дверь и на героя-матроса с перевязанной головой.

Явился охотник из лесов с верховья Гудзона и принес убитую белку с двумя хвостами: наверное, полгорода явилось посмотреть на это чудо природы. Правда, вскоре зверобоя разоблачили. Второй хвост белки хитрый охотник приклеил.

Зачем?

Просто хотел удивить жителей Нью-Йорка. Зверобоя как следует отлупасили. А потом он вместе с теми, кто его отдубасил, два дня отмечал это событие в таверне «Веселого Тома».

Нью-йоркская колдунья из Африки, прозванная «Жестяной луной», заворожила некоего мистера, — то ли

Плэнокса, то ли Блэнкса, — и он вовсе перестал спать. И днем и ночью мистер Плэнокс или Блэнкс оставался бодрым и в прекрасном расположении духа, не желал даже смотреть в сторону своей кровати.

Но, вместо того чтобы рационально использовать новые возможности и неустанно работать, жертва колдовских чар вовсе забросил дела. Он переселился в таверну «Пять углов» и сутки напролет демонстрировал посетителям бодрость духа и полное бессоние. При этом он принимал щедрые угощения, даже ни разу не зевнув.

Половина мужского населения Нью-Йорка приходили, чтобы сделать ставки: свалится под стол жертва колдовства через трое суток или через неделю.

Но мистер Плэнокс-Блэнкс оставался непобедимым. Не спал и даже не дремал, пока наконец, после двух месяцев бодрствования в «Пяти углах», не свалился в сточную канаву. Там и уснул навсегда.

Провожать в последний путь знаменитость явились тысячи людей. В таверне, где совершался подвиг, на почетное место был выставлен табурет с надписью: «На нем сидел самый бессонный житель Нью-Йорка». А чернокожую колдунью на всякий случай повесили.

О наказаниях преступников в Нью-Йорке в XVII—XVIII веках писал Вашингтон Ирвинг: «...великолепная виселица была сооружена на берегу, около того места, где теперь находится лестница Уайтхолла, чуть к востоку от батареи. Рядом соорудили еще одну виселицу, очень странного, безобразного и ни на что не похожего вида...

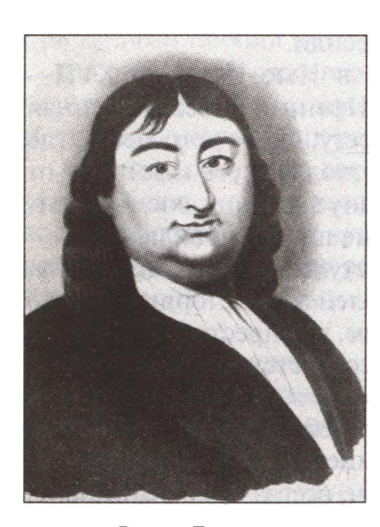
По высоте она ничуть не уступала виселице Амана, столь известного персонажа библейской истории; но чудо этой виселицы заключалось в том, что преступника, вместо того чтобы вешать за шею, в соответствии с почтенным обычаем, вздергивали за пояс штанов, и он целый час висел, болтаясь и барахтаясь между небом и землей, — к безмерному удовольствию и, несомненно, к вящему назиданию толпы досточтимых горожан, всегда присутствующих на такого рода зрелищах...»

Вот в такой однообразной и редкой на зрелища обстановке в Нью-Йорке и появился слух о несметном сокровище, неизвестно кем и когда зарытом в пустынной местности на берегу Лонг Айленд Саунд.

Неизвестные сокровища

Толковали о золотом кладе во всех нью-йоркских тавернах, на церковных площадях, на рынке. Строили версии о его происхождении. Одни утверждали, что эти сокровища принадлежали древнему индейскому племени, которое исчезло пару столетий назад. Другие полагали, что испанские колонисты решили утаить от своего короля часть собранных в Америке богатств и спрятали их до поры до времени далеко на севере от своих поселений — на почти не обитаемом побережье Лонг Айленд Саунд.

Появилась и третья версия, связанная с этим кладом. Золото якобы доставили на Американский континент много веков назад финикийцы или древние египтяне.

Витус Беринг

Одному отставному капитану корабля явилось ночное видение. И не кто-нибудь, а сама царица Клеопатра. Она-то и раскрыла истину морскому волку.

Утром бывший капитан рассказал приятелям, что еще за несколько месяцев до своего поражения, предчувствуя надвигающуюся опасность, царица снарядила два корабля с золотом к далекой земле за Геркулесовыми столбами.

Клеопатра понимала, что в случае поражения ей не укрыться от всемогущественно-

го Рима — ни в Африке, ни в Азии, ни в Европе. А земля за океаном, о которой она слышала от странствующих мудрецов — хранителей тайн, показалась ей идеальным местом, где можно будет создать новую колонию или даже царство. Уж туда-то не дотянется рука Рима!..

Но корабли с драгоценностями пропали без вести.

Охотники за кладами

Когда начинается «золотая лихорадка» или всеобщая кладомания, неизвестно откуда, словно сами собой, появляются карты с указанием мест, где спрятаны сокровища.

Поскольку любителей легкой наживы, авантюристов, готовых на все безработных в Нью-Йорке всегда было с избытком, город заговорил о предстоящих походах.

Карты побережья Лонг Айленд Саунд переходили из рук в руки. Их продавали, пропивали, выигрывали или проигрывали в кости, воровали и закладывали как ценности.

Наконец от слов перешли к делу. Небольшими группами и целыми отрядами нью-йоркцы двинулись на поиски «сияющей» удачи.

А в тавернах города стали принимать ставки: кто доберется быстрей до сокровищ — парни Безухого Ника или Суетливого Криса?..

Через пару месяцев после того, как к берегам Лонг Айленд Саунд отправились искатели «сияющей удачи», Нью-Йорк облетела весть: сокровища найдены!.. Однако радоваться этому успеху пришлось не долго. По слухам, охотники за кладом не смогли поделить добычу, и между ними началась резня и стрельба. К тому же обозлились индейцы и, пользуясь разладом среди искателей сокровищ, начали нападать на них.

Помочь своим родственникам и друзьям, отправившимся к берегам Лонг Айленд Саунд, жители Нью-Йорка ничем не могли... Оставалось только уповать на Бога и на удачу.

Наконец какой-то рыбак доставил в город весть:

— Оставшиеся в живых кладоискатели помирились!.. Золотой обоз из девятнадцати коней движется к Нью-Йорку!.. Готовьтесь к встрече, господа!..

И жители города стали поджидать удачливых кладоискателей. Однако не все делали это с добрыми помыслами.

Сид сколачивает шайку

В те времена процентов восемьдесят взрослого населения Нью-Йорка имели огнестрельное оружие: от мушкетов до дуэльных пистолетов. А уж сабли, палаши и кортики имел каждый.

Ну как тут — хотя бы раз в год — не применить оружие?!.. Велик соблазн...

Вот и задумались буйные головы, обитатели нью-йоркского дна, заполучить золото, добытое другими на побережье Лонг Айленд Саунд. Куда его сплавлять в небольшом в то время городке или как вывозить из Нью-Йорка, наверное, мало волновало сговорившихся бандитов. Главное — заполучить золото!..

У вновь собранной шайки быстро выявился предводитель. Им стал каторжник из Англии, доставленный в Новый Свет в кандалах, — «Твердобородый Сид».

И в лондонских, и в нью-йоркских тавернах этот разбойник прославился тем, что в драке, прежде чем перерезать глотку своему сопернику, он проламывал ему череп своим могучим подбородком.

Конечно, Сид был не только известным каторжником, драчуном и завсегдатаем нью-йоркских таверн. Умел он и быстро придумывать преступления и чужими руками совершать их.

Собрав полтора десятка приятелей-головорезов, он выработал план встречи золотого обоза — «девятнадцать коней». Сколько придется уложить самих кладоискателей — Твердобородый даже не счел нужным подсчитывать. Сид верил в кровавое мастерство своих парней.

Пещера-ловушка

По словам Рича, примерно там, где в Вашингтон-сквер находится Триумфальная арка, в первой половине XVIII века находился вход в огромное подземелье. В те времена местность эта была густо заросшей деревьями и кустарниками.

Твердобородый Сид приказал своим подручным сделать сквозь лесную чащу просеку — ответвление от дороги на Нью-Йорк. Вход в подземелье он велел расширить так, чтобы в него могли въехать конные повозки.

Двоих, самых стойких в питье парней, он снабдил изрядным количеством бутылок виски и направил навстречу обозу кладоискателей.

Напоить не подозревающих об опасности людей оказалось не трудно. Оружие свое они беспечно побросали в повозки и на подступах к Нью-Йорку вовсю хлестали виски, горланили песни и рассказывали новым «щедрым» друзьям, как раскопали на побережье Лонг Айленд Саунд золотого истукана, а потом распилили его.

Тем временем двое других парней Твердобородого Сида купили у охотника молодого медведя. Вместе со зверем они стали тайком «сопровождать» обоз. Решат пьяный возница или сами кони свернуть с пути к пещере-ловушке, — тут-то люди Сида прижимали медведя так, что он ревел от боли и пытался сорваться с цепи. Кони пугались и, уже не сворачивая, тянули возы прямиком к подземелью.

Твердобородый рассчитал так, чтобы кладоискатели подъехали к пещере в темноте. Деревья скрывали от пьяных кладоискателей немногочисленные ночные огни Нью-Йорка. Зато в подземелье было зажжено множество свечей, а в темных углах притаились вооруженные парни Сида. Сам главарь тем временем развлекался в таверне, обеспечивая себе алиби.

У входа в пещеру кони, в отличие от кладоискателей, почуяли опасность и остановились. Но тут медведю, кото-

рый находился в нескольких шагах сзади обоза, всадили в брюхо нож. Зверь заревел так, что лошади ошалели и ринулись вперед.

В узком пространстве подземелья первая повозка ударилась в стену. Следующие за ней кони врезались в нее. А за ними — остальные. Начались свалка и переполох. Ржание, крики и проклятия людей, треск сломанных повозок... Тут-то и началась пальба из всех темных углов пещеры.

Кладоискатели не успели оказать сопротивление. Но и разбойникам не удалось насладиться победой. Едва прозвучали последние крики, последний стон несчастных кладоискателей, как выход из пещеры обвалился. Погребенными оказались и жертвы и палачи.

Возвращение Твердобородого

Спаслись только двое разбойников, загонявших в подземелье обоз с помощью раненого медведя. Увидели они, что проникнуть в пещеру теперь невозможно, бросили зверя и помчались в Нью-Йорк к Сиду.

Тот быстро сообразил: жители города не знают, куда подевался золотой обоз и вряд ли догадаются, что он совсем рядом, под землей. Но копать это место сейчас не стоит. Годик-другой надо повременить.

Для начала Твердобородый перерезал глотки своим подручным, доставившим неприятную весть, и отправился в Бостон.

Вернулся он в Нью-Йорк, как и задумал, через два года. Первым делом осмотрел местность, где раньше был вход в пещеру. Вблизи все оставалось по-прежнему: лес, тишина, безлюдье...

И начал Твердобородый работать по ночам киркой и лопатой.

Но тут Сиду не повезло. Задумали власти Нью-Йорка хоронить бродяг, нищих и неопознанных мертвецов как

раз в той местности. Хотя в официальных документах отмечено, что кладбище для бедняков на территории будущей Вашингтон-сквер появилось лишь в конце XVIII века. И все же обездоленных покойников свозили туда задолго до этого.

Хитрюга Твердобородый смекнул: раз некогда тихий уголок превратили в кладбище, то нужно, чтобы не привлекать к себе любопытных, устроиться могилокопателем.

Задумано — сделано. Днем Сид хоронил покойников, а по ночам пытался проникнуть в пещеру с золотым обозом.

Видимо, кто-то заметил это. По Нью-Йорку поползли слухи, будто Твердобородый спятил и выкапывает из могил покойников, чтобы продавать скелеты докторам и ведьмам.

Жители города всполошились и ночью устроили на кладбище засаду. Едва Сид вонзил лопату в землю, как его схватили. Жаждущие скорой расправы даже не обратили внимания, что Твердобородый копал в стороне от могил.

От страха голос подвел разбойника. Он хрипел, силился объяснить нью-йоркцам истинную причину своего появления на кладбище ночью, но никто не мог понять его.

— Золото... Золото... — уже с петлей на шее хрипел Сид.

В ответ палачи лишь смеялись.

— Тебе оно уже не понадобится...

— Будешь теперь рассказывать о золоте своим друзьям-покойничкам...

С этими словами и вздернули Твердобородого.

Годы спустя

О пропавшем золотом обозе жители Нью-Йорка иногда вспоминали, но никак не связывали его исчезновение с разбойником Сидом.

Осенью 1776 года Нью-Йорк захватила английская армия. За пару дней в городе сгорело более трети строений. Пожар уничтожил самое высокое здание того времени — церковь Святой Троицы.

Несмотря на бедствие, жители Нью-Йорка все же подметили, что отряд англичан приступил к земляным работам в районе кладбища для бедняков. А вскоре по городу поползли слухи: англичане ищут золотой обоз, пропавший много лет назад.

Несколько лет, пока Нью-Йорк был во власти неприятеля, шли эти поиски. Золото найти не удалось.

В 1783 году, когда американская армия разгромила на территории США британские колониальные войска, один английский солдат не пожелал покидать Нью-Йорк и сдался в плен жителям города.

Он сообщил, что в нескольких милях вверх по реке Гудзон, в лесах, скрывается небольшой отряд британских военнослужащих, переодетых в штатское. Через какое-то время эти люди якобы собираются вернуться в Нью-Йорк, чтобы тайно продолжить поиски золотого обоза.

В указанную местность был направлен отряд американской армии. Лагерь англичан обнаружили, но люди успели скрыться. Судьба их осталась неизвестной.

После 1826 года кладбище для бедняков было закрыто, и Вашингтон-сквер стала местом проведения парадов.

А в середине XIX века у нью-йоркской детворы существовало поверье, что в самую короткую ночь года в Вашингтон-сквер можно услышать из подземелья ржание коней, стоны и крики людей. Тому, кто услыхал, надо немедленно прочитать специальное стихотворное заклинание:

...В назначенный день,
в назначенный час
Выйдет обоз на белый свет,
И золото озарит Нью-Йорк,
Словно солнце.

А золото его пусть сыплется
мне под ноги...

Неизвестно, достались ли кому-то ценности после подобного заклинания. А вот по поводу бесследно пропавших детей в Нью-Йорке в XIX столетии иногда говорили: «Забрал их золотой обоз...»

Конечно, после этого рассказа Рича я поинтересовался у него:

— А в наше время никто не пытался найти пресловутый обоз?.. И что за статую из золота отыскали на берегу Лонг Айленд Саунд?

— О ней ничего не знаю, — ответил приятель. — А насчет пропавшего золотого обоза слышал, что после Второй мировой войны какие-то люди обратились к мэру Нью-Йорка за разрешением провести поисковые работы в Вашингтон-сквер. Им отказали. Отцы города посчитали: нет достаточных оснований для подобных раскопок...

Манящие огни

...Колумбы Росские, презрев угрюмый рок,
Меж льдами путь отворят на восток
И наша досягнет в Америку держава...

Михаил Ломоносов

У племени ситка имеется глухое предание о белых людях, выброшенных на берег много лет тому назад. ...Вождь Аннахуц оделся в медвежью шкуру и вышел на берег. Он с такой точностью изображал переваливающуюся походку зверя, что русские,увлекшись охотой, углубились в лес, где туземные воины перебили их всех до единого.

Т.Л. Эндрюс

Нет имени ему

Долгий, утомительный перелет из Нью-Йорка на Аляску. А вслед за тем ко мне явилась неудача...

В каких бы морях и землях она ни настигала тебя, у нее одни и те же повадки.

Неожиданный удар по замыслам и планам. Мечта разлетается на множество осколков и словно проваливается в незримую бездну. Люди вокруг становятся хмурыми и не смотрят в глаза. По-другому звучат голоса птиц. Обессиленно кланяются ветру деревья и травы. Злятся морские волны. А еще начинаются затяжные дожди...

Так приходит неудача.

Ветер с океана пытался вломиться в окно моей комнаты. Стук дождевых капель то усиливался, то ослабевал. И от их звуков становилось понятно, что непогода пришла надолго.

Неудача.

А это значит, что обещанный мне вертолет не поднимется над городком Джуно, гордо именуемым административным центром Аляски. И мне уже не побывать на острове, где почти два с половиной столетия назад высадились и почему-то не вернулись назад русские моряки.

Неразрешимая загадка!

Навечно?

Или кому-то повезет, и неудача отпустит его для поиска ответа? Мне же она пока оставила дожди и ветры да еще холодные рассудочные мысли. Что ты хотел найти на том острове? Неужели надеешься, что за два с половиной столетия остался хоть какой-то знак пребывания исчезнувших путешественников?.. Мир стал другим, стали другими земля и воды. Выросли другие травы и деревья. Даже на камнях давность наверняка стерла следы человеческих рук...

И неудача бывает права.

Смириться? Выждать еще день-два, а потом вернуться в Нью-Йорк, даже не прикоснувшись к тайне?

Но, может, я все же смогу разглядеть в сумерках ненастья заветные огоньки «тропы в неведомое»?

Если верить рассказам местных жителей, дух страстей и азарта любит играть с людьми. Он сбрасывает небесные

огоньки, и на земле они образуют «тропу в неведомое». Игривый дух манит людей шагнуть на нее, опьяняя ощущением близкой удачи и счастливых перемен...

Не он ли зачаровал русских мореходов и завел в неведомое?

Я спросил у своих знакомых из Джуно, как зовется этот загадочный дух страстей, азарта, неизвестности?

И мне ответили: нет имени ему.

Разлука в тумане

«...Вышли из гавани святых апостолов Петра и Павла на рейд в Авачинскую губу майя 29 числа, в которой за противным ветром умешкали июня до 4 числа, а 4 числа со штилем вышли на море и следовали определенным куршом к земле Ианде Гамма...»

Так сообщал Алексей Чириков о Второй Камчатской экспедиции в Адмиралтейств-коллегию в декабре 1741 года.

Экспедиция, предначертанная Петром Великим, продолжалась.

Под командованием капитан-командора Витуса Беринга пакетботы «Св. Петр» и «Св. Павел» в мае 1741 года покинули Камчатку и направились к берегам Америки.

Заместителем Беринга и командиром корабля «Св. Павел» стал опытный мореход, капитан-лейтенант Алексей Ильич Чириков. По свидетельству современников, он был одним из лучших офицеров и надеждой русского флота.

В адмиралтейской инструкции экспедиции предписывалось, когда будут достигнуты берега Америки, «...то на оных побывать и разведать подлинно какие там народы и как то место называется и подлинно ли те берега американские и учиня то... поставить все на карту и потом итти для того же разведывания подле тех берегов сколько время и возможность допустит...».

Первые дни экспедиционные корабли шли вместе. Но 20 июня 1741 года начались сильные туманы. Ни опыт Беринга и Чирикова, ни звуковые сигналы не помогали. Пакетботы «Св. Петр» и «Св. Павел» потеряли друг друга.

Туман разлучил Витуса Беринга и Алексея Чирикова навсегда.

Неведомая земля

После безрезультатных поисков друг друга корабли Второй Камчатской экспедиции продолжили путь к берегам Америки, но уже каждый своим курсом. Экипаж Чирикова, состоявший из 75 человек, продолжал будничную работу: астрономические наблюдения, замеры океанских глубин, изучение течений и ветров, внесение поправок на карту, подготовку к встрече с неизвестным Тихоокеанским побережьем Америки.

Наконец, 15 июля путешественники увидели землю — остров, названный на современных картах Бейкер, который находится у берегов Северной Америки, южнее Аляски.

С волнением разглядывали русские моряки неведомую землю. Заснеженные горы, небольшие бухты, морские птицы и звери — все это напоминало Камчатку. И все же было в увиденном нечто новое, своеобразное.

Думал ли кто-нибудь в те часы, на пакетботе «Св. Павел», что является первооткрывателем Америки со стороны Тихого океана?

В своем рапорте, без всякого победоносного пафоса и восторгов, как-то по-будничному, Чириков отмечал: «...июля 16 дня с полудни в 8-м часу, понеже места к якорному стоянию не нашлось, для опасения пошли от берега и в ношное время, удалясь от берегу, по полуночи в 5-м часу, понеже ветр был нам способной, поворотили к северу на тот румб, как лежала последняя часть земли, виденная от нас к северу минувшего вечера, а по полуночи в 10-м часу по оной земли прошли расстоянием за полверсты,

понеже было весьма туманно, и для того, удалясь от оной, несколько шли в паралель оной меж норда и веста... и, ежели б не воспрепятствовал несчастливый случай о котором ниже сего явствует, то надеялся я немалую часть Америки описать...»

В ответ — недобрая тишина

18 июля Чириков приказал отправить на берег ялбот. В лодке разместились десять моряков во главе со штурманом Аврамом Дементьевым.

Чириков написал подробную инструкцию, что делать и как вести себя на американском берегу.

«...Когда, с Божиею помощию, на берег пристаните, то посмотреть, есть ли на нем жители и, ежели жителей увидите, то являть к ним приятность и дарить подарками...

...а ежели языка никто не будет знать, то хотя признаками, — какая это земля и люди под чьею властью и звать их несколько человек, чтобы побывали у нас на судне;

...осмотреть, есть ли удобное место к приходу судном с моря где б можно было безопасно стоять и такую гавань вымерять лотом и чертеж зделать...

...осмотреть какие на берегу ростут леса и травы;

...нет ли каких отменных камней и земли в которой можно чаять быть богатой руде...

...от жителей, сколько можно, осведомиться куды эта земля простирается и есть ли из нее впадающие в море реки и где те реки впали в море;

...ежели жители будут обращаться неприятельски, то от них обороняться и, как возможно скорее, на судно возвращаться, а самому никакого озлобления им не делать...

...возвращаться к судну того ж дня, или, по крайней мере, на другой день...

...как Бог принесет на берег, то для ведома нам пустить ракету... и на берегу будучи, раскласть большой огонь, ежели увидите, что нам оной можно видеть будет...»

Увы, сигналов от отряда Дементьева не последовало ни в тот день, ни на другой.

Медленно потянулись часы тревожного ожидания. Моряки по очереди поднимались на мачту пакетбота, чтобы сквозь туман получше разглядеть берег.

Несмотря на неблагоприятную погоду, Алексей Чириков держал корабль под малыми парусами в рискованной близости от острова.

Лишь спустя семь дней на берегу вспыхнул долгожданный огонь.

Костер! Живы!

Радостно заволновались на борту «Св. Павла»: очевидно, у Дементьева что-то случилось со шлюпкой и его команда не может вернуться на судно. Спешно стали собирать новый отряд на остров.

На пакетботе осталась последняя лодка. Выручать товарищей отправились боцман Сидор Савельев и еще три матроса.

Чириков приказал несколько раз выстрелить из корабельных пушек, чтобы на берегу знали — помощь близка. Но ответных сигналов не последовало.

На острове — туман и недобрая тишина.

В обратный путь

«...И понеже тогда стояла весьма тихая погода, то ево тем временем на берег и отпустили и сами за ним к берегу следовали и приходили очень близко и видели, что боцман на лодке приближился к берегу о полудни в 6-м часу, точно определенных от меня сигналов не чинил и в чаятельное время к нам не возвратился, а погода стояла самая тихая...»

Так отмечал в рапорте Алексей Чириков.

На пакетботе не осталось лодок, а это значит — потеряна связь с берегом. Ни помочь своим товарищам на острове, ни набрать питьевой воды путешественники уже не могли.

25 июля с корабля заметили две лодки. Они шли от залива, где высадились команды Дементьева и Савельева.

Чириков приказал направить пакетбот навстречу лодкам.

Радостное настроение на борту «Св. Павла» быстро угасло. Путешественники вскоре увидели, что это не их лодки. Несколько гребцов на них были скорее всего из племени тлинкитов. Подплыв поближе к кораблю, индейцы вскочили на ноги и крикнули: «Агай! Агай!»

Потом они замахали руками. Ни их слов, ни жестов русские моряки не смогли понять.

Тлинкиты снова взялись за весла и повернули к острову. Тяжелый пакетбот не смог догнать проворные индейские лодки. Корабль шел за ними до опасного предела. Подходить ближе к берегу было нельзя. Оказаться на мели — означало верную гибель и корабля, и всего экипажа.

Путешественники теперь поняли, что пятнадцать их товарищей либо погибли, либо находятся в плену у враждебно настроенных индейцев. Горько было осознавать такую потерю и свое бессилие, невозможность помочь товарищам.

«...Мы до вечера близ того места ходили, поджидая своих судов, токмо ночью для опасения от берегу поудалились, да и ночью имели на кормовом флакштоке фонарь с огнем, дабы, ежели паче чаяния, выдут, то чтоб могли к нам и ночью притить...» — вспоминал Алексей Чириков.

Запасов пресной воды на корабле оставалось совсем мало. До Камчатки не дотянуть. Продолжать экспедицию и исследовать новые земли без лодок было невозможно.

В последний раз пакетбот «Св. Павел» прошел мимо зловещего, таинственного берега. Еще один залп из пушек — и корабль двинулся в обратный путь на Камчатку.

12 октября 1741 года пакетбот «Св. Павел» вошел в Петропавловскую гавань.

Несмотря на человеческие потери, болезнь многих моряков, нехватку воды, исчезновение лодок, экспедиция Чирикова свою задачу выполнила — открыла тихоокеан-

ское побережье Северной Америки. Более 400 километров ее берега были впервые нанесены на карту.

«Агэой» — огоньки с небес

Спустя чуть больше тридцати лет после Второй Камчатской экспедиции испанский двор получил сообщение из своей американской колонии, что в Калифорнии есть поселение русских людей. Как эти люди оказались там, — неизвестно. Со времени Второй Камчатской экспедиции к берегам Америки пока еще не приходил ни один русский корабль.

Мой дед Григорий Бурлак в начале XX века в поисках работы объездил Тихоокеанское побережье Соединенных Штатов от Калифорнии до Аляски. Довелось побывать ему и на архипелаге Александра, открытого экспедицией Алексея Чирикова.

На одном из островов архипелага дед услышал от местных жителей историю о том, как много лет назад светлые бородатые люди, приплывшие на большом корабле от «земли, куда уходит солнце», были заколдованы «Агэой».

Когда мой дед поинтересовался, что означает это слово, ему объяснили: «Агэой» — упавшие с неба огоньки.

Что случилось потом с бородатыми светлыми людьми — говорили разное. Одни уверяли, что «тропа небесных огоньков» увела пришельцев в волшебную страну Гэмм. Другие рассказывали, что дух, не имеющий имени, велел бородатым людям делать лодки и плыть навстречу солнцу к большой земле и там начинать новую жизнь.

Тогда эта история не заинтересовала моего деда. Лишь много лет спустя, когда он прочитал об экспедиции Чирикова и о пятнадцати пропавших без вести моряках, дед вспомнил легенды, услышанные на архипелаге Александра.

В отчете экспедиции упоминалось, что индейцы тлинкиты, приплывшие с острова, выкрикивали слово «Агай». Может, на пакетботе не расслышали и неправильно записали «Агай» вместо «Агэой»?..

Конечно же, мой дед потом пожалел, что не расспросил подробно и не записал рассказы жителей архипелага. Снова побывать там ему не довелось. Кто знает, может, старинные индейские легенды хоть немного приоткрыли бы завесу над тайной исчезновения пятнадцати русских моряков?

«Тропа в неведомое» из упавших с небес огоньков...

Каждый видит в этих огоньках то, что хочет видеть, когда начинает свой путь по «тропе в неведомое». Но в конце пути «каждый получает то, что заслужил»...

Так говорили мои знакомые из Джуно. Так говорил им дух страстей и азарта, у которого нет имени и который опьяняет людей ощущением близкой удачи и счастливых перемен.

Одним, ступившим на «тропу в неведомое», кажется, что это праведный путь. Другим манящие огни представляются драгоценными камнями, что ведут к земному богатству. Третьи видят в них нечто таинственное, что обязательно надо постичь и испытать...

Я возвращался в Нью-Йорк, так и не побывав на земле, хранящей тайну пятнадцати русских мореходов. В иллюминаторе самолета, в темноте, едва просматривались какие-то острова. Может, они и были архипелагом Александра?

Мне хотелось в это верить. Как и в то, что разноцветные огоньки внизу — загадочная «тропа в неведомое» духа страстей и азарта, а не просто свет электрических лампочек поселений и морских кораблей.

От океана до океана

В Нью-Йорке я рассказал историю о пропавших без вести русских моряках известному американскому журналисту Арту Шилдсу. Когда-то он работал корреспондентом в Москве, а перед Первой мировой войной много месяцев провел на Аляске.

Оказалось, что в свое время Арт изучал материалы Второй Камчатской экспедиции и даже записал несколько преданий, связанных с таинственным, по его мнению, исчезновением моряков с пакетбота «Св. Павел».

У одного русского эмигранта, жившего в Нью-Йорке, Шилдс познакомился с записками известного предпринимателя и исследователя Григория Ивановича Шелехова.

Во второй половине XVIII века Григорий Иванович был организатором постоянных русских поселений на Аляске и на островах северных районов Тихого океана.

В 1788 году посланцы Шелехова встретили на Аляске, в заливе Якутат, светлоглазых, светловолосых, рослых белых людей. Жили они в племени индейцев колошей, говорили на их языке, но отличались манерами и одеяниями.

Когда об этой встрече сообщили Шелехову, он сразу вспомнил о пропавших моряках с пакетбота «Св. Павел» и решил, что светловолосые индейцы — их дети или внуки.

Примерно в семидесятых годах XVIII века в Нью-Йорке появился необычный молчаливый старик. По-английски он знал всего лишь несколько слов. Его повстречали охотники в верховьях реки Делавер. Знаками, жестами, отдельными словами старик умудрился объяснить, что много лет назад на берегу океана был захвачен какими-то индейцами. Вначале ему и его товарищам — русским морякам они дали чашу с горячим отваром.

Потом наступило забытье. Сколько оно продолжалось — старик то ли не знал, то ли не сумел объяснить. Товарищей своих с корабля он больше не видел. Его, тогда еще молодого, крепкого человека, индейцы решили сделать «белым шаманом». С острова, где он был захвачен, его перевезли на материк. Путь этот оказался неблизким. В лодке будущего «белого шамана» постоянно поили напитком, от которого вначале кружилась голова, а затем терялось сознание.

Как и чему обучал его «верховный учитель шаманов», старик не смог рассказать. Когда через много месяцев наступил «час посвящения», учитель надрезал моряку на руке вену и попробовал на вкус кровь. Потом пояснил, что кровь — плоха и чужаку не стать шаманом. А этого индейцы не простят и отдадут бледнолицего в жертву белым волкам.

Чем-то русский моряк приглянулся «верховному учителю шаманов», и он посоветовал неудачливому ученику бежать — все время навстречу солнцу, пока не выйдет он к берегу другого океана. И там, если он не встретит счастья, то, по крайней мере, обретет покой.

Моряк выполнил совет. Более двадцати лет двигался он от берегов Тихого океана к Атлантическому. Преодолевал реки, дремучие леса, озера. Несколько раз моряк попадал в плен к индейцам разных племен. Иногда он убегал, но чаще индейцы, узнав, какой путь он проделал и сколько ему еще предстоит пройти, в знак уважения отпускали его на волю.

Неизвестно, встретил ли русский моряк счастье в Нью-Йорке — «на берегу другого океана», как напророчил ему «верховный учитель шаманов». Обрел ли покой в незнакомом городе? Состоял ли он на самом деле в экипаже «Св. Павла»?..

Обо всем этом не осталось документальных подтверждений... Еще одна нераскрытая тайна Нью-Йорка.

Однажды в Нью-Йорке

Оно бесстрастно, оно неотвратимо, неминуемо, вечно... Все боится времени, но время боится пирамид.

Народная мудрость

...здесь — на востоке Северной Америки — мы сталкиваемся с одной из важнейших и вместе с тем поразительнейших проблем истории североамериканских индейцев. В научной литературе она получила лаконичное обозначение «маунды», которые отдельные наши переводчики пытаются передать словом «курганы».

Милослав Стингл

Разговор в нью-йоркской гостинице

Едва я уснул, как зазвонил телефон. В трубке раздался радостный голос моего нью-йоркского приятеля Стефана.

— Я здесь, в отеле «Франклин». Сейчас поднимусь к тебе! — возвестил он.

Позевывая и чертыхаясь, я пошел открывать дверь своего номера.

После приветствия, не извиняясь за поздний визит, Стефан заговорил об очередной своей авантюрной затее.

Это у него уже стало традицией: стоило мне появиться в Нью-Йорке, как он пытался втянуть меня в различные экспедиции, поиски, исследования, что ему иногда удавалось.

Начал он издалека:

— Для многих и в древности, и в наши дни время представлялось как бы неизменной дорогой, что ведет в будущее из прошлого. Помнишь строки из Томаса Элиота?..

Стефан на мгновение задумался, щелкнул пальцами и продекламировал:

Если идти по этой дороге
Любым путем из любого места,
То в любой час дня, в любое время года
Она будет одной и той же...

С едва скрываемым раздражением я прервал декламацию приятеля:

— Ты еще вспомни Гераклита: «В одну и ту же реку нельзя войти дважды, ибо воды в ней вечно новые... Все меняется во всеобщем круговороте в творческой игре Вечности...»

Конечно, прав Гераклит: «Все меняется...» Да, все меняется, но только не Стефан. Заявился ко мне в гостиницу во втором часу ночи, чтобы порассуждать о времени, почитать стихи Элиота и потолковать о египетских пирамидах и о курганах Северной Америки!.. Это в его характере. Он неисправим...

Но моя досада осталась не замеченной Стефаном. Недовольный, что его перебили, он склонил голову и укоризненно взглянул на меня.

— Ну, при чем тут твои пространные рассуждения о времени, о пирамидах и какие-то курганы? — не унимался я. — Может, начнешь в два часа ночи излагать мне гипотезу, что первыми переселенцами в Америку были древние египтяне?

Брови Стефана изогнулись, усы агрессивно зашевелились. Чувствовалось, что сейчас он перейдет в атаку.

— Так вот, мистер нетерпение... Как всегда, прерываешь меня на полуслове. Выслушай до конца, а потом делай свои умозаключения. О времени я заговорил не случайно, так же как и о пирамидах, и о рукотворных курганах Америки. Есть между ними связь!..

Я понял, что больше перебивать приятеля не стоит, изобразил на лице покорность и послушание. Правда, при этом весьма выразительно взглянул на часы.

— Знаменитое изречение «Время боится пирамид» переведено неверно!.. — ободренный моим молчанием, с пафосом воскликнул Стефан, словно не заметив многозначительного взгляда на часы. Воскликнул так, будто в пух и прах разнес, по крайней мере, теорию относительности, а самого лохматого гения Альберта Эйнштейна обвинил в невежестве.

— В действительности древние говорили не «боится», а «уважает» пирамиды, — в таком же приподнятом тоне продолжил Стефан.

— Конечно, твоя поправка — величайший вклад в науку, но все же зачем столько слов? — снова не сдержался я. — Напиши трактат или монографию по этому поводу, защити докторскую диссертацию...

Приятель не отреагировал на мое ехидство:

— Помнишь древнеегипетскую легенду о «перевернутых пирамидах»? Так вот, мне довелось услышать очень похожую легенду, но только от индейцев из Огайо и из Нью-Йорка! Это значит, перевернутые пирамиды или нечто подобное, есть и в Америке!..

— Может быть, индейцы услышали древнеегипетский вариант мифа, а потом интерпретировали его по-своему? — предположил я, не разделяя восторгов Стефана.

— Нет и еще раз нет!.. — отрезал он. — Неужели ты думаешь, что я бы не распознал, где, в какие времена, каким народом создана легенда?

— Ну вообще-то в подобных вопросах заходят в тупик даже самые высококлассные специалисты. И они не всегда могут определить, где, в какие времена, каким народом создавалась та или иная легенда...

Мое замечание нисколько не задело Стефана.

По его выражению лица я понял, что в эту ночь не стоит помышлять о сне, пока не выслушаю новую сомнительную идею...

Перевернутые пирамиды и «осколок Луны»

В свое время мне приходилось слышать о них в Африке и на Ближнем Востоке.

Конечно, легенда не дает точного ответа, с какой целью строились и зачем понадобилось, наряду с возведением обычных пирамид, создавать уходящие вглубь земли.

Так же не ясно, почему и строительство, и существование перевернутых пирамид надо было хранить в строжайшей тайне. Многие считают, что они — лишь вымысел, фантазия древних.

Даже египтологи почти ничего о них не знают, либо вообще не слышали. Ну, а те, кто обладает хоть какой-то информацией, предпочитает не распространяться.

В отличие от обычных перевернутые пирамиды сооружали только по ночам.

Те же формы, те же пропорции, но требовалось гораздо меньше каменных глыб, гораздо меньше времени и рабочих рук для их строительства и внутреннего устройства.

«Там время летит стремительно, но не по прямой, а извивается змеей... И проникший туда своевольно уже не су-

меет вернуться в мир верхней земли... Или будет выброшен в чужие страны, в чужие времена...

Там все живое застывает, а мертвое оживает... Там будущее может тянуться вслед за прошлым... Там свет становится гуще воды, и его можно мять руками, как тесто... Но при этом руки не будут касаться света...

И произнесенное там слово прозвучит много лет назад... А пролитая из кувшина вода потечет не вниз, а в верхний мир...»

Еще в легенде говорится, что именно в перевернутых пирамидах обитают истинные фараоны, умершие для верхней земли. А в обычных находятся лишь мумии их двойников — владык Древнего Египта и копии предметов.

Надзором за строительством перевернутых пирамид, их внутренним оборудованием и обустройством занималась особая группа жрецов. Как упоминается в легенде — «самые молчаливые посвященные, в черно-золотых одеждах...».

Жрецы высшего посвящения из храма в Эдфу для создания двойников фараонов и копий предметов, необходимых в странствиях по иному миру, якобы пользовались каким-то древним таинственным зеркалом. Это зеркало называлось «осколок Луны». Почему такое название — неизвестно.

Если верны древние сведения, то еще в период Среднего царства, примерно четыре тысячи лет назад, и сам «осколок Луны», и секрет создания двойников и дублирования предметов были утрачены во время набегов диких племен на Египет. Попало ли волшебное зеркало в руки завоевателей или кто-то другой воспользовался паникой, хаосом и разрушениями, — осталось тайной...

В легенде упоминается, что для получения двойника жрецы из Эдфу проделывали следующее: рядом с только что умершим фараоном укладывали живого человека. Потом наводили на них зеркало «осколок Луны» и оставляли их одних в темном помещении.

Отражения в «осколке Луны» мертвого фараона и живого человека попадали на другие зеркала из какого-то неизвестного металла. Эти зеркала устанавливались в глубине темного помещения.

Что еще происходило там — ни легенды, ни древние папирусы не сообщают.

Через определенное время, когда жрецы, «самые молчаливые посвященные, в черно-золотых одеждах», возвращались, перед ними были два абсолютно одинаковых покойника и дубликаты предметов, оружия.

Проникновение в перевернутую пирамиду

В Средние века рыцари, возвращаясь из крестовых походов, разносили экзотические и таинственные восточные предания по странам Европы.

С восторгом рассказывали они о древнеегипетских пирамидах, но лишь вскользь кое-кто из них упоминал о «перевернутых». При этом все рассказчики добавляли, что сами в тех загадочных строениях не бывали и даже не знают их точного местонахождения.

Известно много случаев проникновения в обычные пирамиды похитителей. Сохранились сведения о том, что именно они отыскивали там и даже чем заканчивались их преступления.

Но редко удавалось уловить из глубин истории рассказы о людях, отыскавших путь в перевернутые пирамиды.

Впрочем, об одном подобном случае мне все же удалось услышать.

Произошло это после завоевания Египта арабами. Один из халифов каким-то образом узнал о месте, где под слоем пустыни располагались перевернутые пирамиды.

Желание овладеть сокровищами фараонов заставили халифа пренебречь предостережениями мудрецов. Рассказы о страшных древних заклятиях, о «корабле времени», который иногда останавливается в перевернутых пирами-

дах, о времени, которое там сжимается в «сгусток ужаса» и карает людей, не могли остановить восточного владыку.

Халиф направил своих людей на поиски древних сокровищ. Однако из десяти участников экспедиции только один смог вернуться из таинственного подземелья. Но узнали его лишь по одежде. Уходил в перевернутую пирамиду семнадцатилетний юноша, а на следующий день выбрался из тайного лаза дряхлый старик. Он бормотал что-то неразборчивое, никого не признавал и трясся от страха. Узнать от него ничего не удалось. Обезумевший бедняга умер через несколько часов...

На какое-то время труп вернувшегося из перевернутой пирамиды оставили без присмотра. Когда же люди халифа вернулись к нему, чтобы захоронить, то от ужаса попадали на землю.

Перед ними был труп не дряхлого старика, а семнадцатилетнего юноши...

Рукотворные курганы — маунды

— Да, немного мы знаем о перевернутых пирамидах, — с оттенком радости в голосе заявил Стефан.

На его лице появилось выражение снисходительности, будто он раскрыл никому еще не доступную тайну и теперь размышляет, делиться со мной или нет.

Мое наигранное равнодушие лишь подзадорило приятеля, и он решился:

— Ты, наверное, слышал, что в Северной Америке обнаружено около ста тысяч рукотворных курганов-маундов. Они возводились в разные времена, разными индейскими племенами. Лет двести назад их можно было встретить даже на территории нынешнего Нью-Йорка. Самым древним курганам — более трех тысяч лет. Но, говорят, есть и постарше.

— Конечно, я слышал о маундах, но не подозревал, что их такая уйма в Америке, — заметил я и спросил: — Неужели около ста тысяч?

— Данные из научных источников, — убежденно ответил Стефан. — Что они собой представляют? Все эти сооружения не похожи друг на друга, но выполнены по одной технологии из земли, глины и камня...

— А в каких штатах они расположены? — поинтересовался я.

— Не буду рассказывать о всех видах рукотворных холмов, остановлюсь лишь на фигурных. Таких особенно много в штатах Висконсин и Огайо. Я лично видел их в Северной Каролине. Но, согласно преданиям, маунды встречались и в восточной, и в западной частях Нью-Йорка. Один такой рукотворный холм находился на месте аэропорта Джона Кеннеди.

— Ну и что с ним сделали?

Стефан развел руками:

— Говорят, срыли при строительстве.

— Эти маунды похожи на обычные курганы? — уточнил я.

Стефан покачал головой:

— Как правило, они воссоздают контуры какого-либо животного, а иногда — и человека. Но хорошо разглядеть фигурные курганы можно лишь с самолета, когда летишь на небольшой высоте. С земли не всегда понятно, что они изображают.

Приятель вдруг победоносно взглянул на меня:

— Вот ты всегда критикуешь, будто я готовлюсь к экспедициям второпях. Но к следующей я готовился не один год. Мне удалось побывать на многих маундах, зарисовать и сфотографировать их.

Стефан выхватил из кармана пачку фотографий, отобрал и протянул мне один из снимков:

— Гляди-ка, вот самый известный и примечательный — курган Змеиный. Длина его — более трехсот метров. Тело змеи извивается несколько раз и завершается спиралью...

Я разглядывал не очень четкий снимок, сделанный, очевидно, с вертолета, а Стефан продолжал разъяснения:

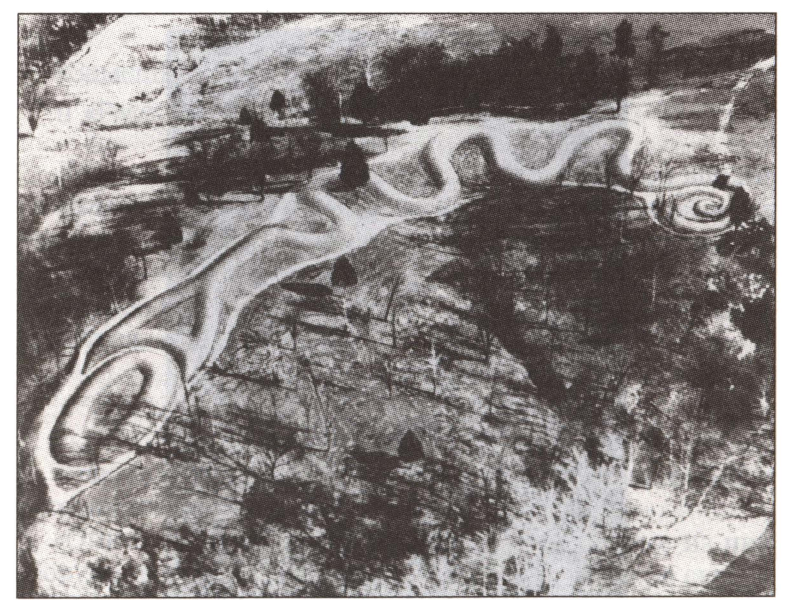
— Считается, что сооружение олицетворяет солнечное затмение. Возле головы змеи расположен овальный курган, который и является символом светила, на которое напало чудовище.

— Судя по твоему тону, ты не согласен с этим? — предположил я.

— Не совсем так... Индейцы, а затем один историк, объяснили мне, что Змеиный курган обозначает не просто затмение, а именно «время, когда наступает затмение», — пояснил Стефан.

Сделав многозначительную паузу, он продолжил:

— Собственно говоря, все остальные фигурные курганы тоже обозначают время каких-то действий различных живых существ. «Время взлета орла», «время спящего крокодила», «время голодной черепахи», «время падающей птицы» и тому подобное...

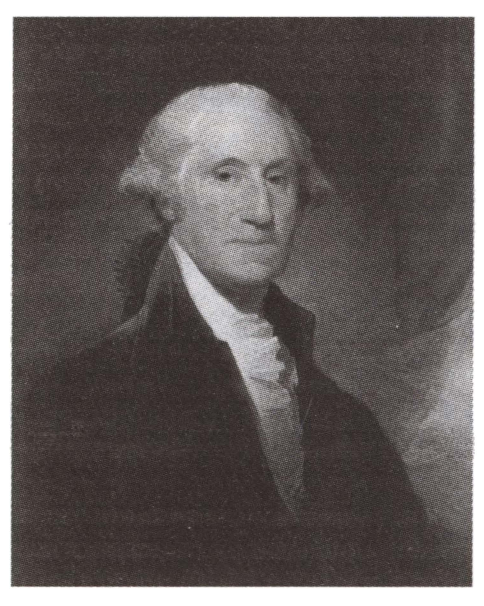
Змеиный маунд в Огайо

— Ну, а раскопки этих фигурных курганов производились? — все более заинтересовывался я.

— Их раскапывают чуть ли не с XVII века, — кивнул Стефан. — Конечно, первые копатели ничего общего с наукой не имели. Они попросту охотились за сокровищами. Среди переселенцев в Новый Свет и в XVII, и в XVIII веках ходили упорные слухи, что в фигурных курганах спрятано золото и серебро индейцев. А уже в XIX столетии расползлась молва о сокровищах атлантов, древних египтян, финикийцев, этрусков и даже гиперборейцев...

— А на самом деле?

— На самом деле в них находили захоронения людей и совершенно бесполезные, с точки зрения охотников за сокровищами, предметы: каменные и металлические топоры, наконечники для стрел, каменные молоты, курительные трубки, покрытые медью маски, различную посуду, слю-

Джордж Вашингтон в своих письмах упоминал маунды

дяные зеркальца, бусы из раковин... В общем, кладоискателям особенно нечем было поживиться.

— Представляю разочарование охотников за сокровищами, — усмехнулся я.

Стефан кивнул в ответ:

— Но тем не менее интерес к рукотворным холмам не ослабевал. Даже первые лица страны увлекались их тайнами...

Приятель многозначительно взглянул на меня: наверное, чтобы я осознал, какие люди кроме него интересовались маундами.

— Упоминания об этих необычных сооружениях часто встречаются даже в письмах Джорджа Вашингтона. А президент Томас Джефферсон лично проводил вполне научные исследования рукотворных холмов. Один из них находился прямо в саду президента, в Виргинии.

«Заметки» Джефферсона и «Рассуждения» Гаррисона

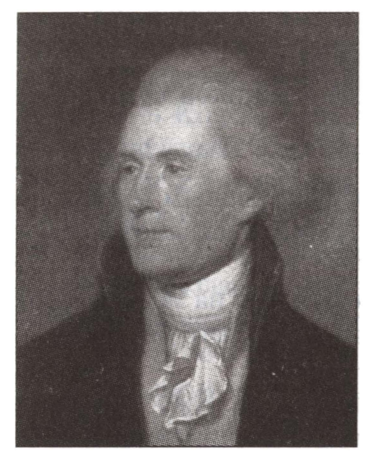
До того как занять высокий пост, Джефферсон вполне грамотно, с точки зрения ученых-археологов, совершил несколько раскопок курганов и даже написал о своих исследованиях в 1801 году «Виргинские заметки».

Стефан подарил мне этот труд, и я сам смог с ним ознакомиться.

* * *

В своей книге будущий президент США так описывал рукотворные холмы:

«Они имеют различную величину. Некоторые из них сооружены из земли. Другие сложены из ничем не скрепленных между собой камней. Каждому ясно, что когда-то они являлись местом последнего успокоения умерших.

Томас Джефферсон вполне профессионально изучал загадочные холмы

Некоторые считают, что под ними скрыты бренные останки тех, кто пал в сражениях, происходивших в этих краях.

Другие, напротив, связывают их происхождение с имевшим, по-видимому, широкое распространение обычаем индейцев сносить в определенное время в одно место останки всех умерших сородичей, даже в том случае, если в первое после смерти время они хранились в других местах.

... Поскольку один из таких маундов был расположен поблизости, я захотел убедиться в том, какое именно из этих мнений соответствует действительности. С этой целью я решил вскрыть и тщательно исследовать всю насыпь...

Сначала я вскрыл верхний слой земли в нескольких местах маунда и на глубине от 15 до 90 см стал встречать человеческие кости. Они лежали в полном беспорядке, словно на свалке: вертикально, наклонно, по диагонали, затем опять вертикально. Они были обращены в различные стороны.

Все перепутано и перемешано и удерживалось вместе лишь землей...

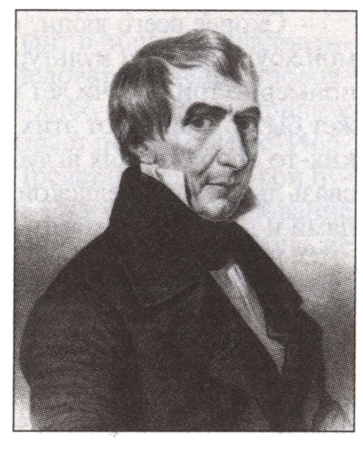
В костях мне не удалось обнаружить никаких следов, которые обычно оставляют после себя пули, стрелы и другие виды оружия. По моим предположениям, в кургане лежало до тысячи скелетов.

Приведенные факты позволяют опровергнуть мнение, будто в кургане покоятся останки павших воинов...

Исследование со всей очевидностью доказало, что маунд обязан своим возникновением обычаю собирать останки умерших и хоронить их в одном месте...»

Стефан рассказал мне, что проявлял научный интерес к рукотворным холмам и другой президент США — Уильям Генри Гаррисон. В своей работе «Рассуждения об аборигенах Огайо» он размышлял о древнем народе — создателе загадочных сооружений.

Уильям Генри Гаррисон

— И кого же он считал строителями этих фигурных курганов? — спросил я у Стефана.

Приятель сделал паузу, словно решил открыть величайшую тайну, а затем принялся рассказывать.

Кто же их возводил?

— В те времена многие исследователи полагали, что фигурные курганы создавались выходцами из Старого Света. Среди них называли и строителей древнеегипетских пирамид, и вавилонской башни, и финикийских мастеров, доставивших в Америку своего «медно-золотого всадника»...

— Какого всадника? — не сдержал я удивления.

Стефан решительно махнул рукой:

— Погоди... О всаднике будет отдельный разговор. Так вот, некоторые исследователи находили сходство американских рукотворных курганов с захоронением, который Ахиллес возвел на месте погребения Петрокла, о чем говорилось в знаменитом гомеровском творении...

— Но это все не подтвержденные версии, мнения, гипотезы, — перебил я. — Кто же на самом деле возводил фигурные холмы?

— Скорее всего люди, принадлежавшие к так называемой хоупвеллской культуре, жившие в Северной Америке примерно три тысячи лет назад, — ответил Стефан. — Может быть, именно от этих племен и исходит легенда о каких-то сооружениях вглубь земли. Хотя я не исключаю и связь людей хоупвеллской культуры с древними финикийцами и даже с атлантами.

— В легенде индейцев говорится о «перевернутых пирамидах», — я снова недоверчиво взглянул на приятеля.

— В ней нет обозначения «перевернутая пирамида», но описание огромного подземелья, уходящего глубоко в землю под фигурными курганами, очень напоминает ее, — пояснил Стефан. — Их строили тоже по ночам, как и перевернутые пирамиды — в Древнем Египте, и так же строго хранилась тайна, которую знали только немногие посвященные.

В легендах и Старого, и Нового Света говорится, что обычная пирамида берет энергию из космоса и отдает нашей планете. А перевернутая как бы вытягивает ненужный избыток энергии из глубин планеты и выбрасывает в космос.

И в древнеегипетской, и в индейской легенде огромные подземные сооружения считаются местом, где «причаливают корабли времени». Но, если верить древним преданиям, индейцы, в отличие от египтян, обозначали участок, где находилась перевернутая пирамида, рукотворными фигурными холмами...

— Ты хочешь сказать, что под всеми этими земляными черепахами, змеями, крокодилами, орлами находятся огромные подземелья, похожие на перевернутые пирамиды? Но их бы давно уже обнаружили...

Мои сомнения нисколько не смущали приятеля.

— Есть ли они там и, если есть, — кто их строил, я смогу ответить только после нашей экспедиции, — хитро улыбнулся Стефан. — Тем более что подготовка уже идет вов-

сю. Наш авиатор Соломон приводит в порядок «шаловливую куропатку», а пытливый исследователь Педро продолжает встречи и опрос тех, кто что-либо слышал о «причале корабля времени». В общем, собирает по всему Нью-Йорку необходимую информацию. Представляешь, какой будет «взрыв» в науке, если удастся доказать существование перевернутых пирамид, да еще в Америке?! — Приятель не сдержался и от предвкушения «взрыва» в науке мечтательно зажмурил глаза. Но тут же, заметив мой насмешливый взгляд, взял себя в руки.

Однако чувство восторженности переполняло Стефана:

— Кстати, нашу экспедицию мы так и решили назвать: «Причал корабля времени». Неплохо звучит?.. И поэтично, и отражает суть задуманного дела...

— Чем звонче название экспедиции, тем меньше ее результативность, — скептически заметил я.

Стефан махнул рукой и лихо подмигнул мне:

— Зато для прессы — замечательное название!

Тут возразить я ему не смог.

Разнородные земляные насыпи

Известный чешский ученый и литератор, исследователь истории Америки Милослав Стингл в своей книге «Индейцы без томагавка» много внимания уделил рукотворным курганам — маундам.

«В общих чертах маунды — это весьма разнородные земляные насыпи и развалины различных сооружений из глины и камня, — писал Стингл, —...назначения всех до сего времени открытых маундов (а их на востоке США обнаружено уже несколько тысяч) до сих пор полностью не выяснено...

Единого ответа на вопрос о назначении маундов невозможно дать хотя бы потому, что их... нельзя привести к одному общему знаменателю.

Могильные маунды были попросту кладбищами древних североамериканцев. Маунды, изображающие птиц, ланей и бизонов, очевидно, служили религиозным целям. Другие (например, огайский маунд Эншент, представляющий собой пятикилометровый вал), весьма вероятно были крепостями.

...Из металлов строители маундов пользовались медью, а позже изредка и золотом. Типичными находками в маундах являются также каменные, а иной раз и глиняные трубки, весьма похожие на современные.

В каждой группе маундов столь же часто попадаются диски из крупных раковин и украшенные ракушками мемориальные доски».

У Милослава Стингла, посвятившего много лет изучению американских курганов, нигде не упоминались перевернутые пирамиды и мистические истории, связанные с ними. Возможно, Стефан раскопал их из других источников.

Последние штрихи к началу экспедиции

Конечно, не в первый раз мы со Стефаном, Педро и Соломоном отправлялись на поиски того, что могло вообще не существовать.

Но «пока есть возможность искать — делай это». Такова одна из заповедей рыцарей мадам Авантюры.

«Что мы теряем, даже если и “перевернутые пирамиды”, и “причал корабля времени”, — всего лишь легенда? — задавал я сам себе вопрос и сам же на него отвечал: — В любом случае будут новые впечатления, интересные встречи и несомненно — приключения. А раз так, то говорить о потерянном времени, думаю, не придется».

После подобных объяснений я ловил себя на том, что стал частенько повторять доводы Стефана, которые он произносил всегда в завершение нашей очередной неудачной и бестолковой экспедиции.

Все путешествия со Стефаном, Педро и Соломоном начинались из Нью-Йорка. И на сей раз традиция не была нарушена.

На следующий день после ночного разговора со Стефаном вся команда собралась в его квартире. В этот дом на Манхеттэне, рядом с Центральным парком, приятель въехал месяц назад.

Еще не устроенный быт и последствия недавнего ремонта ничуть не отвлекали странников-авантюристов от намеченной цели. Взбудораженное сознание уже переносило нас на берега реки Огайо и к ее притокам Сайото, Гайандотт, Биг-Санди, Каноуа. Именно там, по убеждению Стефана, и должны находиться под рукотворными холмами загадочные подземелья — «причалы кораблей времени».

Первым сделал сообщение Соломон. Авиатор и владелец старенького «дугласа», который он почему-то называл «шаловливой куропаткой», сделал доклад по-военному четко:

— «Шаловливая куропатка» к вылету готова! Техника отлажена. Сбоев не должно быть. Маршрут отработан и выверен. Полет по всей линии согласован с нужными инстанциями. Но... — тут Соломон запнулся: — Вот денег на ремонт самолета и закупку необходимых деталей не хватило. Топлива припасено хоть и достаточно, но в кредит...

Однако неудовлетворительная финансовая сторона подготовки к полету не омрачила наше настроение. Неприятное экономическое дополнение в докладе Соломона все попытались пропустить мимо ушей.

Совсем по-иному выглядел доклад Педро, выходца из Латинской Америки, обосновавшегося в Нью-Йорке лет пять назад. Его сообщение было эмоционально, витиевато, наполнено мистическими отступлениями и не такое оптимистичное, как у нашего пилота.

Наконец, после долгой речи Педро с таинственным видом развернул перед нами карту. На ней, кроме Соединен-

ных Штатов, изображались южная часть Канады и северные районы Мексики.

По всей карте тянулось множество черных линий, образующих квадраты разной величины. На линиях четко просматривались точки, черточки, крестики, сделанные зеленым фломастером.

— На этой карте обозначены все рукотворные фигурные холмы Северной Америки — от Нью-Йорка до Огайо, — с гордостью пояснил Педро. — Изнурительная работа над ней отняла у меня четыре месяца жизни и две тысячи восемьсот тридцать пять долларов...

Соломон и я с сочувствием взглянули на героя титанического труда.

Стефан, будто не услышав слов приятеля насчет потраченных месяцев и долларов, сосредоточился на карте.

Он водил пальцем по черным линиям и бессвязно бормотал:

— От крокодила к сове... Пересекаем ручей... От летучей мыши до оленя рукой подать... Большой и малый койот... Дальше перелет... Отсюда придется на автомобиле...

Наконец, он кончил бормотать, выпрямился и окинул всех торжественным взглядом:

— Толковая работа. Я почти уверен, что по этой карте определю точно места расположения «причалов кораблей времени». Я их уже просто вижу, чувствую, ощущаю! На сей раз моя интуиция не подведет. Открытие будет совершено! И не кем-нибудь, а именно нами!

На лице Стефана появилась такая лучезарная одухотворенность, что я передумал омрачать приятеля ехидным напоминанием о шалостях его интуиции в предыдущих экспедициях.

Мальчик вверх ногами

— Не знаю, хорошо ли это?.. — вдруг сумрачно отозвался Педро.

— Что ты имеешь в виду? — почти одновременно спросили Стефан и Соломон.

— За четыре месяца много довелось услышать мне о фигурных курганах и об огромных подземельях под ними... — уклончиво ответил Педро и умолк.

Печальный пророк, да и только! Ну прямо-таки мудрец, знающий страшную тайну, но не сумевший раскрыть и растолковать ее варварам...

— Да, ведь никто этих подземелий не видел и не бывал в них, в том числе и те, кто как следует уже покопались в фигурных курганах, — с сомнением произнес я.

Погруженный в мудрую печаль, Педро даже глазом не моргнул.

— «Причалы кораблей времени» расположены слишком глубоко, — вместо него поспешно ответил Стефан. — Так что до них вряд ли кто докапывался. По крайней мере, в печати о подобном не сообщалось... И я о таком ничего не слышал.

— Может, кто-то и докопался, но уже не сможет никому рассказать об этом... — наконец снизошел до варваров опечаленный мудрец.

Тон Педро и выражение его лица становились все мрачней и таинственней. Еще немного, и он втянет всех нас в свой мир неразгаданной скорби.

— Да объясни ты, в чем дело! — не сдержался Соломон. — А то напустил мрачного тумана... Вон у меня на крутых виражах «куропатка» слегка покашливает, и то я не устраиваю из этого драму.

Педро обиженно пожал плечами, но все же ответил и излил горечь своих раздумий:

— У индейцев оджибве, чиппева и, кажется, у монтанье и наскапи сохранились мрачные предания о подземных «причалах кораблей времени». Хотя они стараются никому не рассказывать о них. Поскольку это может навлечь беду и на рассказчика, и на слушателя. Но мне все же поведали...

— Почему именно ты удостоился такой чести? — спросил я.

Мой подозрительный тон не понравился Педро. Пока он соображал, как достойно ответить, вмешался Стефан.

— А чему ты удивляешься? Наш друг прекрасно умеет ладить со всеми народами мира. Ему доверяют и открывают многие секреты. Неужели еще не убедился во время наших путешествий?

— В том-то и дело, что убедился. Действительно, ему раскрывают секреты, особенно, если они — сказка, миф... — согласился я.

— В следующий раз пойдешь сам выяснять у индейцев, где сказка, а где быль, — отрезал Стефан.

— Следующего раза может и не быть, — зловещим, пророческим тоном заявил Педро. — Со всеми, кто соприкасается с подземными «причалами кораблей времени», происходит какая-то чертовщина...

Он взглянул на меня, Стефана и Соломона так, будто «чертовщина» должна произойти и с нами сей же час, в этой нью-йоркской квартире.

— Как правило, люди исчезают бесследно. Потом вдруг появляются, но только в сновидениях знакомых людей. А бывает, пропавшие в таинственном подземелье через какое-то время вселяются в души соплеменников... — Педро на мгновение умолк и снова обвел всех взглядом.

Может, ожидал, что мы от его слов попадаем в обморок.

Но, поскольку этого не случилось, продолжил свое мистическое повествование.

— Рассказывали, что много лет назад один старик из племени чиппеве каким-то образом угодил в страшное подземелье под фигурным холмом. И, конечно, бесследно исчез. С той поры никто его не видел...

И снова повествование Педро не возымело ожидаемого им действия.

— Но прошло пару лет, и пропавший старик вселился в душу маленького мальчика из его племени. Ребенок вдруг

заговорил голосом того старика, стал вспоминать, что было полвека назад.

А потом мальчик свихнулся, стал припадочным, перестал ходить ногами, а все норовил передвигаться с помощью рук и головы...

— Представляю эту жуткую картину, — с состраданием отозвался Стефан.

— Затем и того хуже пошли дела: ребенок старел и дряхлел буквально с каждым часом. Кожа сморщилась, волосы поседели, зубы выпали, и вскоре бедолага умер, — воодушевленно продолжил Педро, получив поддержку от Стефана.

Голос его становился все увереннней:

— Собрались его хоронить, а труп исчез. Искали-искали его родственники, но так и не нашли... Представляете? Был мальчик и исчез...

И отправились чиппеве к холму Рыси, под которым сгинул старик. Принесли они веревку, на которой было двадцать три узла, гуся, проткнутого стрелой, какое-то особое зеркальце, в котором двадцать три ночи отражалась Полярная звезда, и засушенную ветку ивы, свернутую в спираль.

Все эти магические предметы индейцы закопали в холм Рыси.

По-видимому, подношения должны были проникнуть в подземелье, где находится «причал корабля времени». Совершили мужчины чиппеве обрядовый танец и все вернулись восвояси.

А через несколько дней после того объявился умерший и исчезнувший мальчик. Здоровехонький. Улыбается всем, но ничего не помнит. Стали его расспрашивать, где был, что видел? А он ответить не может...

Прошло еще какое-то время. То ли индейцы забыли сделать подношения холму Рыси, то ли чего еще натворили. В общем, опять мальчика потянуло ходить на голове...

— Такое бывает, — с пониманием отозвался Соломон. — Вот я однажды тоже что-то не то натворил с «ша-

ловливой куропаткой». Может, маслом как следует не обработал, а может, обругал ее сгоряча. Так она тогда весь полет норовила тоже перевернуться с ног на голову. То есть — показать небу шасси...

— Да погоди ты сравнивать самолет с человеком! — остановил Соломона Стефан.

— Все повторилось: и стремительная старость, и смерть, и исчезновение трупа, и мольба, и дары «причалу корабля времени», — не реагируя на слова приятелей, продолжал Педро. — Снова, как ни в чем не бывало, появился мальчишка среди соплеменников. И так продолжалось несколько раз, пока, наконец, от него не избавились. Попросту изгнали из племени!

— Да, сурово они поступили с мальчиком, — покачал головой Стефан.

— Конечно, жестокое решение, но старейшины посчитали, что так они отвратят беду от своего народа, — согласился Педро.

— С тех пор и обитает в одиночестве, в лесах, неподалеку от холма Рыси, не то ребенок, не то дряхлый дед, не то живой, не то покойник.

— И чем же этот маленький изгнанник занимается? — с недоверчивой усмешкой поинтересовался я.

— Роет он по ночам землю, чтобы докопаться до «причала корабля времени», а днем все, что удалось ему вырыть, неведомая сила снова засыпает, — не обращая внимания на мой тон, вдохновенно ответил Педро.

— Индейцы говорят, если встретишь в лесу ребенка, стоящего вверх ногами, спасайся бегством, иначе попадешь в вечное рабство к нему и будешь всю жизнь, и даже после своей смерти, копать землю к «причалу корабля времени»...

— А вы случайно не встречали этого жуткого, перевернутого с ног на голову мальчика? — не удержался я, насмешливо взглянув на Стефана и Педро. — Может, вас поэтому и тянет копать курганы?

Приятели не одобрили шутку. Педро стрельнул в мою сторону сердитым взглядом, как учитель на разбушевавшегося озорника. Чувствовалось, в эти минуты его не проймешь никакими ехидными замечаниями и остротами.

— «Причалы корабля времени» могут влиять по-разному на людей и на большом расстоянии. Даже эта карта с ее обозначениями каким-то образом воздействует на человека, — назидательным тоном завершил свой рассказ Педро.

Продолжая скептически улыбаться, я машинально потянулся к расстеленной на столе карте. Но, конечно же, ничего зловещего, рокового не увидел.

Зато Стефан и Соломон сосредоточенно, и даже с тревогой, уставились на обозначения, начертанные рукой Педро.

Вечеринка перед началом путешествия

Может, и впрямь «причалы кораблей времени» и даже карта с их обозначениями влияют на самых беспечных, романтичных жителей Нью-Йорка — моих приятелей?..

Что-то не заладилось у нас с вылетом к берегам реки Огайо на поиски таинственных подземелий. То и дело у каждого участника будущей экспедиции возникали мелкие проблемы, которые тем не менее обязательно надо было решить до вылета.

Казалось бы, сами «причалы кораблей времени», существующие или не существующие, здесь ни при чем.

Однако мы отложили путешествие вначале на сутки, потом — еще на сутки и еще... Когда, наконец, все проблемы, на наш взгляд, были решены, снова собрались на квартире у Стефана.

— Прощальная дружеская пирушка перед дальней дорогой! — так объявил он. — Вылет — на следующее утро, а сегодня встряхнемся, повеселимся...

Мы с Педро заявились к Стефану одновременно.

Удивительно, что самый пунктуальный из нас, Соломон, в тот вечер опаздывал. Прождали его около часа. Думали-гадали, что же могло задержать нашего пилота. Пробовали шутить по этому поводу, придумывая разные «веские» причины.

Неудачно...

И вот, наконец, Соломон появился. Он и так никогда не отличался излишней веселостью, но сегодня был особенно грустен и задумчив.

Впрочем, я обратил внимание: в тот вечер и Стефан, и Педро тоже выглядели какими-то сникшими, озабоченными.

Не дав Соломону раскрыть причину своего опоздания, мы поспешно уселись за стол.

Хозяин постарался. Может, хотел, чтобы во время суровых экспедиционных будней мы вспоминали это гастрономическое изобилие. А может, просто перед долгой отлучкой хотел опустошить — чтоб добро не пропадало — свой холодильник.

Не успели увлажнить стаканы, как Стефан ринулся произносить тост. Однако красноречие почему-то изменило ему.

Он запинался на каждой фразе, делал затяжные паузы, закатывал вверх глаза, мучительно вспоминал и подбирал слова.

Из всей его сумбурной речи я понял только то, что время как бы отбрасывает нас от поиска таинственных подземелий, поскольку в своих исследованиях мы подошли к опасной черте...

Но завершил Стефан свой странный тост вполне оптимистично:

— И все же мы преодолеем трудности и отправимся в путь... Ничто нас теперь не остановит! Ни козни врагов, ни оккультные силы, ни проклятия древних...

Что за опасная черта? Почему и каким образом время «отбрасывает нас от поиска»?.. И какие враги и оккультные

силы ополчились против нашей экспедиции? Наверное, и сам произносящий тост не смог бы толком все это объяснить.

Но речь произнесена. Стаканы глухо стукнулись друг о друга. Надо было веселиться, а веселья-то как раз и не получалось.

Разговор не клеился. Шутки и остроты становились все тяжелее и бесцветнее. Даже водка и джин в тот вечер отлынивали от своих обязанностей опьянять, будоражить, веселить...

Странные сновидения

— Знаете, что мне сегодня приснилось? — неожиданно спросил Соломон и тут же с содроганием в голосе ответил на свой вопрос. — Видел я во сне пожар... Горела «шаловливая куропатка»!.. Я пытаюсь потушить, а она горит, горит, родимая...

Слова нашего пилота произвели на всех удручающее впечатление.

— Такой сон — не к добру перед вылетом, — немедленно заявил Педро — самый впечатлительный и суеверный в нашей компании. — Вот помню, однажды мне приснилось перед экспедицией...

Начал и замер на полуслове. Так мы и не узнали, какое ночное видение одолевало нашего приятеля и каковы были его недобрые последствия.

Расспрашивать не стали...

— Она горела в воздухе или на земле? — деловито и озабоченно обратился к Соломону Стефан.

Тот задумался.

— Огонь помню... Как пылает самолет — помню. Видел все, как наяву. А вот где точно это происходило — не знаю. Но раз я был не за штурвалом и пожар заметил вроде бы со стороны... Значит, наверное, трагедия случилась на земле?..

— Выходит, так, — согласился я.

— Уже легче, — с видом опытного толкователя снов заключил Стефан. — А не снилась ли тебе карта расположения «причалов корабля времени»? Напряги свою память.

Соломон, не задумываясь, кивнул:

— Снилась! И очень отчетливо.

Стефан и Педро многозначительно переглянулись.

— И мне она снилась, — обреченно признался Педро. — А еще — всякие ужасы... Какое-то подземелье, то жар, то холод... Вокруг — ужасные рожи. Деталей не помню, но то, что меня пытали и жгли на костре инквизиторы, — видел отчетливо. Здоровые такие, гады, откормленные...

Педро помедлил, словно вспоминая ночной кошмар.

— А одеты они были почему-то в черно-золотистые балахоны. Вместо дров они бросали в костер подо мной свернутые в рулоны карты. Много рулонов!..

Приятеля аж передернуло от жуткого сновидения.

— При этом инквизиторы кривлялись и орали: «Сам делал, сам и жарься на них, сатана! Вечно ходить тебе на том свете вверх ногами! Не тронь того, что неприкосновенно!..»

Педро взглянул на всех, словно ища сочувствия.

— За что они меня? Ну, разве я похож на сатану?

— Когда долго не бываешь в парикмахерской, в общем-то немного похож, — жестоко, но честно ответил Стефан и поинтересовался. — Ну, а видел себя сожженным? То есть пепел, золу, угли?.. Или что там после тебя осталось?..

Педро задумался.

— Да вроде бы нет... Огонь... Боль... Мучение мое и крики и хохот инквизиторов... На том все и закончилось.

— Уже легче, — снова тоном знатока сновидений произнес Стефан. — Гораздо хуже, если бы ты увидел свои сгоревшие останки...

— Значит, теперь, наяву, мне будет плохо, но не совсем? — с надеждой в голосе поинтересовался Педро.

Стефан ничего не ответил. Лишь тревожно взглянул на приятеля.

Грустная мысль, что мои соратники слегка свихнулись от чересчур усердной подготовки к экспедиции, все настойчивее волновала меня. Я еле сдержался, чтобы не влезть с ехидными замечаниями в их содержательный разговор о снах, и сохранил глубокомысленное молчание.

Двадцать пятое каприччио

И все же что-то надо было делать! Вырывать соратников из опасного плена мистики!

Но тут вдруг выяснилось, что ночной кошмар не обошел стороной и Стефана.

— Мне снилось, что я Паганини, — с легкой грустью заявил он и с виноватым видом оглядел соратников.

— От мании величия ты даже во сне не можешь избавиться, — не утерпел я.

— А что тут поделаешь? — развел руками Стефан. — Талант всегда тянется к таланту, даже во сне. И потом, не мы ведь выбираем сновидения, а они — нас.

— Ну, и что с тобой происходило? — заинтересовался Педро.

— То, что и должно происходить с великим музыкантом. Я играл на скрипке...

— Конечно, с оборванными струнами, — «подсказал» я.

— Может, и с оборванными... Весь сон подзабыл, и начало и конец, а вот некоторые детали прочно врезались в память, — охотно пояснил Стефан. — Виделся мне какой-то мрачный концертный зал. Я на сцене... Где это было?.. Может, даже в подземелье...

— Неужто в перевернутой пирамиде? — снова не утерпел я.

— Кто его знает? — не заметил моей иронии Стефан. — Вокруг темнота. Лишь несколько свечей горят. А публика орет: «Давай двадцать пятое каприччио!» Я им объясняю, что Никколо Паганини, то есть мной, написаны только двадцать четыре каприччио... А публика не слушает, про-

должает орать: «Давай двадцать пятое!..» Представляете? И что им втемяшилось в башку? Почему требовали не написанное Паганини каприччио?..

На лице Стефана появились озабоченность и удивление.

— В общем, начинаю играть нечто невообразимое. Публика снова недовольна: «Прекрати импровизировать! Давай, как положено, по нотам! И без всяких выкрутасов!»

Кто-то выносит мне на сцену пюпитр. Смотрю, а на нем вместо листов с нотами... — наша карта с обозначением «причалов корабля времени». Чтобы не злить публику, снова начинаю играть... по знакам на карте. И не могу понять, как это происходит... Смычок, не подчиняясь моей руке, будто пляшет по единственной целой струне...

— Ты же говорил, не помнишь, были оборваны струны или нет, — заметил я.

— А теперь вспомнил, — невозмутимо ответил Стефан. — Но весь ужас положения был в том, что я не мог завершить свое выступление.

Только подходил к концу странного каприччио, как скрипка и смычок, словно сами по себе, начинали его сначала, с первых нот.

При этом какой-то зловещий голос мне нашептывал: «Ты запутался во времени... Тебе уже не выбраться из временного лабиринта... Вечное тебе блуждание — без выхода. И играть... играть... играть...»

И все же они сбываются

— Кажется, надо отнять у вас карту, — перебил я Стефана. — Иначе окончательно свихнетесь.

— Бери... — поспешно согласился Педро и протянул мне свернутый рулон.

Но потом вдруг спохватился и с подозрением взглянул на меня:

— Кстати, а почему ты ничего не рассказываешь? Неужели ничего не снилось в эту ночь?

— Конечно, ничего! — бодро соврал я. — Это только на ваши неокрепшие души могут так повлиять всякие сказки, жуткие истории и кусок бумаги с рисунками. Спал спокойно, и никакая дрянь не вползала в мое сознание. Ни мальчика, ходящего на голове и руках, ни костров инквизиции, ни двадцать пятого каприччио Паганини...

— Как же, признается он! — усмехнулся Стефан и кивнул в мою сторону. — Выпускник советского юридического вуза. Да там ему постоянно вбивали в голову: ни во что не верить, кроме как в светлое коммунистическое будущее!

Приятель призадумался:

— А вот интересно, если бы гражданину Эс-Эс-Эс-Эр приснился коммунизм. В такой сон у вас разрешали верить?

Я ничего не ответил — лишь махнул рукой.

Не знаю, почему, но мне не хотелось признаваться, что проклятая карта с расположением фантастических «причалов корабля времени» привиделась и мне, только несколько с другими обозначениями.

Это был жутковатый сон.

Мой старший товарищ, который когда-то в Советском Союзе занимал такой высокий пост, что его портреты висели в кабинетах начальников и в красных уголках, их носили по улицам во время праздничных демонстраций, разговаривал со мной: тихо, но сурово. Кажется, грозил пальцем. Взгляд из-под стекол очков обдавал холодом. Хотелось вытянуться перед ним по струнке, но не было на это сил. Во сне казалось: он более могущественный, чем в реальной жизни.

После пробуждения я силился, но так и не смог вспомнить ни единого слова из сновидения. В памяти осталось только ощущение собственной вины, страха да злополучная карта. Но были на ней не пометки Педро, а рукой старшего товарища нарисованы ракеты, военные самолеты, танки, минные поля и почему-то — пивные ларьки.

Видно, приятели заподозрили мою неискренность.

И Стефан даже начал фантазировать, предполагая, какие же ночные кошмары я пытаюсь утаить от них. Но зазвонил телефон. Стефан ответил и тут же передал трубку Соломону. Лицо нашего славного пилота мгновенно вначале покраснело, а потом сделалось серым. Он не произнес ни одного внятного слова. Лишь угрюмое мычание да нетерпеливое переступание с ноги на ногу были его ответом невидимому собеседнику.

Не успел Соломон опустить телефонную трубку на рычаг, как Стефан, Педро и я уже почти обо всем догадались. Несмотря на случившееся, Педро окинул всех победоносным взглядом вернувшегося издалека к дикарям пророка.

Мне казалось, вот-вот он воскликнет с осуждением: «Я же говорил! Я ведь предупреждал вас! “Причалы кораблей времени” влияют даже на большом расстоянии! Даже в Нью-Йорке мы зависим от их неведомой силы!»

«Прощай, прощай, река Огайо!..»

Нет, конечно, «шаловливая куропатка» не сгорела дотла. Но электропроводка самолета серьезно пострадала.

Кто был виновен в пожаре? Как устранить его последствия? Над этими вопросами теперь бился Соломон. Конечно же, мы ему оказывали посильную помощь.

Но о полете на славной, испытанной машине в ближайшем будущем к берегам Огайо не могло быть и речи. «Шаловливая куропатка» нуждалась в серьезном лечении и надолго застряла в мастерской нью-йоркского аэроклуба.

На следующий день после пожара мы встретились со Стефаном в баре у мулата Фрэнка, на Пятой авеню.

Едва только заказали кофе, как в бар влетел Педро.

По ошалелым глазам и растрепанному виду было ясно, что беда постигла и его.

Как тут не вспомнить крылатое выражение: «Сон в руку»!

— Они хотят меня уничтожить! Они сжигают меня живьем! — причитал Педро. — У этих людей нет ни капли сочувствия и любви к ближнему!

— Неужели инквизиторы из сновидений ворвались в твою реальность? — попробовал пошутить я.

— Вот именно, инквизиторы! — гневно ответил Педро и выхватил из кармана какую-то бумажку.

Он долго не мог успокоиться и посылал проклятия на головы извергов и вампиров из банка, которые сегодня прислали ему умопомрачительный счет. В общем, в течение трех дней Педро должен был внести в банк солидную сумму, которой он сегодня не располагал.

— А меня залило сверху так, что рухнула часть потолка, — грустно поведал Стефан. — И весь мой ремонт полетел к чертовой матери... Столько денег потратил! Столько времени угробил...

Беда приятеля немного успокоила Педро. Он угомонился и чинно принялся за кофе. При этом страшный банковский документ он все же не выпускал из руки.

Тишина воцарилась за нашим столиком.

Каждый погрузился в свои беды и проблемы.

Но вдруг приятели, как по команде, выжидающе уставились на меня. На их лицах явственно читалось предвкушение и желание услышать, какая же пакость приключилась со мной.

«Не дождетесь...» — мысленно ответил я.

Не буду же я им рассказывать, что ночью звонил в Москву своему редактору Виталию Бабенко, а тот весьма доходчиво, но зловеще, разъяснил: если через неделю у него на столе не будет рукописи, то моя книга в этом году не увидит свет.

А как хотелось, чтобы она все же увидела свет... Именно в этом году!

Но, увы, Бабенко не скоро получит мою, пока еще не существующую, рукопись...

Тягостное молчание наконец разрядил Стефан.

— Помните, что говорил славный рыцарь мадам Авантюры Билл Томпсон о времени? Надо стать другом времени. Не злить, не раздражать его. И тогда оно может растягиваться, убыстряться, укорачиваться так, как тебе хочется...

— А мы не поладили со временем, когда задумали искать подземные причалы его кораблей. И, наверное, очень его разозлили, — поддержал приятеля Педро.

Потом он вдруг прервал свое раскаивание и резко обернулся к телевизору, висевшему над стойкой бара:

— Она что, издевается над нами?! — воскликнул Педро и указал пальцем на экран.

Я взглянул и прислушался.

Удивительное совпадение: в этот самый момент незнакомая певичка ехидно подмигивала нам с экрана и напевала:

Прощай, прощай, река Огайо.
Мне долго не слышать крика
твоих чаек.
Мне долго не видеть
твоих разливов...
И никогда не забыть
Солнечное время
на твоих берегах...

И в самом деле, песенка звучала как издевательство над нашей рухнувшей мечтой о путешествии к берегам Огайо.

Стефан даже не взглянул в сторону телевизора.

Кажется, унылое настроение постепенно покидало его. Туман мрачных мыслей рассеивался. В глазах появились веселые искорки, которыми он захотел поделиться с друзьями:

— А все же она не забыла нас!

— Кто?

— Мадам Авантюра. Спасибо ей, что подала нам вовремя знаки предостережения! Пройдет время, и однажды она

снова соберет нас в Нью-Йорке и подскажет что-нибудь эдакое! — Стефан задорно подмигнул нам.

— Что-то она в последнее время все больше тревожные знаки подает, — заметил Педро. — Когда, наконец, она улыбнется нам? Когда, наконец, вместо жмени своих капризов подсыпет в наши карманы щепотку удачи?..

— Ничего, мадам Авантюра — хоть и капризная дама, но, будем надеяться, скоро просигналит нам сбор в дорогу, — успокоил Стефан. — Будет и по щепотке удачи в карманах... А там, глядишь, и время смилостивится и позволит проникнуть туда, где причаливают его корабли.

Забытые и ненайденные сокровища Нью-Йорка

...Золотой век совершенно не знал золота и именно по этой причине назывался золотым веком, то есть счастливым, благоденственным веком, потому что тогда не существовало таких зол, порождаемых драгоценными металлами, как скупость, корыстолюбие, воровство, грабеж, ростовщичество, банкирские конторы, ссудные кассы, лотереи и еще целый список преступлений и бедствий. В железный век золота было в изобилии, вследствие чего он и назывался железным веком — из-за лишений, тягот, раздоров и войн, порождаемых жаждой золота.

Вашингтон Ирвинг «История Нью-Йорка»

Клад — спрятанные, большей частью зарытые в землю ценные вещи, владелец которых неизвестен или утратил на них право. Обычай зарывать клады существует повсеместно с глубокой древности.
...Наряду с зарытием клада существовало и кладоискательство; широко распространены были не заслуживающие доверия рукописные записи с указанием мест, где якобы зарыты клады. Народная молва приписывала охрану клада злым духам, и добыть клады считалось возможным лишь с помощью колдовства...

Большая советская энциклопедия

И в Нью-Йорке, и на Кейп-Коде

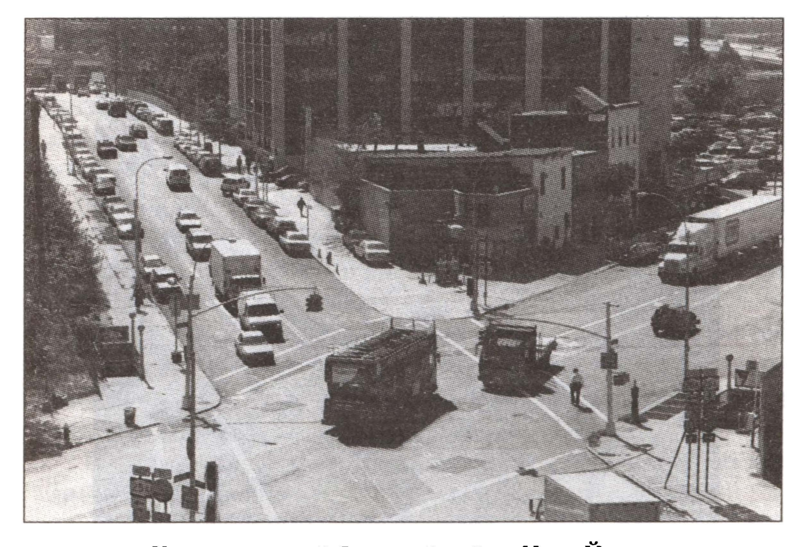
Знакомое имя

Куинз, самый большой район Нью-Йорка, расположен на острове Лонг-Айленд. Еще в начале XIX века это место было сельской местностью — с лугами, лесами, выпасами.

Теперь здесь множество частных жилых домов, предприятий, офисов.

Однажды я отправился в Куинз повстречаться с приятелями — нью-йоркскими преподавателями университета. Доехав на такси по указанному адресу, я стал выискивать нужный мне номер дома. Неожиданно мой взгляд остановился на красочной афише, висевшей у входа в какой-то клуб.

«Сегодня состоится лекция доктора Дж. Нортона, ученика и соратника знаменитого профессора Трежера. Тема лекции: “Поиск всевозможных кладов, во всех концах света”, — сообщалось в афише.

Куинз — самый большой район Нью-Йорка

Профессор Трежер!.. Ну разве можно забыть этого странного человека?!.. Вот уж не ожидал встретить его имя в Куинзе. Хотя в Нью-Йорке все возможно.

Жаль, что не смогу увидеться с его учеником — доктором Нортоном. Хотелось бы узнать, где сейчас находится мистер Трежер и чем занимается. Хотя... Чем занимается — ясно и так: ищет сокровища.

С ним мне довелось познакомиться восемь лет назад...

По дороге из Нью-Йорка

Стефан и в обычном состоянии любил поразглагольствовать, но когда он оказывался за рулем автомобиля, остановить его словесный поток было невозможно.

Во время поездки из Нью-Йорка до маленького курортного городка Провинстаун, на северной оконечности

Полуостров Кейп-Код. Аэрофотосъемка

полуострова Кейп-Код я услышал множество историй о кладах и о загадочном человеке, к которому мы направлялись.

Сам он был жителем Нью-Йорка, но по каким-то причинам несколько месяцев обитал в штате Массачусетс.

Педро и Соломон, очевидно, не раз слышали эту историю, потому не задавали вопросов и не прерывали пламенных, восторженных речей Стефана.

По словам приятеля, вся земля и прибрежные воды Соединенных Штатов буквально напичканы невостребованными сокровищами. А полуостров Кейп-Код был каким-то волшебным когтем — и по форме, и по сути, — который притягивал и цепко захватывал проходящие мимо корабли. И, конечно же, корабли, груженные сокровищами.

Вину за все бесследные исчезновения судов с золотом и серебром Стефан приписывал Кейп-Коду.

Приятель даже где-то вычитал, будто в XVII или XVIII веке какой-то гениальный злодей установил на полуострове маяк-ловушку. От его света моряки буквально сходили с ума, теряли ориентировку и направляли свои корабли на отмели Кейп-Кода.

Понятное дело, там их уже поджидали сухопутные пираты. В считанные минуты головорезы убивали моряков, корабль сжигали, а сокровища до поры до времени зарывали в землю полуострова.

Клады ждут не дождутся, когда же их извлекут на белый свет, утверждал Стефан, но люди ленивы, нерасторопны, начисто лишены романтики поиска и не желают протянуть руку, чтобы достать богатство...

— Что такое клад? — спросил Стефан и тут же сам себе ответил. — Это материальные ценности — или внезапно свалившиеся на голову, или добытые в результате огромной умственной и физической работы.

Казалось, он вот-вот бросит руль и закатит целую лекцию о скрытых сокровищах.

— Риск, вера, сомнения, убежденность, познание, изучение истории, географии, природы, одержимость, логи-

ческий анализ, любовь к экстремальным ситуациям, выброс адреналина в кровь — вот что такое поиск клада!..

— Мне нравится и первый, и второй варианты, — отозвался из-за спины Стефана Педро. — И когда сокровища внезапно сваливаются на голову, и когда их упорно ищешь... Но первый — все же предпочтительнее.

Тут не сдержался и Соломон.

— Азартные игры придумал человек. А вот самую азартную игру — поиск кладов — изобрел сам Всевышний, — глубокомысленно изрек наш авиатор.

— Где ты это вычитал? — заинтересовался Стефан.

— Конечно, в «Учебнике кладологии». Сам же меня заставил штудировать.

— Ах, да, — вспомнил Стефан и кивнул мне. — Надо было бы и тебе прочитать.

— Неужели есть такой учебник? — я недоверчиво посмотрел на приятелей. — Что это — розыгрыш?

Нет, приятели не шутили.

— Ничего, у профессора Трежера мы тебе его купим, он — его творение. Убедишься, насколько у него все серьезно, — ответил Стефан.

Создатель науки — кладологии

Когда приятель пару дней назад рассказал о профессоре, фамилия которого переводилась с английского как «клад», и о том, что тот является непревзойденным специалистом по спрятанным сокровищам, то я сразу понял: мадам Авантюра уже мчится нам навстречу.

Но теперь, узнав, что профессор Трежер написал не просто книгу, а учебник для кладоискателей, я почувствовал приближение не только мадам Авантюры, но и ее сестрицы — мадам Аферы.

Стефан будто прочитал мои мысли:

— Опять недоверие? Опять сомнения? Пойми, наконец, профессор Трежер — не делец, а ученый почти с мировым именем!..

— Вот именно — почти... — язвительно подчеркнул я.

— Он ученик нашего друга — старика Билла Томпсона! — подкинул весомый аргумент Стефан.

— Ну, тогда все понятно... А мистер Трежер лично нашел хоть один самый захудаленький клад?

Стефан оторвал взгляд от дороги и снисходительно покосился на меня.

— Он стратег кладоискания. А стратегу самому не надо ввязываться в бой. Его цель — спланировать сражение, поставить задачу войску, спрогнозировать результаты и дать оценку победе!

— Или поражению, — добавил я.

— Ты неисправим... — сокрушенно сделал вывод Стефан. — Не хочу с тобой спорить... Поймешь после встречи с профессором, какой он знаток. Это самая настоящая ходячая энциклопедия. Он создатель науки «кладология»!

— Разве уже появилась такая наука? Что-то не слышал...

Мое замечание и ухмылка задели приятеля. На какое-то время он затих, целеустремленно смотрел на дорогу, но вскоре не выдержал:

— И все же есть такая наука!

Я не стал ввязываться в спор.

В конце концов, если кому-то хочется, пусть будут и такие науки: кладология, кладолюбие, кладомудрие... Не важно. Мне-то какое до этого дело? Я просто вырвался на пару дней из Нью-Йорка и еду с приятелями, которых давно не видел, прогуляться на полуостров Кейп-Код, познакомиться с новыми людьми...

Корабль «Мэйфлауэр»

Надо отдать должное Стефану: в последнее время каждое путешествие, каждую поездку, даже однодневную — в соседний город или штат или по родному Нью-Йорку, — он стал готовить основательно, будто на годы отправлялся на Южный полюс или к островам Океании.

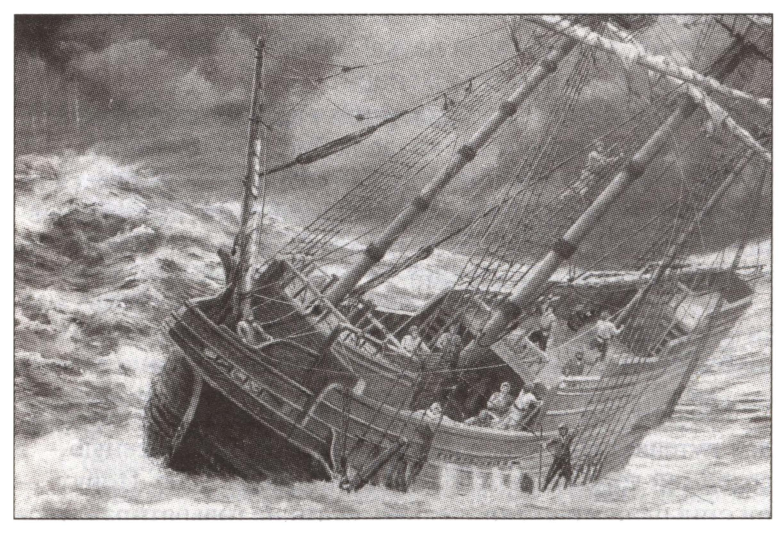
У него под рукой оказывалась уйма книг, справочников, карт, атласов, научных, а порой — весьма сомнительных записок. Он не только изучал их сам, но заставлял и других участников экспедиции.

Вот и на этот раз, по его настоянию, перед поездкой на полуостров Кейп-Код, что расположен всего в нескольких десятках миль от Бостона, Педро, Соломону и мне пришлось перелопатить горы справочной литературы. Казалось, Стефан собрал книги со всех библиотек Нью-Йорка!

Я погрузился в поток справочной литературы не только по прихоти приятеля.

Просто я давно убедился: если не изучить какой-то исторический материал лично, то Стефан со своей неуемной фантазией может сбить с толку.

Порой он обрушивал на собеседника такой объем информации, что тот начинал верить и в города атлантов на территории Северной Америки, и в живых динозавров, обитающих сегодня в мичиганских лесах, и в снежного человека, блуждающего по нью-йоркским подземельям.

Корабль «Мэйфлауэр»

Устье реки Гудзон

Полуостров Кейп-Код известен выходцам из Старого Света с 1620 года, когда сюда на корабле «Мэйфлауэр» прибыла первая партия пуритан.

Правда, держали они путь к устью реки Гудзон, туда, где сегодня расположен Нью-Йорк. Однако шторм прибил их корабль к северной оконечности Кейп-Кода.

В своей книге Бредфорд красочно описал это событие: «Достигнув суши целыми и невредимыми, они упали на колени и возблагодарили Всевышнего, который позволил им преодолеть необозримый океан, уберег от всех опасностей и бед...

Но их не ожидали на берегу ни родные, ни друзья, ни таверны, дающие отдохновение усталым телам, ни села, ни даже хижины, которые могли бы помочь в беде.

Перед ними раскинулся страшный безлюдный девственный лес, кишевший хищниками и дикарями. А позади остался необозримый океан, ставший теперь непрео-

долимой преградой, бездной, что пролегла между ними и цивилизованным миром...»

Дикарями переселенцы из Старого Света называли индейцев местного племени массачусетов. У этого народа с древних времен существовала легенда о бледнолицых людях — «идущих за солнцем».

Смотрящие в небо

Когда европейцы с корабля «Мэйфлауэр» стали налаживать хозяйство и быт на своей новой родине, индейцы недоумевали, почему прибывшие на большой лодке под парусами не продолжают свой путь дальше, а осели на их земле.

Массачусеты обратились за разъяснением к «смотрящему в небо».

Человек этот не был ни шаманом, ни целителем, ни вождем племени, но почитался не меньше. Жил он обособленно и был неким хранителем древних знаний.

Появилась такая странная должность у индейцев много веков назад. Тогда на полуостров прибыли другие бледнолицые, на больших лодках.

Они-то и называли себя «идущими за солнцем». Много диковинных, незнакомых аборигенам предметов привезли они. Но им по какому-то знаку свыше надо было двигаться дальше, уже по суше, к цели, известной лишь предводителям бледнолицых.

Пришельцы вырыли несколько ям и спрятали в них все изделия из «солнечного металла».

Только один человек из племени массачусетов, выбранный бледнолицыми, знал, где закопаны изделия. Многому научили его бледнолицые чужестранцы и повелели оберегать сокровища. От них этот индеец получил прозвище «смотрящий в небо», потому что ему поручалось наблюдать за звездами, строить прогнозы, предсказывать будущее. Именно он должен был определить по сигналам небесных светил, когда прибудут на полуостров из далеких земель

новые пришельцы на больших лодках под парусами, а потом встретить их, указать правильную дорогу на материк и, если понадобится, отдать часть припрятанных сокровищ.

Много лет выполнял волю бледнолицых «смотрящий в небо», однако новые переселенцы так и не прибыли, а старые не возвращались. Уже дряхлым стариком он выбрал себе преемника и передал ему знания и тайны «идущих за солнцем». Так и повелось из века в век, из поколения в поколение: состарившиеся выбирали себе преемника — наследника древних секретов загадочных чужестранцев.

Тот, кто носил титул «смотрящего в небо», в год прибытия корабля «Мэйфлауэр» никак не мог объясниться с пришельцами. Они говорили не на том языке, которому обучил его предшественник. Хранитель древних тайн пытался выяснить, почему бледнолицые не идут дальше за солнцем, хотел объяснить, где закопаны сокровища, но так и не смог.

Чужеземцы, ничего не понимая, гнали его прочь. Вскоре «смотрящий в небо» подхватил какую-то неизвестную индейцам болезнь и умер, не выбрав преемника.

Умение вдохновлять

— Он не успел открыть древнюю тайну соплеменникам, но весть о ней все же дошла до нашего времени, — убежденно заявил Стефан. — Увы, всего лишь частица великой тайны...

Глаза его загорелись, как всегда, когда он оседлывал «любимого конька».

— Но для настоящих исследователей и этого может быть достаточно. Загадка древних бледнолицых переселенцев рано или поздно будет решена!

— Кто же были те чужестранцы, прибывшие в Америку за много веков до корабля «Мэйфлауэр»? — поинтересовался я.

— Древние финикийцы! — уверенно и без тени сомнения ответствовал Стефан.

Конечно, я всегда с уважением относился к заявлениям своего приятеля, но все же с некоторой долей осторожности. До чего порой трудно устоять перед напором кипучей энергии и потоком исторических фактов, которые приводил Стефан!

Что и говорить, умеет он будоражить воображение все новыми и новыми нераскрытыми тайнами... Какой-то дар у моего нью-йоркского приятеля: вдохновляется сам, вдохновляет и других. И хотя многие не верят в его сногсшибательные открытия, находки или гипотезы, все равно откликаются на зов Стефана и отправляются куда-то странствовать, искать что-то неведомое...

Что ж, пусть навсегда остается у моего приятеля умение вдохновлять людей на всевозможные авантюрные поступки.

Медный всадник

— Нет, нет, это совсем не тот, о котором писал ваш Пушкин, — пояснил Стефан.

Слава богу, в Америке хоть немногие, но знают и о Пушкине, и о его творении — «Медном всаднике»! Правда, этот из американских «немногих» — выходец из Польши, прекрасно знает русский язык и читал Александра Сергеевича в подлиннике.

Но какого же «всадника» имел в виду Стефан?

В исторических документах, изданных в Амстердаме в 1730 году, подробно упоминается об открытиях и освоении португальцами двух самых западных Азорских островов: Флориш и Корву. Уже в те времена ходили слухи, что задолго до прибытия в 1457 году на Корву португальцев здесь побывали древние финикийцы. Случилось это предположительно в IV веке до нашей эры.

В амстердамском издании говорилось: «На Азорах нашли на вершине горы, которую назвали горой Ворона, статую всадника без седла с обнаженной головой; левая его рука лежала на гриве коня, а правая простерта на запад.

Статуя стояла на каменной плите, а на ней были вырезаны буквы, которые не удалось прочитать...»

Стефан уверял, что сумел разгадать тайну медного всадника с острова Корву!

Не знаю, какими он пользовался источниками и старинными документами, но был непоколебимо убежден, что скульптура эта являлась изображением финикийского полубожества — «идущего первым за солнцем» или «указывающего путь».

И всадник, по мнению приятеля, был вовсе не медным, а золотым. Лишь сверху драгоценный металл финикийские мастера покрыли медью. Наверное, чтобы у непосвященных не возникла мысль украсть драгоценное изваяние.

Таких скульптур, по мнению Стефана, было несколько.

Финикийцы якобы установили всадников по своему маршруту на островах от Гибралтара до Американского континента.

Одно из изваяний древние путешественники закопали на полуострове Кейп-Код, другое — на острове Манхэттен — в районе нынешней знаменитой Уолл-стрит. Сделали они это, очевидно, опасаясь, что индейцы либо уволокут куда-нибудь всадника, либо разломают для изготовления ножей, наконечников стрел и прочих весьма полезных предметов.

Если верить изысканиям Стефана, то скульптура всадника с Корву указывала рукой как раз в сторону далекого Кейп-Кода. А зарытые на полуострове и на Манхэттене аналоги простирали руки в том направлении, где на Американском континенте были построены финикийцами святилище и крепость, еще не найденные археологами...

— Может быть, как раз нам когда-нибудь выпадет удача, и мы обнаружим бесценные памятники пребывания финикийцев в Америке? Но в легенде говорится, что отыщется затерянное в лесах и пещерах святилище, лишь когда будет найден кэйпкодский всадник, — мечтал и утверждал Стефан.

За две тысячи лет до Колумба

Можно, конечно, не доверять старинным преданиям и исследованиям ученых и любителей, подобных моему приятелю.

Но посещение древними финикийцами Американского континента более двух тысяч лет назад вполне могло произойти. К этому склоняются, этого не отвергают немало серьезных ученых и специалистов.

Подобное плавание допускал известный путешественник и исследователь Тур Хейердал.

Касаясь возможности перехода через океан на малых, древних суденышках, он писал: «...безопасность мореплавания не возрастает с увеличением размеров, больше того, многочисленные эксперименты в Тихом и Атлантическом океанах показали, что у примитивного судна длиной 10 метров больше шансов уцелеть в шторм, чем у судна того же типа, но больших размеров.

Малые размеры, что очень важно, позволяют свободно передвигаться между валами и переваливаться через них, тогда как судно, намного превышающее в длину 10 метров, рискует зарыться в волну носом или кормой или же может переломиться посередине, если его поднимет сразу на двух гребнях.

Финикийский корабль

Штормовой ветер, способный нагнать волну, губительную для каравеллы средних размеров, не страшен малому плоту, скользящему через гребни и между ними.

...Древние кое в чем обладали способностями и мастерством, намного превосходящими то, что было по плечу средневековой Европе. Египтяне и их соседи в Двуре-

чье и Финикии разбирались в столь важной для мореплавания астрономии лучше, чем любой европейский современник Колумба...

А финикийцы, сотрудничая с египтянами, обогнули Африку во времена фараона Нехо — за 2 тысячи лет до того, как Колумб вышел под парусом в океан...»

Что ж, если древние жители Финикии могли преодолеть Атлантику, то вполне возможна установка скульптуры всадника из меди или из золота и на острове Корву, и на американском полуострове Кейп-Код, и на Манхэттене.

Тогда и затерянное, легендарное святилище финикийцев может оказаться реальностью, а не мифической мечтой кладоискателей, любителей тайн и загадок.

Подозрительное совпадение

...Мы сразу поняли, что попали в недоброе время.

Известный кладовед, заложив одну руку за спину, а другой жестикулируя, нервно прохаживался вдоль фасада маленького уютного дома. Губы его слегка шевелились.

Даже издали было видно, что профессор нашептывает то ли обвинительную речь, то ли изливает проклятия на невидимых противников.

Ни безоблачное небо, ни солнечный, безветренный день, ни радостное щебетание птиц на деревьях и кустах не могли отвлечь мистера Трежера от каких-то горестных дум.

Следом за ним, словно подражая кладоведу, вышагивал черный петух. Разинутый клюв, покачивающийся алый гребень и твердая поступь птицы тоже не предвещали ничего хорошего окружающим.

Наконец, заметив нас, мистер Трежер остановился, и его брови поползли от удивления вверх, будто он увидел визитеров из другой галактики.

Мрачный петух тоже остановился и с подозрением и досадой уставился в нашу сторону. Видимо, появление нежданных гостей оторвало птицу от каких-то важных дел.

— Привет, мистер Трежер! — бодро воскликнул Стефан и артистически вскинул правую руку. — Замечательная погода! Не так ли?

— Сволочная погодка! — кивнул в ответ профессор и добавил. — Такая же дрянная, как и люди на этом побережье... Я бежал сюда из Нью-Йорка, надеясь найти понимание. И что же получил? — Трежер уставился на нас так, будто мы были виноваты в его бедах.

— Что случилось? — как можно участливее спросил Стефан.

— Уеду! Уеду отсюда прочь! В Бразилию! В Уругвай! На Огненную Землю! На Каймановы острова! Там меня поймут! — воскликнул Трежер. — В проклятый Нью-Йорк и сюда я больше не вернусь!

Соломон, Педро и я недоуменно переглянулись.

Кладовед заметил это и взял себя в руки.

— Рад вашему приезду. Прошу в дом, джентльмены, — уже тихо и потеплевшим тоном произнес он и сделал радушный жест в сторону входной двери.

Мы чинно двинулись за хозяином.

Следом шествовал петух. Угрюмая птица зорко следила за нами, словно опасалась, не стащим ли мы чего-то из дома.

— Будешь так зло смотреть — суп сварю из тебя, — пригрозил Педро.

Петух склонил голову и ответил презрительным взглядом, словно размышляя: то ли плюнуть в нашего приятеля, то ли долбануть его клювом по голове. Но птицы не умеют плеваться, а пускать в ход клюв петух, видимо, посчитал ниже своего достоинства.

Наконец, Стефан представил Трежеру меня, поскольку с Соломоном и Педро профессор был уже знаком.

Хозяин заметно оживился, когда услышал, что я из России. На лице появилась радушная, но грустная улыбка непризнанного гения.

Он смотрел на нас так, будто собирался передать нам свое духовное завещание.

— Присаживайтесь, располагайтесь поудобней, джентльмены, — все с той же грустной улыбкой произнес он. — А я пойду приготовлю чего-нибудь выпить. Не скучайте...

Маленький, сухощавый профессор как-то по-балетному развернулся и скрылся на кухне.

Его верный петух остался надзирать за нами.

Я огляделся. По всем стенам гостиной тянулись в несколько рядов полки. На них — множество книг и деревянные ящички. На свободных от полок участках висели фотографии. На всех снимках — пейзажи разных частей света и стран.

Неизменным на фотографиях было лишь одно — изображение мистера Трежера, и обязательно с киркой и лопатой в руках. Очевидно, по мнению профессора, эти инструменты являются главным символом настоящего кладоискателя.

Лишь на одной фотографии не было кирки и лопаты: профессор стоял на борту яхты с таким знакомым названием «Авантюра», в обнимку с Билли Томпсоном. Оба улыбались, словно только что подняли со дна океана несметные сокровища.

— Это его настоящая фамилия? — поинтересовался я у приятелей.

Соломон и Педро молча пожали плечами, а Стефан недовольно буркнул:

— И чем тебе не нравится фамилия Трежер? По крайней мере, отражает род деятельности владельца.

— Слишком уж подозрительное совпадение, — начал я, но не успел закончить.

Обида профессора Трежера

Из кухни показался хозяин дома. Впереди себя он катил столик на колесиках, уставленный стандартным набором: бутылки со спиртным, лед, орешки, сок, тоник.

Едва мы наполнили стаканы, мистер Трежер принялся изливать душу и излагать обиду, которая мучила его все утро.

— Неблагодарные люди — что в Нью-Йорке, что в штате Массачусетс, — с горечью заявил он. — Нет, нет, я говорю не о всех жителях, а...

Профессор многозначительно поднял вверх указательный палец.

— Они не понимают, что я творю только добро людям, помогаю поднять жизненный тонус, избавиться от депрессии, сбросить скуку будней. Я мог обогатить Нью-Йорк, спасти от безработицы и хандры тысячи его жителей... Вдумайтесь, джентльмены! По моему зову тысячи людей оторвались бы от безделья, уныния и всевозможных пагубных пристрастий.

Ведь кладоискатель — это не просто охотник за спрятанными сокровищами! Это романтик, полный оптимизма, с хорошим жизненным тонусом, крепкими нервами и прекрасным пищеварением!

Насчет романтика, полного оптимизма, мне было понятно. Но какая связь кладоискания с «прекрасным пищеварением», — осталось загадкой.

— Так что же все-таки случилось? — почти в один голос спросили Стефан и Педро.

— Мне не дают открыть академию кладоискания, не субсидируют издание учебника кладологии, — с горечью произнес Трежер. — Точно так же почти четверть века назад Биллу Томпсону не дали открыть в Нью-Йорке академию авантюрологии.

Трежер от огорчения горестно покачал головой.

— Это и доконало старину Билла. Бюрократы сломили его непониманием, черствостью, а может, и завистью...

Я с изумлением взглянул на хозяина дома, потом — на Стефана:

— Вот как? Никогда не подозревал и не слышал, что наш приятель Томпсон собирался создавать академию авантюрологии. Неужели появилась и такая наука?

— Да, да, — энергично, несколько раз кивнул Трежер. — Именно так, но завистники, тупые чиновники, коррупционеры, мракобесы, ретрограды погубили его мечту.

Профессор даже всхлипнул от негодования.

— Теперь они хотят уничтожить и меня... Ну, скажите, кому повредит академия кладологии? Кому навредит мой учебник? Кому повредит воспитание любознательных мечтателей, людей с активной жизненной позицией?

В чертах лица щупленького профессора вдруг появилось нечто грозное, властное:

— Они замахнулись не только на меня, но и на светлую мечту и надежду всех людей. Нет на земле человека, не мечтавшего найти хоть какой-нибудь клад. В детстве этого хотят все. Ребенок еще не так оторван от природы, как взрослые, и поэтому его чувства и желания более естественны и бесхитростны. Однако, с годами надежда и стремления у многих угасают. Их губит серость будничной, рутинной жизни. В общем, сытая Америка меня не понимает...

Внезапно профессор умолк и пристально взглянул на меня.

— А может?!..

В глазах кладоведа мелькнули огоньки озарения.

— Россия!

Он вскрикнул это так, что неприветливый петух даже подпрыгнул с перепугу.

— Вот где я найду понимание! В северной, ледяной стране, среди людей с горячими сердцами и буйными головами!

Трежер выжидающе и цепко держал меня взглядом.

Сознаюсь, не хватило тогда твердости ответить замечательному кладоведу, что в моей стране, кроме людей с горячими сердцами и буйными головами, переизбыток и своих «гениев»: и в кладоискании, и в создании финансовых «пирамид», всевозможных фондов, академий, переизбыток и пророков, и спасителей человечества, и прочее, прочее, прочее...

Вот только хватит ли у русского мужика сил прокормить это великое скопище талантов?

В общем, я смалодушничал и промолчал.

Зато мистер Трежер распалялся все больше и больше.

Очевидно, ему уже мерещилась изрытая, перекопанная вдоль и поперек Россия и миллионы счастливых лиц кладоискателей, бодро марширующих по ее дорогам с лопатами и кирками в руках.

Взбудораженный новой идеей, профессор решил прочитать нам лекцию по кладологии, совершенно бесплатно, и тут же начал претворять свое решение в жизнь.

Я попытался остановить его. Сослался на то, что это непозволительная роскошь — разбрасываться драгоценным временем выдающегося кладоведа, тем более что у Стефана есть рукопись его учебника.

Но благородный, бескорыстный порыв Трежера уже невозможно было погасить.

Они — вершители судьбы

Оказывается, внушительная рукопись, подаренная Стефану профессором кладологии, была лишь первой частью учебника.

Мистер Трежер театральным жестом обвел рукой гостиную и указал на деревянные ящички.

— На эту коллекцию я потратил больше тридцати лет! Здесь только половина, другую ее часть я храню у своих учеников в Нью-Йорке.

Он сделал многозначительную паузу и с большим достоинством продолжил:

— Уверяю, подобной вы нигде не встретите. Здесь собраны величайшие сокровища мира!

Заметив вспыхнувшие алчные огоньки в глазах гостей, профессор запнулся и тут же поправил себя:

— Я имею в виду величайшую информацию о кладах всех времен и народов. Да будет вам известно, что если извлечь все сокровища, хранящиеся без дела в земле и под водой, то человечество может несколько десятилетий, а возможно и несколько веков, жить припеваючи, в полном достатке...

Трежер вдруг заговорил почти шепотом:

— Не просто найти клад, но еще труднее им правильно распорядиться. Очень много трагедий разыгрывается, если это сделать неправильно. Ах, скольких людей погубили клады! Но не сокровища виноваты в трагедиях, а их искатели!

— И как много в мире кладов? — не сдержал свой интерес Педро. — Наверное, никто не знает?

— Ну, почему же никто? Я подсчитал: примерно каждый час во всем мире находят два-три клада... — с гордостью за свое открытие сообщил Трежер.

Педро даже привстал от такого известия.

— Не может быть... Почему же так мало сообщений об этом?

Трежер снисходительно улыбнулся в ответ.

— А дело в том, джентльмены, что, согласно опять же моим подсчетам, лишь только пятнадцать процентов счастливчиков сообщают о находке. К тому же из них лишь каждый четвертый не утаивает хоть какую-то часть клада...

— А остальные что-нибудь да прикарманивают, — с одобрением и скрытой завистью отозвался Педро.

— Но вот в утаивании я как раз не собираюсь обвинять людей. В большей степени в том виноваты сами сокровища!.. — Охотно пояснил Трежер и замер с победным видом, будто сообщил нам о научном открытии мирового значения.

Заметив, что слушатели живо отреагировали на его слова, принялся разъяснять:

— Человек лишь ищет клады, а вот находит клады не человек, а клады — человека. Не люди определяют судьбу сокровищ, а сокровища решают судьбу людей. Не удивляйтесь, джентльмены, заявляю это не просто так, а после изучения историй о множестве кладов. Господи!.. Какие страсти, трагедии, загадки переплетаются в этих историях... — Профессор на секунду даже зажмурил глаза, видимо, от нахлынувших ярких воспоминаний.

— Некоторые упрекают и даже посмеиваются надо мной, что я отношусь к сокровищам, как к живым существам...

Трежер на мгновение погрустнел, а потом беспечно махнул рукой:

— Ну и пускай упрекают!

— А как обстоят дела с кладами у нас, в Нью-Йорке? — поинтересовался Педро.

— Наш Нью-Йорк затянут паутиной банков, — пояснил Трежер. — А банки — враги кладов. Они вытягивают у жителей города все ценности и не дают прятать сокровища в тайники.

«Не молчи, отзовись...»

После принятия очередной порции джина профессор снова продолжил:

— Несколько лет назад в Перу я записал любопытное индейское заклинание искателей клада, — продолжил профессор. — Прежде чем отправиться на поиски, они разжигали костер, исполняли особый «танец, притягивающий сокровища», и в ритм танца напевали заклинание:

Я иду, ищу тебя...
Не молчи, отзовись, покажись...
Я ищу, а ты найди меня.
Не молчи, отзовись, покажись.
Мы будем жить вместе как братья.
Не сырая земля, не холодная вода,
А я тебя буду хранить.
Ни подземные черви, ни твари морские
Не радуются тебе.
Осчастливь меня
И я буду любоваться тобой и радоваться.
Не молчи, отзовись, покажись.
Я ищу, а ты найди меня...

Трежер произносил заклинание нараспев, делая при этом руками ритмические движения.

Было что-то завораживающее и в его словах, и в жестах. Мне даже показалось, что недружелюбный петух стал тоже слегка пританцовывать, сосредоточенно глядя на своего хозяина.

Наконец, профессор закончил ритуал и уже обычным своим тоном сообщил:

— У меня собраны сотни заговоров и заклинаний разных племен и народов, связанных с кладами. Есть даже из Сибири...

Трежер гордо взглянул на меня.

— Оказывается, очень важно знать, в какую эпоху были спрятаны сокровища, в какой стране, каким народом, для чего их прятали, на каком языке их заговаривали или сотворяли над ними проклятие. Необходимо даже выяснять, когда — зимой или летом, днем или ночью — они зарывались.

Их повадки и причуды

— Так заклинания в самом деле помогают найти сокровища? И это не древние предрассудки? — спросил Педро.

Трежер снова снисходительно улыбнулся:

— Более того, заклинания помогают не только найти клад, но и уберечь нашедшего сокровище от всяких неприятностей. Когда-нибудь сами убедитесь.

Профессор указал рукой на застекленный шкаф, где лежало множество непонятных для непосвященных предметов.

— Кроме заклинаний и заговоров у меня хранятся различные талисманы. Что-то вроде ключей от клада. С их помощью можно не только отыскать сокровище, но и снять с него заговор или проклятие. Вон — поглядите в шкафу...

Мы с интересом потянулись к необычной коллекции, а профессор продолжил.

— Есть даже специальные прикормки для кладов. Их можно, как живых существ, подманивать и заставлять подать о себе знак. А можно и вспугнуть.

— Прикормки для кладов?! — снова заволновался Педро. — Никогда о них не слышал.

— А сколько бы вы еще узнали нового, если бы я открыл свою академию кладоискания! — заверил Трежер. — Однако продолжим, джентльмены...

Профессор почему-то легонько постучал по стеклу шкафа, потом — по его деревянной стенке.

— Клады из драгоценных металлов любят звон монет. Клады из самоцветов отзываются на стук камней. Подводные сокровища дают о себе знать, когда слышат удары весла о борт лодки...

Профессор неожиданно прервал свою речь и указал рукой на петуха.

— Думаете, я его просто так держу в доме? Нет, это специально натасканная птица. У меня в Нью-Йорке был целый питомник, где петухов обучали искать сокровища.

— А где же он сейчас? — поинтересовался Педро.

Трежер горестно махнул рукой.

— Все, все сожрал этот ненасытный Нью-Йорк...

Мы так и не поняли, что именно сожрал «ненасытный» город: петухов или целиком питомник. Не хотелось прерывать вопросами вдохновенный рассказ кладоведа.

— Существуют животные, у которых необъяснимая связь с сокровищами. Змеи, летучие мыши, совы, кошки, петухи и множество других. Они прямо-таки тянутся к спрятанным кладам. Или наоборот — клады тянутся к ним...

Трежер огляделся по сторонам, словно ожидая, что в его комнате появятся всевозможные твари. Но по-прежнему лишь один петух представлял здесь мир фауны.

— В подводном мире любителями сокровищ являются мурены и некоторые виды акул, особенно плащеносная, морской кот и морская лисица... — продолжил профессор.

— Простите, профессор, — снова прервал Трежера Педро. — Я все же одного не могу понять. Зачем вам обращаться к чиновникам за помощью, зачем просить кого-то финансировать и создание академии, и издание учебника кла-

дологии? Неужели с вашими знаниями вы не можете отыскать солидный клад и пустить его в дело?

Трежер нахмурился. Вопрос пришелся ему не по душе.

Соломон и Стефан не проронили ни слова, но чувствовалось, что и они напряженно ждут ответа на вопрос, волнующий не только Педро.

Замешательство профессора длилось не больше секунды. Он гордо вскинул подбородок и отчеканил:

— Мой клад еще не окликнул меня! Так бывает очень часто: человек думает, что у него в руках сокровище, а на самом деле — это его беда.

Трежер вдруг заговорил совсем тихо, и в голосе его послышалось что-то зловещее, роковое.

— Весьма опасно овладевать не предназначенными тебе свыше кладами. Они могут наказывать человека, мстить, издеваться над ним и даже подшучивать. И тогда самые надежные заклинания и талисманы не смогут помочь кладоискателю...

История незадачливого Майка

Трежер заметил, что мы со Стефаном обменялись ироничными и многозначительными взглядами.

— Да, да, джентльмены, вы не ослышались и я не сошел с ума на почве кладоискательства. Они могут подшучивать, и порой довольно зло. Не верите? — с каким-то азартом воскликнул кладовед.

— Я сам когда-то не верил, пока не стал свидетелем одной истории...

На мгновение Трежер задумался, словно погружаясь в давние-давние времена.

— В общем, был у меня знакомый в Нью-Йорке по имени Майк. Лет до тридцати слыл он добрым малым, гулякой и балагуром.

Однажды в компании подвыпивших приятелей он вдруг заявил:

— Все охотники за кладами — чокнутые, а поиск сокровищ — занятие для сумасшедших бездельников. Нормальный человек никогда не будет увлекаться подобной ерундой!

Сказал по пьянке и забыл.

Но, видно, своей болтовней парень очень обидел клады.

Прошла после этого неделя-другая, и неожиданно для всех Майк будто свихнулся. Парня будто подменили. Стал он вдруг сторониться приятелей и дружеских пирушек, забросил работу, закопался в книгах. Теперь чуть ли не каждую неделю отправлялся в какие-то подозрительные походы по Нью-Йорку, загород и даже в другие штаты.

Вскоре приятели обнаружили, что читает Майк книжки в основном о ненайденных сокровищах.

Стал он жить почти впроголодь. Экономил на всем, но при том, не задумываясь, отдавал последний цент за любую информацию о кладах, за какую-нибудь старую карту с обозначением ненайденных драгоценностей.

Уже не знаю, сколько времени Майк пребывал в таком состоянии, но однажды он все-таки выяснил, как ему казалось, точное место спрятанного клада золотых монет. И место это оказалось на городском кладбище, на севере Нью-Йорка.

Вроде бы судьба улыбнулась ему. Описание места захоронения золотых монет оказалось верным.

Углубившись в землю на пару футов, Майк действительно обнаружил старинный сундук из прогнившего дерева, о котором сообщалось в неизвестно где добытой записке.

— Победа! Теперь я обеспеченный человек! — возликовал Майк.

Пустой сундук — кошмар кладоискателя

Но рано было радоваться. Когда сундук был открыт...

Что еще может так подкосить охотника за сокровищами, как вид пустого сундука?

Сердце кладоискателя не выдержало такого испытания, и бедолага Майк рухнул замертво, прямо в выкопанной им же самим яме.

Приятели, которых он сторонился в последнее время, скинулись, выкупили этот участок и здесь же решили похоронить Майка.

Яму для могилы надо было углубить. Но едва лопаты вонзились в землю, как стукнули о металл. На том месте, где бедолага Майк нашел пустой сундук, под слоем не больше четырех дюймов, оказался богатейший клад.

Знающие люди смекнули тогда, что сокровища зло пошутили над кладоискателем.

Друзья же не забыли, благодаря кому они разбогатели, и на могиле установили бронзовый памятник Майку — в полный рост с киркой и лопатой в руках.

Кладбищенские служители побаиваются бронзового Майка и утверждают, что иногда он сходит со своей могилы, шляется в поисках клада и размахивает киркой и лопатой...

Впрочем, это уже пошла мистика, а мы ведь с вами — серьезные люди науки...

Клады любят молчание

Трежер завершил рассказ о незадачливом кладоискателе и вопрошающе взглянул на нас, будто проверяя, взволновала ли нас история о его знакомом.

Стефан усмехнулся в ответ:

— Конечно, это неопровержимое доказательство того, что клады умеют зло шутить. Но нам бы хотелось побольше узнать о финикийских медных или золотых всадниках. Ведь вы предполагаете, что они зарыты где-то здесь, на Кейп-Коде или в Нью-Йорке...

Стефан указал пальцем вниз, как будто сокровище находилось под домом Трежера.

Профессор кивнул:

— Я просто уверен в том, что одно древнефиникийское изваяние хранится в земле этого полуострова, другое — в Нью-Йорке. Возможно, в северной части Манхэттена...

Внезапно Трежер умолк и озабоченно взглянул на Стефана.

— Что-то в последнее время многие интересуются финикийскими всадниками...

В глазах кладоведа появилась тревога.

— А позавчера даже угрожали... Звонили из Нью-Йорка, требовали, чтобы я продал карту города и полуострова Кейп-Код со своими пометками. Эти люди думают, что мне удалось вычислить место, где зарыты финикийские сокровища.

— Они ошибаются? — спросил я. — Или вы не хотите раскрывать свои тайны?

Трежер загадочно потупил взгляд и неопределенно ответил:

— Клады любят молчание...

— А что же за люди вам угрожали и требовали карту? — поинтересовался Стефан.

Профессор пожал плечами.

— Кто их знает? Мафия, спецслужбы, просто компания охотников за кладами? Не все ли равно? От меня они ничего не получат. Не для них я трудился столько лет...

«Видно, и нам ничего нового уже не услышать от Трежера о финикийских, золотых или медных, всадниках, — подумал я. — Может, кладовед надеется сам когда-нибудь отыскать древние изваяния, без посторонней помощи?»

О том же, кажется, подумал и Стефан. Он едва заметно кивнул Соломону и Педро, и мы стали прощаться с профессором кладологии.

Педро напоследок особенно заинтересовался петухом.

— А он в самом деле натаскан на поиски сокровищ? Неужели он чувствует золото, серебро, драгоценные камни в глубине земли?

— Он один из лучших моих экземпляров, — поспешно заверил профессор. — Хотите приобрести?

— Нет-нет, я пока не готов стать хозяином такой замечательной птицы, — так же поспешно ответил Педро.

Петух при этом презрительно взглянул на нашего приятеля, словно бросил вызов: «Еще неизвестно, кто у кого стал бы хозяином!»

Пожимая на прощание мне руку, Трежер доверительно произнес:

— Так вы не забудьте. Нам необходимо поговорить о моей возможной поездке в Россию...

Слово «Россия» он произнес так мечтательно, что у меня язык не повернулся ответить профессору отрицательно.

Время еще не настало

Когда наша машина отъехала от дома кладоведа, упорно молчавший до сих пор Соломон вдруг недовольно пробурчал:

— И зачем приезжали? Столько миль проделали от Нью-Йорка! А бензина-то сожгли! И ведь ничего нового не выяснили...

— Не волнуйся, еще узнаем от профессора много интересного! — бодро и загадочно заверил Стефан. — Хоть клады и любят молчание, но когда-нибудь разговорим доброго старикана...

Приятель помедлил и добавил:

— Мне кажется, он понял, что с нами наверняка можно иметь дело, и в ближайшие дни сам позвонит.

— М-да, время нашего клада еще не настало, — задумчиво произнес Педро.

— Может, и так, — согласился Соломон, но по лицу его было видно, что он продолжает подсчитывать, сколько израсходовано бензина по дороге из Нью-Йорка на Кейп-Код и обратно.

«Разговорить» Трежера и выяснить какие-то новые подробности о финикийских сокровищах на полуострове Кейп-Код и в Нью-Йорке нам так и не удалось.

Через несколько дней Стефан сообщил, что дом, который три месяца арендовал в штате Массачусетс профессор-кладовед, пуст. Трежер, или как там его настоящая фамилия, отбыл в неизвестном направлении. То ли вернулся в родной Нью-Йорк, то ли подался в неведомую даль... Ни телефонного звонка нам, ни письма, ни записки.

Мелькнул и исчез охотник-теоретик, как мечта о ценных кладах. Вместе с ним, естественно, исчезли и его бумаги, книги, карты и, конечно же, неизданный учебник по кладоисканию.

Стефан связался с нью-йоркскими друзьями Трежера, но те тоже ничего не знали о его судьбе или не хотели говорить.

Куда понесла нелегкая судьбинушка профессора?

Ищет ли он сокровища в Южной Америке или отсиживается в Нью-Йорке? Продолжает ли читать лекции и работать над своим учебником? Не попал ли в страшные руки неких криминальных таинственных организаций или спецслужб?

И не перекапывают ли всю мою Россию в поисках кладов ученики и последователи Трежера?

На эти вопросы ни я, ни мои приятели ответа не нашли. И лишь слабая вера еще теплилась в сердцах рыцарей мадам Авантюры: все та же неистребимая надежда отыскать на Кейп-Коде и на Манхэттене финикийские сокровища... Если, конечно, они там есть.

Когда?

Разумеется, когда подадут эти сокровища свой таинственный сигнал... Ведь не человек находит клад, а клад — человека, как утверждал профессор Трежер.

* * *

Я снова взглянул на афишу у входа в клуб. Время поджимало. Так что почтенного Дж. Нортона мне уже не удастся расспросить о его учителе — профессоре Трежере, и

тем более — насладиться лекцией «Поиск всевозможных кладов, во всех концах света».

Что ж, дерзайте, славные последователи неутомимого охотника-теоретика за сокровищами!

Ищите... Ищите... Ищите...

И, возможно, когда-нибудь — «обрящете».

Земля пляшущих ветров

Войны, пожары, потопы уничтожают народы, а с ними все их памятники, открытия и достижения, бывшие предметами их тщеславия. Факел знания не раз угасал и вновь зажигался; немногие, случайно уцелевшие люди, восстанавливают связь поколений.

Аристотель

Для развития и сохранения культуры особое значение имеют приключения.

Альфред Норт Уайтхед

Очередной визит Стефана

Мой нью-йоркский друг явился грозным и жизнерадостным. Казалось, ему по силам сейчас все сокрушить на своем пути. Даже мое недовольство столь поздним визитом.

Этот «ночничок» Нью-Йорка, по-видимому, всегда испытывал наслаждение матерого садиста, поднимая друзей с постели в поздний час. Даже если они только что совершили перелет из Москвы в Нью-Йорк.

— Какое свинство! — завопил с порога Стефан. — Заявился в Америку и даже не позвонил!

Тут он перевел дыхание и продолжил свою гневную речь.

— Не соизволил подать сигнал другу! А если бы не моя порядочность и интуиция?! Ты чуть не остался за бортом уникальнейшей научной экспедиции!

«Ну и горе!» — мысленно и с ехидцей ужаснулся я. Но вслух ничего не произнес. Попробуй вымолвить хоть слово, когда Стефан излагает свою новую идею, раскрывает планы будущей экспедиции!

— Мы стоим на пороге научного открытия! — не обращая внимания на мой понурый вид, продолжал приятель. — Быть может, величайшего открытия, от которого содрогнется не только Нью-Йорк, но и весь просвещенный мир! Ты хоть это понимаешь?!

— Пока нет... — позевывая, буркнул я.

Стефан взглянул на меня, как на самого бестолкового человека на земле. В его руке вдруг как бы сама собой появилась потрепанная книга темно-желтого цвета.

Откуда он ее выхватил, с ловкостью фокусника, я даже не успел заметить. Ведь, кажется, у Стефана с собой ничего не было, когда он ввалился в мой номер.

Иллюзионистом, что ли, стал мой приятель за время нашей разлуки?..

«Один из первых»

Стефан сунул мне под нос букинистический трофей и нетерпеливо приказал:

— Смотри, смотри!

— «Сообщение канадских архивов. Оттава, 1889—1890 гг.», — перевел я вслух надпись на титульном листе книги и пожал плечами. — Ну и что?

— А главное! Ты самое важное не прочел! — возмутился Стефан.

От негодования у него даже задергались кончики усов.

— Это... Это же дневник самого де Ла Верандри!

Приятель печально взглянул на меня. Так смотрит добрый, уставший доктор на безнадежного больного.

— Конечно, ты можешь ехидничать, отпускать идиотские шуточки по поводу нашей будущей экспедиции, как дела-

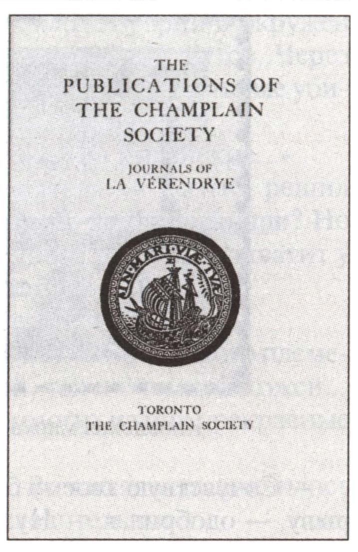
ешь всегда... Можешь скептически относиться к научным поискам славных рыцарей мадам Авантюры, к нашим боевым соратникам и лично ко мне...

Стефан от негодования даже на мгновение умолк, но тут же взял себя в руки. Он вытянул вверх указательный палец и продолжил:

— Но разве де Ла Верандри можно не верить?! Ответь!

В замешательстве я повертел в руках старинную книгу и согласился:

— Конечно, господину де Ла Верандри невозможно не верить! Я всю жизнь ему доверял! Только объясни, кто это такой?

Обложка дневника де Ла Верандри

Глаза Стефана едва не вылезли из орбит:

— Ты не знаешь де Ла Верандри?!

Приятель перевел дыхание и, сменив изумление на грустное сочувствие, добавил:

— Это же знаменитый исследователь Северной Америки XVIII века!

Стефан выхватил у меня книгу и потряс раритетом:

— В мире осталось всего четыре или пять экземпляров изданных его дневников!

— Один из которых ты позаимствовал у какой-то солидной библиотеки, — перебил я приятеля.

Стефан яростно потряс головой:

— За кого ты меня принимаешь?! Посмотри в мои кристально честные глаза. Разве я похож на библиотечного жулика? Да я за эту бесценную книгу выложил букинисту двести семьдесят долларов!

Канадская марка в честь де Ла Верандри

— Сочувствую твоему благородному меценатскому порыву, — одобрил я. — Ну, и что же натворил почтенный месье де Ла Верандри, если так тронул и заинтересовал тебя?

Стефан поспешно раскрыл книгу, отыскал нужную страницу и торжественно произнес:

— Де Ла Верандри один из первых исследовал и описал белых индейцев! Старый Свет и весь научный мир впервые узнал о них именно от него!

Каждый имеет право

Стефан победоносно взглянул на меня:

— Наконец-то уяснил, кто это?

Я развел руками:

— Теперь понятно...

Приятель остался доволен моим ответом.

— Вот послушай отрывок из дневника де Ла Верандри: «...Я решил пересчитать их хижины и насчитал 130. Все улицы, площади и хижины были похожи одна на другую. Некоторые из нас, французов, ходили туда и увидели, что улицы и площади довольно чисты, крепостные валы — ровные и широкие...

Форт построен на холме в открытой прерии и окружен рвом глубиной 15 футов и шириной 15—18 футов. Через ров может пройти только пеший по столбам, которые убирают в случае угрозы нападения...

Их укрепления совсем не похожи на индейские...»

— Погоди, — остановил я приятеля. — Ты что, решил прочитать мне всю книгу почтенного де Ла Верандри? Но я же приехал в Нью-Йорк ненадолго. Боюсь, не хватит у меня времени дослушать твое чтение.

Стефан грозно потряс указательным пальцем:

— Не перебивай! Слушай дальше. «...Среди этого племени встречаются люди как с белой, так и с темной кожей...

Женщины хороши собой... У многих из них прекрасные белокурые волосы...»

Стефан вдруг прервал чтение. Во взгляде его появилось нечто менторское и что-то снисходительное.

— Ну! Теперь ты понял?

— Кажется, понял, — кивнул я. — В Нью-Йорке почему-то, по необъяснимым причинам, мало осталось прекрасных блондинок. И ты решил на себя взять благородную миссию: возглавить поиски белокурых индианок. Спасибо, друг, что не забыл обо мне. С удовольствием встречу тебя вместе с красотками в нью-йоркском аэропорту.

Стефан даже не снизошел до ответа на мои выводы.

Он закрыл книгу. На лице его появилось таинственное выражение.

Впрочем, подобное выражение было ему присуще, когда у него появлялась какая-то новая идея.

— А теперь слушай, что удалось нам раскопать... — заговорщицким тоном произнес приятель.

— Нам — это значит тебе, Соломону и Педро? — спросил я.

Стефан отмахнулся от меня, как от надоедливой мухи.

«Ну, что ж, каждый знаменитый город, и Нью-Йорк в том числе, имеет свои предания, и любой его житель име-

ет право создавать и пересказывать легенды и мистические байки», — подумал я и приготовился к очередной лекции Стефана.

Задолго до Христофора Колумба

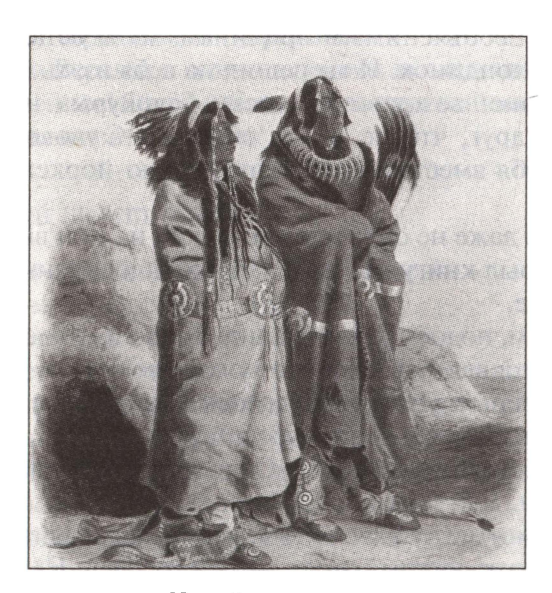
— Откуда пошло название племени *манданы*, толком никто не знает, — сообщил приятель.

— И даже ты? — попробовал пошутить я.

Стефан лишь недовольно мотнул головой и продолжил.

— Существует, правда, уже подзабытая версия что название произошло от слова «маунтдан», означающее, в переводе с древнекельтского «владеющие тайными истинами». Но кто сейчас знает древнекельтский язык?

Стефан вздохнул, будто его переполнила скорбь за невежество человечества, забывшего язык древнекельтского народа.

Индейцы манданы

— Правда, есть вариант и другого перевода, — продолжил приятель. — Слово «мандан» означает «люди на берегу». Но это уже — на языке индейского племени *маватани*...

Стефан сделал паузу, чтобы я высказал восторженные слова по поводу его лингвистических познаний.

Не дождался... И продолжил, уже не так вдохновенно:

— Путешественники и ученые XVIII—XIX веков отмечали, что белые индейцы сильно отличались внешностью, традициями, характером, культурой от всех других индейцев Америки.

Исследователь начала XIX века Дж. Кэтлин писал: «Манданы — несомненно, чрезвычайно интересное и симпатичное племя, которое как своим внешним обликом, так и своими обычаями, как наружностью, так и нравами во многом отличается от всех других известных мне племен...

Меня поразили удивительная беззаботность и изящество этого народа.

Сопоставив все это с необычным цветом лица, своеобразием языка, странными и загадочными нравами, я пришел к такому убеждению: манданы — иного происхождения, чем все остальные племена Северной Америки...»

— В каких же районах или штатах они обитали? — прервал я Стефана.

— В XVIII—XIX веках белые индейцы жили в основном в верховьях Миссисипи, на территории нынешних штатов Висконсин, Миннесота и Дакота, но их заброшенные поселения встречали и гораздо севернее: на юго-востоке Канады и даже на полуострове Лабрадор, — пояснил Стефан и поднял вверх указательный палец.

Этот многозначительный жест приятеля означал, что он сейчас преподнесет очередную сенсацию.

Так оно и случилось.

— Но в научной литературе почему-то не упоминается, что белые индейцы жили в нынешнем районе Бронкс, — по-прежнему не опуская палец, сообщил Стефан.

— Ты хочешь сказать, белые индейцы обитали на территории современного Нью-Йорка? — уточнил я.

Приятель важно кивнул:

— Белокурые, голубоглазые индейцы в конце XVIII века рассказывали, что их предки давным-давно прибыли на «землю пляшущих ветров» в больших каноэ. Очевидно, это были древние корабли, приспособленные к плаванию по океану...

Еще до открытия Америки Христофором Колумбом манданы знали об Иисусе Христе. Они передавали из поколения в поколение библейские притчи. А некоторые их легенды смахивали на древнегреческие мифы.

— А сейчас эти белые индейцы существуют? — Я все больше заинтересовывался рассказом приятеля.

— Ты слушай, слушай дальше, скоро узнаешь, — нетерпеливо ответил Стефан. — К несчастью, в 1837 году на племя манданов обрушилась смертельная беда — повальная эпидемия оспы. После нее в живых осталось лишь несколько десятков белых индейцев. До недавнего времени счита-

Бронкс. Возможно, когда-то здесь жили белые индейцы

Река Святого Лаврентия

лось, что они впоследствии смешались с соседними племенами.

— Чувствую, ты не согласен с такой версией, — высказал я догадку.

Стефан кивнул:

— Есть и другие версии исчезновения загадочного народа. На прежнем месте самого массового проживания белых индейцев, в верховьях реки Миссисипи, остались лишь немощные старики. Остальные отправились по так называемой «звездной тропе». Этим путем, только в обратном направлении, согласно легенде, предки белых индейцев много веков назад кочевали от Атлантического побережья — следом за солнцем.

Достоверной информации нет. Но я записал легенду, в которой говорится, что когда случались на земле великие катастрофы, звездное божество Хагр брал в руки посох

странствий. В посохе загоралась звезда. Она-то и указывала белым индейцам, куда надо идти, чтобы выжить.

Манданы якобы должны были добраться до сокровенного острова в Атлантическом океане.

— И где находится этот остров? — поинтересовался я.

— По моим расчетам, «сокровенных островов» может быть два! — приподнятым тоном возвестил Стефан. — Один — это Манхэттен... Да-да, не удивляйся... А другой расположен неподалеку от устья реки Святого Лаврентия, южнее Лабрадора. Думаю, именно здесь много веков назад высадились с двух кораблей, разъединенных штормами, предки манданов. Скорее всего, они переселялись из Европы. А может...

Тут Стефан сделал многозначительную паузу и, перейдя почти на шепот, добавил:

— А может, из самой Атлантиды... Или Гипербореи...

Я лишь скептически улыбнулся в ответ: приятель подошел к своей излюбленной теме.

Две сокровенные книги

Однако Стефан не обратил на меня никакого внимания и вдохновенно продолжил:

— Как гласит предание, и на Манхэттене, и на острове неподалеку от устья Святого Лаврентия прибывшие в Новый Свет чужестранцы вырыли подземелья и спрятали там священные реликвии. К этим святыням, по заповедям, белым переселенцам надо было возвращаться в самые трудные для племени времена. Может, чтобы очиститься от разных бед, укрепить веру, получить целительные силы и советы своих богов... Может, еще по каким-то причинам... Надеюсь, все скоро выяснится...

— Значит, предстоит очередная экспедиция? — догадался я.

— Две!.. — поправил меня Стефан. — Одна — ближняя, по Нью-Йорку, другая — дальняя, к острову в районе устья реки Святого Лаврентия.

Заметив, что я не выражаю восторгов по поводу услышанного, приятель решил подбавить сенсации:

— А еще говорилось в легенде о священных книгах белых переселенцев, спрятанных на двух островах.

— Что это за святыни? — поинтересовался я.

— Одна — «Книга встреч Земли пляшущих ветров», другая — «Книга скорби и прощаний Земли пляшущих ветров», — охотно пояснил Стефан.

— А что они называли «Землей пляшущих ветров»?

— Конечно, Америку! — Стефан убежденно тряхнул головой. — Наверное, не раз белые индейцы сталкивались с торнадо, ураганами и прочими разгулами стихии, — предположил приятель.

— Но это лишь моя версия, — добавил он. — В «Книге встреч Земли пляшущих ветров», будто бы описывается вся история Америки за сотни, а может быть, и за тысячи лет до прибытия сюда европейцев. А в другой книге якобы предсказывались самые опасные и разрушительные катастрофы будущего и судьбы американских государств. Тех стран, которых во время написания пророческой «Книги скорби и прощаний Земли пляшущих ветров» еще не было и в помине.

— Ты имеешь в виду США, Канаду, Мексику? — спросил я.

Стефан пожал плечами.

— Выходит, так...

— И когда же произойдут эти самые опасные и разрушительные катастрофы?

— Откуда мне знать? Я же не читал книгу предсказаний... — Приятель тут же поправил себя. — Пока не читал. А вот из легенд знаю, что вначале прилетит «прощальная звезда» — предвестник гибели всего живого. Если под этой звездой подразумевается астероид, который врежется в землю, то столь печальное событие может произойти в первой четверти XXI века. По крайней мере подобный срок называют и некоторые современные астрономы, и древние ученые из племени майя.

— Боюсь, что из-за своей глупости человечество опередит это гибельное событие и уничтожит само себя раньше, — перебил я приятеля. — Так говорили и древние, и нынешние мыслители.

— Все может быть, — грустно согласился Стефан.

— А кто же написал те сокровенные книги? — вернулся я к легенде белых индейцев. — В какие времена? На каком языке? В какой стране?

Не умеющий долго унывать, Стефан ответил бодро:

— Найдем... Выясним...

В голосе его была такая уверенность, что я тут же спросил:

— Так у тебя есть координаты сокровенного острова и указание места в Нью-Йорке, где спрятаны древние рукописи?

Стефан, очевидно, понял, что меня больше убеждать не надо. Он многозначительно улыбнулся и похлопал по книге де Ла Верандри.

— Есть! — с пафосом воскликнул приятель, и лицо его расплылось от самодовольной улыбки.

— Ты хочешь сказать: обо всем, что ты мне рассказал, вычитал у де Ла Верандри? — я с подозрением взглянул на приятеля.

— Нет-нет! Ценную информацию мне удалось узнать из других источников. Теперь ты понял, чего мог лишить себя? — Стефан окинул меня победоносным взглядом. — Впереди у нас сразу две экспедиции: ближняя — по Нью-Йорку, и дальняя — к устью реки Святого Лаврентия...

«Это лишь начало!..»

Конечно же, я не поверил сомнительному листку бумаги, на котором были очертания Геральд-сквер и прилегающих к ней домов и улиц. Хотя кто-то старательно потрудился над указанием места в Нью-Йорке, где якобы были спрятаны сокровенные книги белых индейцев.

«Сто футов на север... Затем пятнадцать — на восток... Затем двадцать пять футов — на северо-восток...» Подобная информация занимала целую страницу.

Мы шли со Стефаном по Гералд-сквер. Приятель то вглядывался в испещренный цифрами лист бумаги, то озирался по сторонам.

Наконец я не выдержал:

— Стэф, эта подозрительная схема у тебя уже больше месяца. Неужели ты только сегодня решил проверить ее?

— Любуйся Нью-Йорком и не мешай, — отмахнулся приятель.

— Ты ведь прекрасно знаешь свой родной город. Ну, скажи, где тут вблизи Гералд-сквер может находиться какой-то «красный камень», под которым якобы зарыты сокровенные книги белых индейцев? — не унимался я. — Где и в каких научных трудах вообще упоминается, что это загадочное племя обитало в устье Гудзона?

Гералд-сквер

— Проверка любой, пусть самой сомнительной, информации — удел пытливых, творческих, неординарных личностей, — назидательно ответил Стефан. — Отрицательный результат поиска — тоже важный факт для науки.

Приятель по-прежнему то пялился в записи, то озирался по сторонам.

— Мы почти у цели, конечно, если добытая схема и описание не подделка, — наконец сообщил он.

— Ну, и что это такое?!.. — ехидно спросил я и поднял вверх руку. — Да оторвись ты от своей бумажки.

Стефан взглянул, куда указывал я.

— Это... это — Эмпайр стейт билдинг... — немного растерянно ответил приятель.

Эмпайр стейт билдинг

— Вижу, что не пирамида фараона Хеопса и не Эйфелева башня, — насмешливо отозвался я.

Стефан уставился на знаменитый небоскреб, словно увидел его впервые.

— Кажется, на месте этого гиганта должен находиться мифический «красный камень», а под ним, в глубине земли, — сокровенные книги белых индейцев, — снова не удержался я от ехидных замечаний.

Но мои слова уже не смущали приятеля.

— Наличие Эмпайр стейт билдинг вовсе не отрицает факта, что когда-то на его месте были спрятаны святыни белых индейцев, — замысловато, но твердо ответил он.

— Ты собираешься проникнуть в подземелье небоскреба?..

— Пока нет. Нам еще предстоит далекая экспедиция к устью реки Святого Лаврентия. Повезет там или нет — в любом случае потом можно заняться подземельями Эмпайр стейт билдинг, — ответил Стефан. — Кстати, ты не был еще на его смотровой площадке?

— Нет...

— Тогда, считай, что сегодня твой день в Нью-Йорке не пропадет зря. Отправляемся под небеса... Честное слово, не пожалеешь, — заверил приятель. — Ты увидишь необыкновенную панораму моего города.

И мы отправились на смотровую площадку Эмпайр стейт билдинг.

На сей раз Стефан оказался прав. Вид Нью-Йорка был незабываем, и я подумал, что действительно этот день не пролетел для меня бесследно.

Что же касается святынь белых индейцев, мы все-таки отправились к устью реки Святого Лаврентия. Но никаких открытий и находок не совершили...

Прошло много лет, и вот я снова в Нью-Йорке. Внезапно мне на глаза попалось газетное сообщение, что какие-то энтузиасты отправляются на поиски святынь и сокровищ белых индейцев в Пенсильванию, а затем продолжат поиски в Нью-Йорке.

Это сообщение к Стефану отношения не имело. То были совсем другие люди.

Значит, не перевелось еще неугомонное племя бесшабашных искателей-авантюристов! Как знать?.. Может, им повезет.

Шаман нью-йоркских подземелий

Шаман, своим знанием и своим искусством, должен объяснять все неслыханное и ему противостоять. Он является ученым и вместе с тем архивариусом научных традиций племени, экспертом всего случившегося. Окруженный почтением и страхом, он пользуется огромным авторитетом, но все же не настолько большим, чтобы его племя не было втайне убеждено, что в соседнем племени колдун все-таки лучше.

Карл Густав Юнг

«Глаза, горящие во тьме»

В двадцатых—тридцатых годах прошлого века в нью-йоркском метро произошло несколько странных случаев.

Две студентки ехали поздно вечером в пустом вагоне. Внезапно, по неизвестным причинам, поезд остановился в туннеле между станциями.

Подруги весело болтали, не обращая внимания на остановку, и вдруг одна испуганно вскрикнула и указала рукой на окно вагона.

— Смотри!.. Горящие глаза!.. Кто это?.. Они приближаются!..

Вторая девушка оглянулась и ей стало жутко. Из темноты приближались два огонька, похожие на светящиеся глаза крупного зверя.

Чья-то тень мелькнула в туннеле, и зловещие огоньки оказались почти у самого окна вагона.

Студентки в страхе отшатнулись. Но тут поезд тронулся. Горящие глаза отступили во тьму, и раздался звук, напоминающий волчий вой. Его было слышно пару секунд, несмотря на шум подземки.

Увиденное так подействовало на девушек, что весь дальнейший путь они не произнесли ни слова.

А на другой день та, что первой увидела странные огоньки, рассказала подруге:

— Я всю ночь не могла заснуть. Меня преследовали жуткие горящие глаза во тьме.

На следующее утро жалоба повторилась. А вечером того же дня студентка бросилась под метропоезд.

Лишь после этого ее подруга рассказала о странном происшествии своим знакомым.

Была ли какая-то связь между «горящими глазами во тьме» и самоубийством? Докопаться до истины никто не смог.

Спустя какое-то время о «страшном взгляде из мрака» нью-йоркской подземки рассказывали уже несколько очевидцев. Двое или трое самых впечатлительных из них покончили с собой на рельсах подземки.

Выяснить истинную причину суицида этих людей, по-видимому, так и не удалось.

Таинственная смерть ремонтника

В первые годы после Второй мировой войны от строителей туннелей, работников метрополитена можно было услышать рассказы о шамане, поселившемся в недрах Нью-Йорка.

Немало «подземщиков» (так называли в те времена всех, кто работал под землей) утверждали, что лично видели этого таинственного человека.

У людей, работающих в необычных условиях, есть свои приметы, жаргон, предания и байки. Поэтому даже падкие на любую сенсацию репортеры не обращали внимания на рассказы о таинственном шамане.

Но однажды о нем заговорили не только «подземщики». На севере Манхэттена случилась авария теплопровода. Ремонтникам пришлось работать в ночную смену. Вот в такие авральные часы и появилось из темных лабиринтов городской коммуникации «нечто».

Горящие глаза, искаженное злобой лицо, длинные растрепанные волосы и истошный отчаянный вой, переходящий в громоподобный хохот... Словом, явление не для слабонервных...

Заметив, что один из ремонтников хлопнулся в обморок, жуткое «нечто» с чувством выполненного долга поспешно затерялось в темноте.

После этого снова заговорили о таинственном шамане. Теперь уже — не только «подземщики». Однако в следующую ночь мистика нью-йоркского лабиринта на какое-то время развеялась.

«Чудовищу тьмы», видимо, понравилось пугать «подземщиков», и оно решило снова порезвиться. Но не тут-то было. На сей раз с ремонтниками в нью-йоркский лабиринт спустились полицейские.

Эти парни, далекие от всяких мистических мудрствований, дождались появления загадочного обитателя подземелья и, несмотря на горящие глаза и истошный вой, мигом скрутили его.

Под маской, обработанной фосфором, оказался не легендарный шаман, не сказочное чудовище, а один из ремонтников.

Шутника оштрафовали, а затем вернули на рабочее место. Пусть сами ремонтники с ним разберутся, решили полицейские.

Казалось бы, теперь перечеркнуты байки и предания о подземном шамане и посрамлено суеверие.

Но не долго торжествовали ниспровергатели мистики. Вышел на работу «шутник», но коллеги сразу почувствовали: что-то неладное с ним происходит. Молчит, вздрагивает при каждом резком звуке, постоянно озирается, будто ждет какую-то беду.

Поработал он так час-другой, а потом, не сказав ни слова, покинул свое рабочее место и удалился в темноту. Его окликнули. Никакого ответа. Кинулись искать и вскоре обнаружили в одном из коридоров подземелья.

Лежит бедолага бездыханный, а глаза выпучены от ужаса. На теле — никаких ранений и следов насилия.

По официальному заключению, умер он от внезапной остановки сердца.

Но у «подземщиков» на этот счет было свое мнение. И разговоры о мстительном злобном шамане мрака полились с новой силой, с новыми подробностями и деталями.

Удар по Луне

Русский путешественник, литератор, ученый и предприниматель Кирилл Хлебников много лет изучал быт и нравы североамериканских индейцев, а также обряды и тайны их шаманов.

В двадцатых годах XIX века он писал: «...Желая принять преемничество по своём родственнике, который был шаманом и помер, молодые люди, назначающиеся к тому, искушают себя постом и целомудрием несколько лет, и если почувствуют себя довольно способными, тогда принимаются за колдовство.

Главное упражнение их — предсказывать будущее и иногда лечить болезни призыванием духа...

Случается, что кто-нибудь почувствует необыкновенную боль или умирает скоропостижно, тогда все эти случаи обыкновенно приписываются порче, и поэтому бегают к шаману, который называет им, кого вздумает, что им испорчен или отравлен...

Тогда несчастный подозреваемый бывает или жестоко избит или убит...»

Кирилл Хлебников не очень доверял шаманам. Возможно, у него были на то свои причины.

Однако многие исследователи шаманизма относились положительно к этому явлению, подчеркивая его важную

роль в жизни племени. Они отмечали, что у индейцев Северной Америки с древних времен существовал способ вызова — добрых и запугивания — злых. Назывался он «бить в красный бубен, в желтый, в серебристый и зеленый».

Под бубнами таких цветов подразумевалась луна. В зависимости от того, какой оттенок принимало «ночное светило», исполнялся особый ритуал с танцами, пением, заклинаниями.

Шаман, совершавший мистерию, во время пляски старался подпрыгнуть как можно выше. В руках он держал большую кость медведя или оленя. Шаман будто бы наносил удар по луне, а его помощник в тот момент бил в настоящий бубен. Но всем участникам ритуала казалось, что звук исходит от ночного светила.

Чем искуснее шаман, тем больше ударов он умудрялся наносить луне. Значит, и больше злых духов отгонял и больше привлекал добрых на свою сторону.

Некоторые исследователи тайн истории считают, что способы и методы колдовства, целительства, предсказания, которые применяли шаманы Азии, Америки, Европы, достались им от каких-то древних цивилизаций. Они называют и Атлантиду, и Гиперборею, и Землю Синей звезды.

Версии увлекательные, но, увы, прямых доказательств их истинности пока не обнаружено.

Самые впечатлительные и одаренные

Шаманы...

Трудно переоценить их роль в жизни и развитии народов Северной Америки и Азии.

Учителя и целители, предсказатели и советчики, хранители традиций, истории и культуры своего племени, создатели песен, танцев, преданий...

Их почитали и ненавидели, их боялись и преклонялись перед ними и соплеменники, и пришлые чужаки. Несмот-

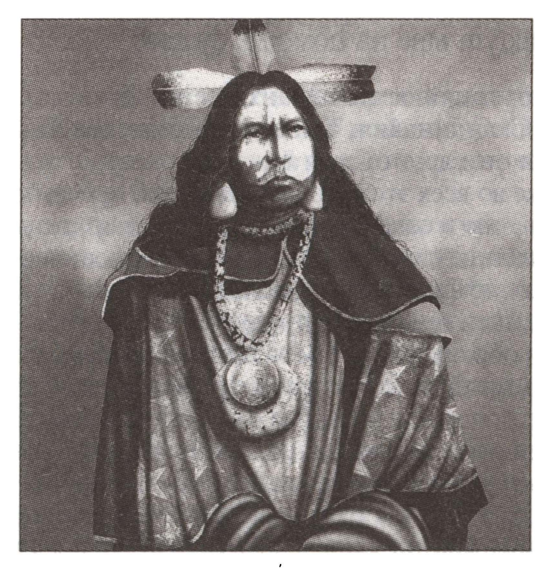
ря на строжайшие пуританские запреты, в XVII—XVIII веках некоторые жители Нью-Йорка тайком обращались к шаманам индейских племен за медицинской помощью и предсказаниями.

Нередко поступки и деятельность шаманов искажались в исторической хронике, документах и литературе.

Были, безусловно, среди них шарлатаны и хапуги, невежи и психически больные. И все же именно они являлись главными носителями, собирателями и хранителями знаний своих племен.

Не случайно путешественники, первопроходцы, ученые, каких бы взглядов и верований они ни придерживались, часто относились к шаманам с почтением. Гонения на них, как правило, начинались с приходом государственных чиновников, поборников установленной религии.

Польский писатель и этнограф Вацлав Серошевский, сосланный в Сибирь в конце XIX века, писал: «Вообще в фигуре шамана есть что-то особенное, что позволяло мне,

Индеец-шаман. XIX в.

после небольшой практики, отличать их среди присутствовавших, почти безошибочно: они отличаются некоторой энергией и неподвижностью лицевых мускулов...

Во время чарования глаза шамана приобретают какой-то особый неприятный тусклый блеск и выражение безумия, и их упорный взгляд, как я заметил, волнует и смущает тех, на кого он направлен...

Обязательства, которые берет на себя шаман, не легки, борьба, которую он ведет, — опасна. Чародей, решающийся на эту борьбу не из-за одних только материальных выгод, но и для облегчения страданий ближнего, чародей по призванию, верующий и убежденный, — такой чародей производит всегда на слушателей громадное впечатление».

Многие исследователи Северной Америки считали, что шаманами становились самые впечатлительные и одаренные личности из индейского рода или племени, хорошо знающие психологию человека, повадки зверья, свойства растений и тайн природы.

«Да придут мне на помощь духи»

Нью-йоркский остров Манхэттен и Чукотка, Аляска и Северная Скандинавия, Таймыр и Канадское Заполярье — как далеки они друг от друга...

И все же во всех этих уголках планеты, приступая к лечению, к гаданию и совершению всевозможных ритуалов, шаманы отдаленных племен и народов произносили на разных языках схожую фразу: «Да услышат меня покровители моего народа и нашей земли!.. Да придут мне на помощь духи!..»

Шаман обращался к ним за помощью во всевозможных житейских проблемах. Рождение ребенка и война с другим племенем, болезнь и выход на охоту или рыбалку, выяснение погодных условий и спасение от стихийных бедствий — все это требовало вмешательства духов.

Индейцы считали, что только с их помощью шаман может поражать врагов и предсказывать будущее, лечить людей и призывать удачу.

У каждого индейского племени было множество духов: небожители и обитатели подземного мира, хозяева и покровители рек, лесов, морей, гор, определенных участков суши, различных природных явлений, животных и растений. Шаман должен был знать всех их и знать, к кому с какой просьбой обращаться в определенной ситуации.

Во время таких обращений шаманы доводили себя до экстаза с помощью ритмических ударов в бубен, пения, шепота или выкрикивания заклинания, пляски и принятия определенных поз. Все это гипнотически действовало на участников мистерии.

Призывая добрых духов или обороняясь от злых, шаман подчинял своей воле соплеменников, внушал им то, что считал нужным, поднимал жизненный тонус, вводил в забытье и нередко избавлял от различных недугов.

Во время проведения таких мистерий использовались особые одежды, маски, шапки, шкуры животных, перья птиц и многое другое.

Врата в сокровенное

Многим любителям книг и фильмов об индейцах известно выражение «закопать топор войны». Оно означает прекращение боевых действий и установление мира между враждующими племенами.

У проживающих на другом континенте чукчей, ительменов, каряков, ненцев, вепсов, саамов существовали подобные обычаи. «Спрятать копье», «схоронить топор», «закопать нож», «спрятать стрелу» — все эти понятия тоже означают установление мира.

Как правило, погребение оружия совершали шаманы или вожди племени.

Некоторые сторонники существования легендарного материка древности Гипербореи предполагают, что этот обычай распространился оттуда. Его жители во время прекращения боевых действий и установления мира якобы закапывали в землю золотую стрелу.

Древние греки отмечали, что гиперборейцы являлись к другим народам, держа в одной руке пучок соломы, а в другой — серебряную стрелу. Солома означала мирные намерения, а стрела — предостережение о готовности гипербореев к боевым действиям. Но почему в руке был не золотой, а серебряный символ войны? На этот счет есть предположение, что золотая стрела выкапывалась лишь когда у могущественной северной страны появлялся равный по вооруженной мощи противник.

Конечно, данную версию можно и оспаривать, и не соглашаться с ней, поскольку нет научных подтверждений. Но заслуживает серьезного внимания гипотеза, что шаманизм, появившийся в глубокой древности и широко распространенный не только в северных уголках планеты, возник из единого географического центра и от одного народа.

В начале XX века русский ученый, профессор Борис Эдуардович Петри писал: «Шаманство исповедывают народы самого различного происхождения.

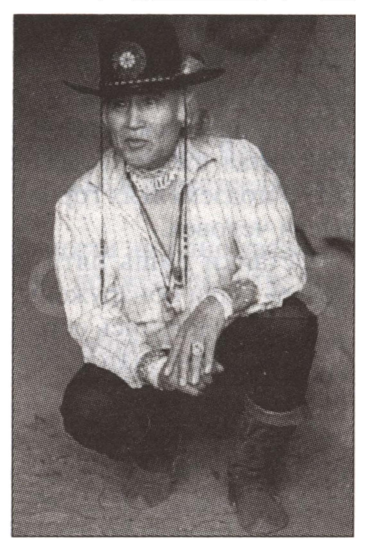
Его придерживаются все палеоазиаты, все тунгусы и все монголы; даже турецкие племена, обитающие на территории Сибири, Восточного и Западного Туркестана, и все финны...

Знаменательным является тот факт, что формы шаманства у этих народов, столь разных по происхождению и по языку, настолько сходны как в своих основных принципах, так порою и в деталях, что само собой напрашивается предположение о едином происхождении шаманства; невольно рождается гипотеза о каком-то центре, где шаманство развилось из своего первообраза в сложную религию и оттуда распространилось по всей территории...»

С высказыванием Петри согласны многие ученые, исследователи, путешественники, побывавшие у различных северных народов и получившие возможность сравнить их обряды, традиции, мировоззрение. Не отрицают подобное предположение и сами шаманы, по крайней мере, те, с ко-

торыми приходилось мне встречаться в Северной Америке, в Сибири и на Дальнем Востоке. Доказательств того, что их верование и искусство возникли в каком-то едином географическом центре, они не представили. Но почти все толковали о загадочной северной земле, исчезнувшей тысячи лет назад, где зародились многие знания и традиции, полученные в наследство разными племенами и народами.

Современный индеец-шаман

Да, умеют шаманы любой нации заворожить, увлечь своими тайнами любознательных пришельцев. Но обычно в их речах — полунамеки, недосказанность, неясность. Не любят до конца раскрываться. На то они и шаманы...

А может, эти хранители древних тайн еще не встретили достойных, тех, кому полностью смогут довериться и отворить перед ними врата в сокровенное?..

Исчезнувшие во мраке

Нью-Йорк не был бы Нью-Йорком, если бы в нем не нашлись решительные парни, желающие докопаться до истины.

— Существует ли на самом деле шаман нью-йоркских подземелий? — вопрошали они сами себя и всех, кто их слушал.

— Если он существует, то какого черта сидит столько лет во мраке? Откуда этот старик явился в наш город? Чего хочет? Чего добивается?..

Естественно, вслед за подобными вопросами начинались действия. Любители нью-йоркских тайн отправлялись в подземелья на поиски шамана.

Мой приятель, знаток многих тайн Нью-Йорка Стефан подсчитал, что, начиная с сорокового года, за двадцать пять лет, в подземельях города навсегда исчезло около девяти тысяч человек.

Останки лишь пяти-семи процентов «пропавших во мраке» были обнаружены впоследствии.

Куда подевались остальные?

Даже такой знаток, как Стефан, не мог ответить на этот вопрос.

Не терпящий белых пятен на карте истории своего города, он все же докопался, откуда в подземелье Нью-Йорка появился шаман тьмы.

Еще в начале XX века этот шаман обитал в лесах на южном берегу озера Онтарио. Индейское племя, к которому он принадлежал, к тому времени вымерло. И оставшийся в одиночестве шаман несколько лет жил отшельником. Но вот духи «ясного неба» вспомнили о нем.

«Иди в другие племена. Лечи, озаряй души добрым светом, делись своими знаниями, открывай путь в будущее незнакомым тебе людям», — повелели они.

Ослушаться духов никто не посмел бы. И шаман-отшельник тут же отправился к людям чужого племени.

Но и среди эфемерных существ случается неразбериха. Направить-то своего служителя в народ они направили, а как именно «лечить и озарять души добрым светом», — не подсказали.

И стал шаман-отшельник вытворять что-то не то. Принялся он заживлять у одного индейца раны, а тот вдруг, ни с того ни с сего, вскочил с постели и — бегом к озеру. Нырнул, а назад на белый свет вернуться не пожелал.

Родственники другого индейца, дебошира и пьяницы, попросили шамана-отшельника наставить того на путь истины, избавить его от злобы и других дурных наклонностей.

Несколько дней колдовал служитель духов «ясного неба» над своим клиентом-дебоширом. Произносил заклинания, плясал, пел, кидал в костер специальные травы и даже хлестал с ним виски.

Лечение, видимо, здорово подействовало. Через несколько дней индеец схватился за ружье и перестрелял половину родни.

Понятно, что такого не могло снести ни одно уважающее себя племя. Шаман-отшельник должен был ответить за свои деяния.

Согласно древним правилам и традициям, судить слугу духов простые смертные не могли. Для этого вызвали откуда-то с севера почтенных стариков.

Те долго совещались, вызывали всевозможных духов, били в ясную луну думы и метали заклинания на молодой месяц, плясали вокруг костра, а потом, усталые и довольные, вынесли вердикт:

— «Ясному небу» ты теперь не можешь служить, брат-отшельник. Твой удел отныне — «подземельный мрак» Большого Города, где властвуют чуждые нам духи.

— Как долго мне странствовать в том мире? — поинтересовался шаман-изгнанник.

— Пока духи Большого Города сами не отпустят тебя, — ответили старцы. — Угождай им. Задаривай и совершай жертвоприношения, — глядишь, они и смилостивятся...

Так и появился в подземельях Нью-Йорка шаман тьмы, наводящий ужас на людей и поклоняющийся духам подземелья.

«Ухожу во мрак»

Да, многие навсегда исчезали во тьме нью-йоркских подземелий, попадая в плен шаману. Однако в пятидесятых годах прошлого века появилась информация, что кое-кто лишь прикрывается этим служителем духов мрака.

Некий Джованни умудрился не поладить сразу и с нью-йоркской полицией, и со своими земляками из организации

«Коза Ностра». Стражи порядка пообещали ему девяносто лет тюремного заключения, а друзья-гангстеры готовились зацементировать ноги Джованни и сбросить в Гудзон.

Но парень вовсе не желал стать кормом для рыб или «тянуть» долгий срок. Прижатый с двух сторон, он проявил смекалку.

«Прощайте, ухожу во мрак. Шаман тьмы тянет меня в свой подземный мир», — написал Джованни своим друзьям и родным.

Ночью он пробрался в метро. Бросил у входа в тоннель свой пиджак с водительским удостоверением, рядом оставил дешевый портсигар с выгравированным его именем.

Вначале его многочисленная родня поверила, что их Джованни стал жертвой подземельного шамана. Но парни из «Коза Ностры» не очень-то доверяли преданиям и мистике.

Их поиски оказались успешными. Через некоторое время «ушедшего во мрак» обнаружили вовсе не во тьме нью-йоркской подземки, а на залитых солнечным светом Каймановых островах.

Что потом стало с Джованни — в городской хронике не сообщалось...

«Пусть себе живет»

Знакомый моего приятеля Стефана, по имени Гарри, не был ни авантюристом, ни поклонником мистики, ни охотником за тайнами. Этот увалень даже во время отпуска не покидал Нью-Йорка и никогда не испытывал жажды приключений.

Но, видимо, и такие люди попадают под власть темных оккультных сил. Наслушавшись туманных преданий «подземщиков», Гарри вдруг возжелал лично убедиться в существовании шамана нью-йоркских подземелий.

Никто из его приятелей не поверил, что он способен на такое безумство. Но Гарри исполнил задуманное.

Пропадал он дней пять. Объявился, когда наконец друзья всполошились и заявили в полицию о его исчезновении.

Гарри и так был не очень разговорчивым, а после возвращения на белый свет — и вовсе стал молчуном. От общения с прессой он наотрез отказался, а чтобы к нему не приставали с дурацкими вопросами, на какое-то время переехал к Стефану.

Но даже мой напористый приятель не смог разговорить его.

Спустя годы Стефан прокрутил мне магнитофонную пленку. Запись «весьма содержательного» разговора с Гарри он наверняка сделал тайком.

«... — Видел шамана?

— Ну, видел...

— Ну и что?

— А ничего...

— Как он хоть выглядит?

— Не разглядел...

— Чем же этот шаман занимается в подземелье?

— Тоскует.

— И все?

— И все...

— А с тобой как обошелся?

— Нормально.

— О чем хоть вы с ним говорили?

— Ни о чем...

— Просто поглядели друг на друга и разошлись?

— В картишки поиграли.

— Все пять дней?..

— Может, и все пять...

— Кто хоть выиграл?

— Поочередно...

— А на что играли?

— На всякую ерунду. На светлый и темный мир...

— То есть?..

— Я проиграл старику весь наземный Нью-Йорк, а он мне — подземный.

— Выходит, метрополитен, теплотрассы, все подземные коммуникации — теперь твои?..

— Выходит, так...»

Стефан наконец понял, что ничего не добьется, и прекратил расспросы.

Последние, записанные на магнитофон, слова Гарри показались мне самыми славными из всего разговора со Стефаном:

— Не трогайте подземного деда. Ему нравится там — пусть живет...

«Наверное, Гарри прав, — подумал я. — Зачем лишать Нью-Йорк легендарного обитателя подземелья? Пусть живет. А с ним пусть остается еще одна нераскрытая тайна Нью-Йорка».

Даже если «шамана тьмы» никогда и не существовало.

Ночь росомахи

Эх, затянула петелька
Меня, мальчонку фартового.
Да где ж укрыться
мне от беды-горюшка?
Видно, бечь мне с землицы
родной
Аж до Амерички.
Может, впрямь укроет
От беды-горюшка
тая Америчка,
Меня, мальчонку озорного
и фартовишного...

Блатная песня XX века

История, услышанная в Нью-Йорке

Рассказал мне ее русский эмигрант Иван Позыков в 70-х годах прошлого века. А начиналась эта история вдали от Нью-Йорка... В Сибири.

—...Ты, Аркан, брус шпановый — потому тебе подскажу, — доверительно прошептал бывалый вор Петро. — Только зеленые бакланы дают виру по весне — по солнышку. Многих беглых обманула Сибирь приветливым весенним солнышком. От того обмана тысячи братанов наших полегли в тайге и тундре... Дождись зимы и уходи на Тараса Кумашника. Еще старики-кандальники говорили, в этот заветный для беглых каторжников день опасно ложиться спать — может смертельная лихорадка привязаться. Ее раньше Кумахой называли.

— А когда тот заветный день настанет? — так же тихо спросил Аркан.

— Двадцать пятого февраля, — помедлив, ответил Петро. — Старые воры сказывали, что за Тарасом Кумашником следует ночь росомахи. А она — зверь нашенский. Повстречал ее — значит фарт уловил. А коли по следу росомахи пошел — никакие псы, мусора-околоточные тебя взять не смогут. Она зверь стремной — попадается редко. Повстречаешь — зырь ей в глаза, не дергайся, а потом ступай по ее следу...

В начале побега Аркан не вспоминал об этом наставлении старого вора по поводу росомахи. Мало ли баек услышишь на каторге от «матерых»!..

По следу зверя

Но вот после двух голодных дней настал час единственного патрона в нагане. Аркану перед побегом ствол подарил Петро. За то старый вор попросил передать письмецо родне. Достать еще патронов в зоне ему не удалось.

Вот и пришлось Аркану выжидать, пока не подвернется стоящая цель для единственного выстрела.

Молодая косуля совершила непоправимую ошибку: отвлеклась и слишком близко подпустила к себе страшного врага. Несколько минут она стояла неподвижно. С тревогой вглядывалась куда-то в заросли, не чувствуя сзади человека.

Пуля попала ей в шею, но сразу не свалила. Косуля мотнула головой и какими-то неестественными боковыми прыжками устремилась прочь. Снег был неглубоким, и человек без труда преследовал зверя. Вот только скользкие камни замедляли его бег.

Через минуту-другую из шеи косули вдруг ударил фонтан крови. Ноги животного тут же подкосились. От радости Аркан забыл об осторожности. В нескольких шагах от косули поскользнулся и разбил о камень колено.

К мертвой косуле он уже не бежал, не шел, а полз, кривясь от боли.

Вот наконец и теплая туша зверя. Аркан достал нож, но тут же потерял сознание: то ли от боли в колене, а может, дали себя знать слабость и голод.

Пришел он в себя от странных звуков. Вначале увидел над головой робкие вечерние звезды, потом — лежавшую

Старики кандальники говорили:
«Повстречал росомаху — значит фарт уловил»

рядом мертвую косулю и какое-то мохнатое, темное существо на ней.

В первое мгновение беглому каторжнику показалось, что перед ним — небольшой медведь. Страх заглушил боль.

«Наган теперь — не помощник, — подумал он. — А с одной финкой косолапого не одолеть...»

Аркан пошевелился. Зверь настороженно поднял голову. Перепачканная кровью морда, оскаленные клыки, а в пасти — кусок вырванного из туши косули мяса. Зрелище не для слабых. Но беглец пригляделся и радостно вздохнул: росомаха!

Может, в это мгновение он вспомнил о наставлении старого вора и взглянул в необыкновенно синие глаза хищника. Ни страха, ни удивления — лишь холодная таинственность северной ночи застыла в них.

Тяжелый, мохнатый хвост росомахи несколько раз качнулся из стороны в сторону, и, не выпуская кусок мяса, неуклюже переваливаясь, она кинулась прочь.

Несмотря на темноту, Аркан хорошо видел ее четкие следы на снегу.

— За ней! — сам себе приказал он и стал медленно подниматься на ноги.

Аркан ожидал сильной боли в разбитом колене, однако, к изумлению, ничего не почувствовал. Вспомнив уроки старых каторжников, он смазал рану уже почти замерзшей кровью косули. Потом отрезал от животного себе на пропитание кусок мяса и тронулся в путь.

Находка в пещере

Несколько раз Аркану показалось, что росомаха остановилась вдали и секунду-другую смотрела на него. И синим огнем горели ее глаза.

Наконец беглый каторжник добрел до расселины среди невысоких скал. При ярком свете луны он увидел, что следы зверя ведут в крохотную пещерку.

Человек задумался: если это логово росомахи и она там — то соваться рискованно. В безвыходном положении, в узком пространстве ее клыки и когти могут быть очень опасными.

И все же какая-то непреодолимая сила толкнула Аркана лезть в пещерку. Он тут же уткнулся в глухую стену. Пошарил в темноте. И справа и слева руки упирались в камень.

Пещерка была настолько мала, что и одному человеку трудно развернуться. Но куда подевался зверь? Ведь следы вели только сюда, и другого выхода не было.

Не стал Аркан долго размышлять: сказалась усталость. Он присел, отрезал несколько кусочков мяса косули и, почти не разжевывая, проглотил их. Потом прикоснулся спиной к стене и задремал.

Разбудил его солнечный свет. Лучи проникали в пещерку и освещали теперь каждую ее пядь. Следов пребывания здесь росомахи Аркан не заметил. Не было привычных для лежки этого зверя ни сухих мхов и трав, ни веток ели и пихты. Зато увидел он россыпь мелких темно-серых и желто-коричневых камушков. Сам не зная, зачем-то пошевелил их и вдруг отдернул от неожиданности руку.

В россыпи будто вспыхнул синий огонек. Аркан подумал, что именно таким светом сверкали глаза росомахи.

Он схватил необычный камушек и поднес к глазам. И хотя Аркан не разбирался в самоцветах, сразу понял, что отыскал драгоценность. На всякий случай он перебрал россыпь, но ничего подобного ему больше не попалось.

А спустя некоторое время пошла молва по воровским малинам от Урала до Москвы, от Питера до Одессы о прозорливости старого вора Петра, о предвестнице фарта росомахе, о счастливом побеге и находке Аркана. Знатоки самоцветов, которым он показал камень, однозначно заявили: это сапфир, причем самого замечательного качества.

Неизвестен дальнейший путь синего самоцвета, найденного беглым вором. Может, кто-то и знал, в чьих руках побывал его драгоценный камень, да помалкивал. Поговаривали, что сам Аркан бежал в Америку.

Путь от Сибири до Нью-Йорка

Иван Позыков не только поведал историю сапфира, но и познакомил меня в Нью-Йорке с одним американским коллекционером самоцветов.

— Он тоже из русских, но об этом не всякому говорит, — доверительно сообщил Позыков. — Уж не знаю, почему мой земляк скрывает свое происхождение.

Наша беседа с нью-йоркским коллекционером коснулась драгоценностей, вывезенных за рубеж из России после революции и Гражданской войны.

Девяностолетний хозяин дома с гордостью открыл передо мной старинную сафьяновую коробочку. В ней на золотистом бархате лежал прекрасный синий самоцвет.

Его владелец улыбнулся и даже восторженно прочел вслух строки из Данте Алегьери:

Отрадный цвет
восточного сапфира,
Накопленный
в воздушной вышине,
Прозрачный вплоть
до первой тверди мира,
Опять мне очи
упоил вполне...

— Где же добыли это чудо: в Индокитае, на Цейлоне? — поинтересовался я.

— Нет, в России, на Урале, — сообщил владелец, и во взгляде его появилось ностальгическое выражение.

А Иван Позыков почему-то весело подмигнул мне, словно утаил секрет и хочет, чтобы я сам его разгадал.

— А разве у нас там есть сапфиры? — удивился я.

— Редко, но встречаются, — пояснил мне хозяин дома и тут же добавил. — У этого самоцвета странное название — «Ночь росомахи».

— Действительно, странное... — согласился я. — То ли дело экзотические и загадочные имена знаменитых драго-

ценных камней: «Кох-и-Нор», «Регент», «Шах-Акбар», «Тадж-е-Мах», «Звезда Востока», «Полярная»...

Внезапно я прервал себя на полуслове. Вспомнил рассказ Ивана Позыкова о давнем, удачном побеге зэка по кличке «Аркан» и о самоцвете, которым якобы одарила его росомаха.

Неужели это все было на самом деле, и передо мной — сапфир, найденный тем самым Арканом? А хозяин дома?..

Я пристально взглянул на старика.

Коллекционер поспешно отвел глаза в сторону.

Я еще раз посмотрел на драгоценный камень, и мне показалось: увидел синее ночное небо Севера, а оттуда — пристальный взгляд росомахи.

Что ж, не зря говорится: «Нью-Йорк богат на удивительные встречи...»

Синяя метка

Мы брали корабли на абордаж,
Сметая экипаж,
Мы оставляли уйму вдов,
А также и сирот.
Мы никого не брали в плен,
Так капитан велел.
Любил он часто повторять:
«У мертвых меньше дел».
За нами гнались по пятам
Большие корабли,
Но с нашим парусником ничего
Поделать не могли.
Мы уходили от погонь —
Исчез наш в море след.
Не достигал нас их огонь
Довольно много лет.
Но вот однажды как на грех,
Нарвались на линкор.
Пытались от него удрать,

Но метким выстрелом бизань,
Как бритвой срезал он.
«Готовься к бою!» — капитан
Последний дал приказ.
Мы дрались бешено — в крови
Вся палуба была,
По морю долго полоса
Кровавая плыла.
Погиб наш славный капитан
И с ним десятков пять.
Лишь после этого сумел
Нас в плен противник взять...

Песня XVIII века

Счастливая гавань

Может показаться странным, что один из богатейших городов мира Нью-Йорк намного отстает по количеству кладов от таких знаменитых городов, как Москва, Рим, Мадрид, Париж, Прага... Отчасти, на это повлиял более юный возраст Нью-Йорка. К тому же, когда он был основан, в Европе уже процветала банковская система.

Зачем зарывать сокровища в землю, замуровывать в стены домов или прятать на чердаках? Ведь добро можно выгодно вложить в солидный банк...

Большинство состоятельных жителей Нью-Йорка так и поступали еще с XVII—XVIII веков. И все же находились те, кто оберегал свое добро по старинке. Среди подобных консерваторов было немало пиратов.

Просоленные морем и кровью души тянулись иногда в спокойную гавань, где много людей, веселья, выпивки и еды, где красотки умеют ценить блеск золота и драгоценных камней.

Морские разбойники Атлантики считали Нью-Йорк счастливой гаванью. В XVIII столетии прибывших сюда тайком пиратов редко раскрывали и арестовывали. В этом городе они прятали сокровища, приобретали земельные

участки и недвижимость, делали вклады в банки, закупали провиант и оружие, залечивали раны.

В тавернах Нью-Йорка джентльмены удачи вербовали моряков и получали нужную информацию обо всем, что творится на просторах Атлантики.

— Хоть Нью-Йорк и холоден как плавник дохлой акулы, зато горячие парни морей могут здесь разогреться виски и девчонками, славно провести время, отдохнуть после кровавых, шальных похождений. А еще в этом холоде прекрасно сохраняются золото, драгоценные камушки и деньги, — говорили в XVIII веке пираты о Нью-Йорке.

И в те времена многие считали, что город в устье реки Гудзон хоть не богат на клады, зато по количеству драм и преступлений, связанных с драгоценностями, обгоняет любые порты мира.

Нравы и традиции джентльменов удачи

О них написано немало. Еще в 1678 году в амстердамском издательстве Яна тен Хорна была выпущена книга «Пираты Америки». На ее титульном листе сообщалось, что эту книгу «Писал А.О. Эксквемелин, который волею судеб был участником всех пиратских походов».

За три с лишним столетия, книга «Пираты Америки» выдержала более пятидесяти изданий на двенадцати языках. Но до сих пор идут споры: кто на самом деле является ее автором? Книга стала самым значимым описанием обычаев и нравов «джентльменов удачи» Атлантики XVII столетия.

«Каждый из пиратов, собираясь идти в море, делал то, что считали нужным его товарищи по плаванию.

Когда все было готово, пираты собирались в условном месте и поднимались на корабль. У каждого был необходимый запас свинца, пороха и ружей. Отчалив от берега, они обычно начинали совещаться, где лучше запастись провиантом. При этом речь шла прежде всего о мясе. Пираты во время плавания в сущности питаются одной только говядиной...

Капитан корабля обязан есть ту же пищу, что и вся его команда, до юнги включительно. Если команда желает уважить своего капитана, то ему готовят какое-либо особое блюдо и подают капитану за общий стол.

...Пираты обсуждают, куда держать путь и на кого нападать.

При этом они заключают особое соглашение, которое называется шасс-парти. В нем указывается, какую долю получают капитан и команда корабля.

...Собрав захваченную добычу, должно прежде всего выделить долю егерю (как правило, двести реалов), а затем вознаграждение плотнику, принимавшему участие в снаряжении корабля; плотнику обычно выплачивают сто или сто пятьдесят реалов, и суммы эти вручаются после возвращения из похода.

Затем следует доля лекаря (на больших кораблях ему выделяют на медикаменты двести или двести пятьдесят реалов). Из оставшейся суммы выделяют деньги на возмещение ущерба раненым. По особым условиям обычно полагается: потерявшему какую-либо конечность — за правую руку — шестьсот реалов или шесть рабов, за левую — пятьсот реалов или пять рабов; за правую ногу — пятьсот реалов или пять рабов, за левую — четыреста реалов или четыре раба... За огнестрельную рану на теле полагается пятьсот реалов или пять рабов.

Все эти суммы сразу же изымаются из общей добычи. Оставшееся делится между командой, но капитан получает от четырех до пяти долей. Остальные же делят все поровну. Юнги получают половинную долю. Если среди пиратов есть такие, которые вышли в плавание вообще впервые, то им выделяется совсем небольшая часть, а остаток идет в общую кассу.

...Если захваченный корабль лучше их собственного, пираты переходят на него, а свой сжигают. После того как корабль захвачен, никому не дается право грабить имущество, посягать на товары в его трюмах.

...Чтобы никто не захватил больше другого и не было никакого обмана, каждый, получая свою долю добычи, должен поклясться на Библии, что не взял ни на грош больше, чем ему полагалось при дележке.

...Того, кто дал ложную клятву, изгоняют с корабля и впредь никогда не принимают...

Пираты придерживаются своих собственных законов и сами вершат суд над теми, кто совершил вероломное убийство. Виновного в таких случаях привязывают к дереву, и он должен сам выбрать человека, который его умертвит. Если же окажется, что пират отправил своего врага на тот свет вполне заслуженно, то есть дал ему возможность зарядить ружье и не нападал на него сзади, товарищи убийцу прощают.

Среди пиратов дуэли завязываются довольно легко. Захватив корабль, пленных высаживают при первой же возможности. Но двоих или троих оставляют, чтобы впоследствии продать или заставить делать все, что не хотят исполнять сами. После двух-трех лет добросовестной службы их иногда отпускают».

Подобное описание традиций, данное в книге «Пираты Америки», не очень вяжется с представлениями современных людей о морских разбойниках прошлых веков. Но, видимо, у автора книги были на этот счет свои основания.

«Заземляемся!»

Считается, что в XVI—XVIII веках половина пиратов заканчивали свою жизнь в морской пучине, в тюрьмах, на виселицах, на необитаемых островах и в сражениях. Но немало было и тех, кто дожил до старости и не растранжирил свою долю добычи, собранную за многие годы. Эти пираты порывали с разбойничьим промыслом, оседали на берегу и нередко становились добропорядочными гражданами той или иной страны.

«Заземляемся!» — говорили в таких случаях джентльмены удачи. Свое разбойничье прошлое «заземлившиеся»,

конечно, тщательно скрывали и от окружающих, и от своих потомков. Так что многие состоятельные люди даже не подозревают о пиратском прошлом своих предков и о происхождении их богатства.

Во второй половине XVIII века немало бывших морских разбойников осели в Нью-Йорке. Самые удачливые, ловкие и работоспособные стали почтенными коммерсантами, банкирами, промышленниками, известными не только в городе, но и во всей Северной Америке.

«Заземленные» сразу узнавали друг друга, даже если впервые встретились в Нью-Йорке и никогда не видели друг друга на океанских просторах. Походка, взгляд, жесты, отдельные словечки выдавали в них бывших пиратов. Хотя распознать это могли только бывалые люди.

Цвет «усталого моря»

В самом конце XVIII века бывшие джентльмены удачи организовали в Нью-Йорке свой тайный клуб или общество «Синяя метка». Конечно, туда входили только бывшие пираты.

У них были особые поверья, традиции, обряды, которые они помнили, чтили, соблюдали и никому не открывали.

«Море прощает и отпускает лишь один раз», — считали члены «Синей метки». Поэтому никто из них больше не отправлялся в плавание ни в составе корабельного экипажа, ни в качестве пассажира. Иначе море уже «не простит, не отпустит» и не даст «заземлиться».

Некогда бравые, а ныне почтенные старики избрали своей клубной эмблемой не обычную пиратскую черную метку, а синюю, или, как они говорили, — цвета «уставшего моря».

Впрочем, эта синяя метка с традиционными черепом и костями имела и зловещее предназначение. Не всегда бывшие джентльмены удачи оставались благодушными бизнесменами. Отступникам, предателям, раскрывшим их

секреты, и конкурентам они отправляли роковой знак цвета «уставшего моря».

Видимо, разбойничьи повадки не истреблялись ни земельным уютом, ни степенным образом жизни, ни солидным положением в обществе. Это, как говорили сами бывшие пираты, месть моря за грехи.

В ночь лунного затмения

Иногда нью-йоркские «заземлившиеся» джентльмены удачи собирались все вместе по особенному случаю. Посторонние не знали, как часто происходили подобные сборища. Поговаривали, что такое случалось в ночи лунного затмения.

Бывшие пираты отправлялись на берег океана с игрушечными корабликами. Там они писали записки-пожелания. В них упоминали известных и неизвестных загубленных ими людей и имена погибших товарищей. Игрушечные кораблики с записками пускались в воды океана.

Наивные головорезы полагали, что этой мистерией они хоть немного очищаются от грехов.

Только в ночь лунного затмения из океана можно услышать голоса всех погибших в пучине за всю историю мореходства, считали пираты.

Каждый из этих миллионов погибших, согласно поверью, рассказывал тайну своей смерти. Их жалобы сливались в одну печальную песню океана. Казалось, что сама стихия оплакивала свои жертвы в ночь лунного затмения.

После такой церемонии члены тайного общества «Синяя метка» переодевались в обноски, специально сохраненные с времен «морских забав», и начинали свой ритуальный обход злачных мест Нью-Йорка.

«Ад и галеры города»

Начинался этот необычный поход со знаменитого рокового места в Нью-Йорке под названием «Пять Углов».

В литературе сохранилось его описание. Правда, относится оно уже к середине XIX века. В книге «Нью-Йоркские тайны» Вильяма Кобба говорится: «...Вот Пять Углов, ад и галеры города нашего.

К Пяти Углам прилегают пять улиц. Это перекресток. В него упираются, как в центр, длинные, узкие, грязные переулки, окаймляемые деревянными домишками, большею частью покривившимися, с расшатавшимися балками, нечто вроде свай, вбитых в грязь и гадость.

Ночью газ бросает свой желтый свет; тогда все это похоже на остовы старых кораблей...

Днем здесь полнейшая тишина. Изредка только услышится шепот: то пробуждение вчерашнего пьянства, или оханье больного, или же это уносят какой-нибудь труп. Это труп кого-то без имени, какого-нибудь бедняка, не проснувшегося сегодня утром, или найденного мертвым...

Но вечером, со всех концов большого города, парии сбегаются в бесспорно им принадлежащие владения... Целый день они шлялись во всех направлениях в своих странных лохмотьях.

Они просили милостыню там, где подают ее, и обкрадывали там, где можно взять.

Дети бегали, прыгали, кувыркались перед каретами наперегонки с лошадьми, иногда давившими их. Они набирали несколько центов, играли в «голову» или «хвост» — то же, что у нас «орел» или «решетка».

Женщины искали... кого? Кто бросит взгляд на этих поношенных созданий, с свинцовым цветом лица, с высохшею шеею?

Все это возвращается в бесчисленную семью порочных и угнетенных, под тот ужасный кров, где нет ни каст, ни классов, ни подразделений, — где все подходит под один уровень стыда и разврата...

Тут сходятся сотни, тысячи...

И когда все возвращаются из этого ежедневного обхода, тогда начинаются гнусные сатурналии этого ада».

Но неприглядная обыденная жизнь «Пяти Углов» мало впечатляла бывших пиратов. И не такое доводилось им видеть в различных портах Атлантики.

Обитатели «ада и галер» Нью-Йорка относились к ним с почтением. При виде компании «джентльменов удачи» проститутки, воры, нищие, спившиеся бродяги почтительно расступались, а потом с уважением глядели им вслед и поясняли новичкам «Пяти Углов»: «Вот пошли стальные ребята... Не гляди на их плешивый возраст... На пути им лучше не попадаться...»

А «стальные ребята» тем временем по-хозяйски шествовали к улочке со зловещим названием «Переулок Убийцы». Здесь, в заброшенной пивоварне начала XVIII века, находился притон «Золотая пещера».

Лишь во второй половине XIX столетия властям Нью-Йорка удастся снести это дно города. Но к тому времени уже не останется никого в живых из братства «Синяя метка».

В «Золотой пещере» ветеранов морского разбоя знали все. Хозяин притона лично встречал их и провожал в особую комнату с единственным оконцем. Здесь, за толстыми стенами, почти не были слышны характерные звуки ночлежки: храп, стоны, ругательства, шум потасовок.

Бывшие пираты называли эту комнату «кают-компанией» и в свое время самолично оборудовали ее. Якоря, штурвал, цепи, весла, пустые бочонки украшали эту обитель джентльменов удачи.

Когда они являлись, хозяин притона вывешивал над окном старое полотнище с черепом и костями. После этого старые пираты с ностальгическим чувством, а порой и со слезами на глазах, исполняли песню, которая стала своеобразным гимном братства «Синей метки»:

...Когда же деньги наши все
Ушли ко всем чертям,
Спустился в кубрик капитан
И так сказал он нам:
«И золота и серебра

Сполна получит всяк —
Как только мы решим поднять
Пиратский черный флаг!»
Враз согласилась вся братва
Идти за ним на риск...

После дружного пения следовал обильный ужин, с воспоминаниями и обсуждением проблем.

Старели джентльмены удачи в счастливой гавани Нью-Йорк, но спуску противникам по-прежнему не давали. Во время своих сборищ в «Золотой пещере» они договаривались об очередных сделках, о том, куда вкладывать деньги, и об устранении неугодных людей.

Те, кого пираты приговаривали к смерти, как и в давние времена, вначале получали устрашающую роковую метку. Если приговоренный кидался в полицию, надеясь найти защиту, над ним попросту смеялись.

— Какие в Нью-Йорке пираты?! Очнитесь! Вся эта белиберда с метками смерти давно канула в прошлое! Взгляните на календарь: в какое время вы живете?

В общем, несчастного выпроваживали из полицейского участка с пожеланиями не читать на ночь пиратских романов.

А через какое-то время осужденного джентльменами удачи находили в Гудзоне «перевернутым поплавком». Так называлась смертная казнь, придуманная старыми пиратами. К ногам жертвы они привязывали бревно, а к рукам — тяжелый камень. Рассчитывали так, чтобы ноги несчастного, благодаря бревну, виднелись из воды.

Конечно, полиция вылавливала «перевернутые поплавки» и, возможно, догадывалась, кто убивал людей, но с братством «Синяя метка» ничего поделать не могла.

Потеха с кладами

После обсуждения дел, завершив ужин в «Золотой пещере», старые пираты приступали ко второй части «ночи затмения луны».

Они покидали грязный притон и уезжали прочь из «Пяти Углов». Переодевшись в приличную одежду, они мчались в каретах в один из самых дорогих нью-йоркских ресторанов того времени — «Грязная нора».

Вот тут-то старички-разбойнички затевали «игры для души».

— Ну, если во всем мире считается, что джентльмен удачи неотделим от кладов, не стоит разочаровывать народ. Мы и так в свое время обидели и обманули многих людей... — примерно так рассуждали бывшие пираты. — Мы не можем, как в былые годы, разогреть свою кровь сражениями, жарким тропическим солнцем, морскими ветрами. Нам остались земные забавы. Народ мечтает о кладах — будут им сокрытые сокровища!

Но джентльмены удачи не собирались просто так раздаривать добро. Они придумывали, как они сами называли, «потехи с кладами».

Еще не проданные драгоценности, добытые в свое время на морских просторах, члены братства «Синяя метка» в течение многих лет прятали в разных уголках Нью-Йорка. Подземелье, стена дома, дупло дерева — всюду отыскивались потайные места для золотых изделий и драгоценных камней.

Но хорошо спрятать сокровище — это только начало потехи с кладами. Важнее было придумать легенду о сокрытых драгоценностях и нарисовать мудреную карту-головоломку. Да такую, чтобы люди сразу отправлялись искать клады, а потом сходили с ума от неудачи.

Видимо, были в братстве «Синяя метка» не просто грамотные, но и талантливые личности, раз многие годы в Нью-Йорке искали и не могли найти драгоценности джентльменов удачи.

Сколько они спрятали в городе золота, серебра и самоцветов? Сколько богатств удалось отыскать? Вряд ли кто ответит.

Члены «Синей метки» со временем написали целую рукописную книгу под названием «Эльдорадо». В ней сообщались сведения обо всех сокровищах, спрятанных ими в

Нью-Йорке, и находились зашифрованные подсказки кладоискателям.

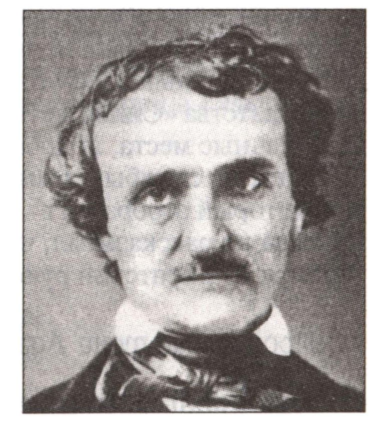
Старые пираты тщательно оберегали оригинал этой книги. Но один раз в год они создавали фальшивое «Эльдорадо», где все подсказки были неверными. Джентльмены удачи разыгрывали целую систему приключений, чтобы лже-«Эльдорадо» как бы случайно попало в руки известного жителя Нью-Йорка или в редакцию газеты.

Так начиналась очередная городская сенсация, нередко заканчивающаяся плачевно для легковерных кладоискателей. Не отыскав сокровищ, люди нередко сходили с ума, кончали с собой, убивали конкурентов.

А старые пираты, наблюдая за событиями, веселились от души. А потом опять придумывали новые каверзы во время своих заседаний — среди хрусталя, позолоты, серебра шикарной «Грязной норы».

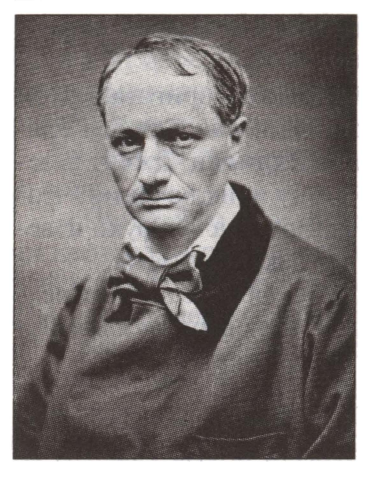
«Золотой жук»

Неизвестно, как попал молодой человек — будущий знаменитый писатель Эдгар По — в компанию веселых старичков из «Синей метки». Но знатоки нью-йоркских тайн утверждают, что этот юноша чем-то приглянулся джентльменам удачи, и они показали начинающему литератору настоящую книгу «Эльдорадо». Из нее Эдгар По якобы почерпнул сюжет для своего известного рассказа «Золотой жук».

Эдгар По

Знаменитый французский поэт и переводчик Эдгара По Шарль Бодлер писал: «Поговорите о По с американцем. Он, быть может, признает его талант, возможно, даже будет

Шарль Бодлер

гордиться им, но с язвительным тоном превосходства человека положительного он начнет говорить вам о непристойной жизни поэта, об его алкоголизированном дыхании, которое от приближения свечки могло бы вспыхнуть, о его склонности к бродячей жизни.

Он скажет вам, что это было беспорядочное и странное существо, планета, вышедшая из своей орбиты, что он беспрестанно блуждал из Балтимора в Нью-Йорк, из Нью-Йорка в Филадельфию, из Филадельфии в Бостон, из Бостона в Балтимор, из Балтимора в Ричмонд...»

Как отмечали знатоки тайн Нью-Йорка, у Эдгара По было какое-то особое чувство к этому городу. Писатель часто бывал здесь наездами, останавливаясь то у знакомых, то в дешевых гостиницах.

Нередко он покидал нью-йоркских приятелей, ничего не объясняя им. Где по нескольку дней пропадал Эдгар — никто толком не знал. Возможно, в одно из таких исчезновений писатель каким-то образом и познакомился с членами братства «Синяя метка». Ведь Эдгара По всегда тянуло в злачные места, подобные «Золотой пещере».

Во время службы в армии он попал на Сэлливанов остров, который отобразил в «Золотом жуке». Но сам писатель никогда не рассказывал, что сюжет этого рассказа он почерпнул из пиратской рукописной книги «Эльдорадо».

«Пройди, где тени Ада!»

Неугомонные любители тайн Нью-Йорка, такие как мои приятели Ричард и Стефан, считают, что когда умирал

последний член братства «Синяя метка», он пожелал передать легендарную книгу «Эльдорадо» именно Эдгару По.

Произошло подобное на самом деле или это всего лишь домыслы и нью-йоркские предания и слухи?..

Известно, что сам Эдгар По любил запутывать свою биографию. То сообщал, что побывал в России, где искал «Сивиллины книги», и еще какие-то загадочные древние документы, то рассказывал знакомым о посещении Северной Африки или о своем проживании у индейцев в районе Великих озер. Но подтверждений этому знатоки жизни и творчества писателя так и не нашли.

Литературоведы отмечали, что романтик Эдгар, не желая воспринимать окружающую действительность, всю сознательную жизнь искал «свое Эльдорадо».

Он на коне,
В стальной броне;
В лучах и в тенях Ада,
Песнь на устах,
В днях и годах
Искал он Эльдорадо... —

писал Эдгар По в своем известном стихотворении.

У знатоков тайн Нью-Йорка есть версия, что в этих строках поэт не только называл легендарную страну, но и намекал на загадочную рукописную книгу пиратов «Эльдорадо».

И стал он сед
От долгих лет,
На сердце — тени Ада.
Искал года,
Но нет следа
Страны той — Эльдорадо.

И он устал,
В степи упал...
Предстала Тень из Ада,
И он без сил,

Ее спросил:
«О Тень, где Эльдорадо?»

«На склоны черных
Лунных гор
Пройди, — где тени Ада!»
В ответ Она —
«Во мгле без дна —
Для смелых — Эльдорадо!»

В печальной песне океана

Согласно преданию, когда умер последний член братства «Синяя метка», его пришли хоронить сотни людей. За катафалком шли рядом и обитатели «Пяти углов», и посетители и жильцы притона «Золотые ворота», и завсегдатаи шикарной «Грязной норы».

Когда в балтиморском госпитале для бедных скончался замечательный писатель Эдгар По, хоронили его всего несколько человек.

3 октября 1849 года Эдгара подобрали на уличной скамейке в бессознательном состоянии. А через четыре дня он умер.

Спустя неделю нью-йоркский репортер поведал читателям, что в последнее время перед смертью Эдгар По не расставался с потрепанным портфелем, где хранил неопубликованные записки, стихи, рассказы. Возможно, там же находилась рукописная книга пиратов «Эльдорадо».

Когда Эдгара По доставили в балтиморский госпиталь, портфеля при нем не было. В кармане поэта медики обнаружили только смятый листок со следующей записью: «Да, прекрасные сказания заключены в томах Волхвов... Там, говорю я, чудесные летописи о Небе и о Земле, об Эльдорадо и о могучем Океане...»

Как потом выяснилось, это был слегка измененный отрывок из уже опубликованного рассказа Эдгара По.

Один его почитатель из Нью-Йорка объявил, что готов заплатить немалые деньги за пропавший портфель писателя. По-видимому, никто не откликнулся на это предложение.

Так и осталось неизвестным, что находилось в исчезнувшем портфеле Эдгара По.

А вот о пиратской рукописной книге «Эльдорадо» в семидесятых годах прошлого века появились слухи, будто хранится она в тайной коллекции одного нью-йоркского богача.

Говорят, и сегодня еще встречаются в Нью-Йорке романтики, любители мистики, верящие, что в ночь лунного затмения надо отправляться на берег океана, как делали это джентльмены удачи. И тогда там можно услышать ответы на многие загадки мира.

А сокровища пиратов и в наше время ищут в Нью-Йорке.

Сопутствует ли удача кладоискателям?

Возможно, ответ на это кто-то расслышит в печальной песне океана.

«Город страха»

> Мир рушится. Под его обломками навеки похороненным остается то, что было нам когда-то дорого...
>
> Стремительно разваливается привычный уклад жизни, уходит в прошлое то, что еще так недавно составляло смысл нашего бытия. Утрачивает свое значение мораль, меняются жизненные ценности и ориентации. Рвутся нити, связывающие нас с близкими людьми...
>
> Человек остается одиноким перед надвигающимся мраком неизвестности...
>
> Нас может ужасать прошлое, не удовлетворять настоящее, но страх, истинный страх человек способен испытать, только думая о том, что ожидает его впереди.
>
> *Алвин Тоффлер*

Спутник и властитель всего живого

В начале 70-х годов прошлого века группа нью-йоркских студентов провела опрос нескольких тысяч жителей своего города.

— Какие чувства испытываете вы к Нью-Йорку?..

На этот единственный вопрос люди ответили: «Я люблю свой город» — 12 %; «Я равнодушен к нему» — 9 %; «Я ненавижу Нью-Йорк» — 9,5 %; «Он вызывает у меня противоречивые чувства» — 14,5 %; «Я постоянно или временами боюсь Нью-Йорка» — 55 %.

Согласно ответам на столь немудреный вопрос, был сделан вывод: большинство жителей мегаполиса боятся своего города. Возможно, в этом есть доля правды.

Из всех чувств, присущих человеку, впрочем, как и всему животному миру, главенствующим, очевидно, является страх.

О, великий учитель!
Подскажи!
Не дай совершить неисправимое!..
О, великий губитель!
Минуй меня, обойди стороной!
Порази врагов моих и не отпускай их
На всем земном пути!
И тогда они не смогут
Победить меня...

Так обращались к «всемогущему страху» жители Древнего Вавилона.

В начале III века римский писатель и юрист, живший в Карфагене, Квинт Септимий Флоренс Тертуллиан приказал выбить на стене своего дома два любимых изречения: «Верую, потому что это нелепо» и «Страх — основа безопасности».

У североамериканских индейцев племени поватан есть легенда о вечном спутнике человечества — страхе. В ней говорится, что у этого спутника и властителя всего живого есть два крыла: одно — «спасение», другое — «гибель».

Подобное предание было и у индейцев, населявших остров Манхэттен.

Если проанализировать значимые деяния и поступки, несчастные случаи, беды, трагедии за всю человеческую историю, то в основе большинства из них окажется страх.

Что являлось основной побудительной причиной «вечного исхода» человечества, великих переселений народов, в том числе и в Америку?

Страх!

Страх умереть от голода, остаться безработным, погибнуть от стихийных бедствий, погибнуть в войнах, революциях, быть репрессированным или казненным по приказу правителей.

Знамение времени

В последние десятилетия все чаще в средствах массовой информации, в специальной и популярной литературе упоминается футурошок — страх перед будущим.

Многие люди понимают: прошлое не вернуть, настоящее, с его радостями и бедами, страхами и счастливыми минутами, быстро пролетает.

И все чаще большинство людей задает себе вопросы: «А что будет завтра, через год, через двадцать лет? Наступит ли когда-нибудь для человечества золотой век или все же грядет Апокалипсис?..» Разноплеменные жители Нью-Йорка — не исключение.

«...И когда Он снял шестую печать, я взглянул, и вот, произошло великое землетрясение и солнце стало мрачно как власяница, и луна сделалась как кровь. И звезды небесные пали на землю, как смоковница, потрясаемая сильным ветром, роняет незрелые смоквы свои. И небо скрылось, свившись как свиток; и всякая гора и остров двинулись с мест своих. И цари земные, и вельможи, и богатые, и тысяченачальники, и сильные, и всякий раб, и всякий свободный скрылись в пещеры и в ущелья гор, и говорят горам и камням: падите на нас и сокройте нас от лица Сидящего на престоле и от гнева Агнца, ибо пришел великий день гнева Его, и кто может устоять?..»

Так предвещал Апокалипсис в своем Откровении Святой Иоанн Богослов.

Мучительные, безответные вопросы пугают человека. Он начинает хуже ориентироваться в житейских ситуациях, отстает от все ускоряющегося темпа бытия и перемен, утрачивает способность влиять на события окружающей жизни, на свою собственную судьбу. Так приходит в души уныние.

Не случайно в христианстве уныние считалось серьезным грехом. Это чувство, как и страх, имеет свойство самовозрастать до жизненно опасных размеров. Но виноват в «самовозрастании» сам человек, обладающий свойством нагнетать, преувеличивать страх и уныние. Особенно в том преуспевают литература и средства массовой информации.

Американский социолог и публицист Алвин Тоффлер в работе «Шок от будущего» писал: «...подчинив себе силы природы, создав мощнейшую технику, человек изменил ритм и течение своей жизни. Но сам оказался не приспособленным к этому ритму. Одержав победу над природой, но сам оставаясь ее частью, человек губит себя с помощью средств, созданных его же руками...

Футурошок — это знамение времени, следствие ускоряющегося темпа жизни, результат внезапных перемен, происходящих в обществе. Это — болезнь, вызванная наслоением новых культурных ценностей на еще не успевшие отжить старые. Футурошок возникает тогда, когда человек сталкивается с новым укладом жизни, еще находясь в рамках старого жизненного уклада...»

Король чувств

Трудно перечислить все виды этого терзающего людей чувства.

Страх возникает в процессе познания и освоения мира. Ощущения, генетическая память, восприятие, мышление — все работает с ним в тесном союзе. Страх в той или иной мере связан с любыми действиями человека.

Он многолик...

У него множество масок. Страх может появиться под видом легкой тревоги или обернуться парализующим ужасом. Он может возникнуть в маске неясного беспокойства или смутной настороженности.

Страх — король чувств, и все они — его подданные. Считается, что чувства — это нервные процессы, происходящие как в коре большого полушария головного мозга, так и в его подкорке.

Даже малый сигнал страха влечет за собой различные перемены во всем живом организме. Мозг мгновенно откликается на сигнал опасности — и происходят изменения в работе сердца, легких, кровеносных сосудов, мышц, ускоряются или замедляются различные процессы в организме.

Если страх в человеке не может реализоваться в конкретные действия по самоспасению во время экстремальных событий (пожар в высотном доме, крушение корабля, авиакатастрофа, нападение террористов и т.д.), то может наступить смерть. И ее виной будет не травма или ранение, а остановка сердца.

Страх иногда сравнивают с быстрораспространяющейся заразной болезнью. Но передается эта болезнь не с помощью вирусов, а информационным воздействием. В считанные мгновения страх может поразить множество людей. И тогда начинается паника, истерия, душевные и физические травмы и нередко — даже смерть.

Страх и опасные массовые заболевания! Они почти всегда вместе, неразлучны...

Эпидемии порождают страх, он — в свою очередь — психические болезни, отчаяние, кровавые расправы, безумные деяния.

Есть люди, хронически больные страхом. Малейшее недоброе событие или информация — и болезнь разгорается вовсю. При этом многие из них просто жаждут, чтобы болезнь распространялась на других, охватывая как можно больше людей. Они получают наслаждение, рассказы-

вая о своих болячках и бедах, о страшных событиях, о катастрофах и трагедиях — увиденных, прочитанных, услышанных.

«Ему обязан человек...»

А замечательный мыслитель Бенедикт Спиноза считал, что «...не может быть ни страха без надежды, ни надежды без страха...».

Скольких людей за всю историю человечества страх гнал в дорогу? Страх голодной смерти, страх массовых эпидемий, страх известных и невиданных губительных явлений природы...

Среди множества ответов на вопрос: «Что заставляет людей покинуть свой дом?» — от одного, осевшего в Нью-Йорке эмигранта я услышал и такой: чтобы еще и еще раз испытать чувство страха и преодолеть его.

Жизнь слишком коротка, и нельзя позволять страху укорачивать ее. Пусть страх выполняет свое полезное дело: предостерегает, учит, стимулирует мышление.

Немецкий философ и историк Освальд Шпенглер писал: «Страх мира есть, несомненно, самое творческое среди изначальных чувств. Ему обязан человек наиболее зрелыми и глубокими формами и образами не только опознанной внутренней жизни, но и ее отражением в бесчисленных созданиях внешней культуры».

Полностью победить в себе страх не может никто, даже самый отчаянный храбрец. Ибо, как говорили древние, «совсем не ведает страха лишь тот, кто потерял либо разум, либо жизнь».

Это главное чувство надо не побеждать, а делать своим союзником. Учиться слушать его, но не давать ему порабощать себя.

Индейцы из племени алгонкинов, обитавшие на землях, где сегодня расположен Нью-Йорк, говорили: «Воин, ставший невольником страха, — мертвый воин. Победителем в бою становится тот, кто уважает страх, но не покоряется ему».

Всего лишь радиопьеса

В октябре 1938 года ужас и паника охватили Нью-Йорк. Случилось это, когда нью-йоркская студия радиовещательной компании «Коламбия» начала транслировать пьесу, написанную по роману Герберта Уэллса «Война миров».

Известный американский психолог Хэдли Кэнтрил тщательно исследовал события 1938 года. Он писал, что, к изумлению создателей радиоинсценировки о нашествии марсиан, в него поверили тысячи американцев.

«В течение нескольких часов население страны было убеждено, что ужасные чудовища, вооруженные смертоносными лучами, действительно разрушают оборонительные укрепления США, что от них нет никакого спасения, что близится конец света...

Спектакль начинался с того, что некий радиорепортер Карл Филлипс берет интервью у знаменитого астронома профессора Ричарда Пирсона в связи с участившимися странными вспышками на планете Марс. Во время их беседы профессору приносят телеграмму: недалеко от его обсерватории с неба упал какой-то странный предмет. Профессор и репортер сообщают, что они отправляются к месту падения, на ферму в районе Кроверз Миллз, и что в дальнейшем будут сообщать об увиденном оттуда.

...Через несколько минут диктор объявил, что Филлипс и Пирсон “снова в эфире”, и они сообщили, что издали рассматривают упавший с неба предмет, похожий на огромный цилиндр, что вокруг него уже собралась толпа любопытных, которую стараются оттеснить от неизвестного объекта несколько полицейских.

...Вдруг раздается испуганный крик репортера Филлипса — он увидел, как один конец цилиндра открылся, и из него выползают какие-то существа, похожие на серых змей с огненно-черными глазами... Что-то похожее на губы, выпячено вперед, оно дрожит и пульсирует.

Затем репортер с ужасом сообщает, что одно из чудовищ с помощью какого-то луча стало поджигать все вокруг —

деревья, постройки, машины людей... Сорок человек, включая полицейских, погибли, обгорев до неузнаваемости. Погиб и репортер Филлипс.

...Позже передается, что установлена связь со свидетелем трагедии профессором Пирсоном. Он не может ответить на вопрос, что это за существа и зачем они прибыли на Землю. Но их страшное оружие позволяет сделать вывод, что в области научных знаний они намного опередили людей: они умеют каким-то образом генерировать тепло и с помощью особого зеркала посылать луч в нужном направлении.

Подключаются военные, которые “овладели ситуацией”, цилиндр с чудовищами окружен восемью батальонами вооруженной пехоты, оснований для паники нет — все чудовища вернулись в цилиндр, и он больше не открывается.

Однако очередной диктор сказал, что батальоны погибли и что из цилиндра на этот раз вылезли огромные металлические монстры совсем другой формы; ...они растаптывают своими железными лапами все вокруг себя либо все сжигают лучами.

Железная дорога, между Нью-Джерси и Пенсильванией будто бы разрушена полностью, а толпы бегущих в панике людей заполнили шоссе.

...Из следующих радиосообщений следует, что никакая армия не может справиться с чудовищами, самолеты не способны их бомбить, потому что их выводят из строя с помощью лучей. Кроме того, марсиане начали применять ядовитые газы, которые в виде черных клубов дыма поползли по земле.

...Один из дикторов объявляет уже якобы с крыши радиостанции Нью-Йорка о необходимости срочной эвакуации населения — марсиане приближаются...

И снова раздается голос профессора Пирсона, описывающего картину жуткой разрухи вокруг, обгоревшие тела людей, животных, перевернутые машины, брошенные всюду вещи — полный хаос, все растерзано марсианами...»

Как отмечал в своем исследовании Хэдли Кэнтрил, большинство радиослушателей поверили в реальность услышанного. Они «...молились, плакали, метались как безумные, стараясь спастись от марсиан, как утверждают свидетели. Одни побежали спасать своих близких, другие кинулись звонить по телефону, чтобы проститься, чтобы предупредить родных, друзей, знакомых, чтобы узнать подробности от редакций газет, вызывали "скорую помощь", полицию».

Центральные улицы Нью-Йорка были забиты автомобилями. Образовались не виданные до того дня дорожные пробки. Пешеходы старались как можно быстрей покинуть открытые пространства города. На улицах слышались истерические крики, плач, ругань.

И все это происходило в Нью-Йорке поздним вечером. Город долго не мог успокоиться и уснуть.

Последствия шока

Официальные службы Нью-Йорка и США не смогли подсчитать и определить, сколько бед на самом деле принесла радиопьеса «Война миров».

Хэдли Кэнтрил в своем исследовании сообщил, что около 1 миллиона 700 тысяч из всех слушавших радиопостановку поверили в реальность событий, а из них 1 миллион 200 тысяч были сильно напуганы. Он также привел множество откликов на радиопьесу «Война миров».

«Никогда прежде я не слушала радио с таким вниманием, как в этот раз.

Я держала в руках Библию и молилась, глядя в открытое окно в надежде увидеть падающий метеорит. Я решила, что как только почувствую запах газа, тут же закрою окна и замажу его водонепроницаемым цементом или еще чем-нибудь. Я решила остаться дома, полагая, что так я не задохнусь от газа.

Когда же сообщили, что чудовища вброд пересекают Гудзон и идут на Нью-Йорк, я решила взобраться на кры-

шу, чтобы посмотреть на них, но... не могла отойти от радио, сообщавшего о разворачивающихся событиях», — так писала о своем впечатлении от радиопьесы «Война миров» жительница Нью-Йорка миссис Деланей.

Лу Джозефсон, гостивший 30 октября 1938 года у своих нью-йоркских приятелей, тоже слушал «Войну миров». Спустя много лет он рассказывал автору этих строк: «Буквально через пятнадцать—двадцать минут все слушавшие знаменитую постановку забеспокоились. Нас у радиоприемника было четверо. Вначале мы тревожно переглянулись, а потом, не сговариваясь, подошли к окнам, продолжая слушать постановку. На улице уже было темно. Лишь электрическое освещение показывало, что Нью-Йорк живет своей обычной жизнью.

...С каждой минутой тревога нарастала. Хотелось куда-то бежать, прятаться, ничего не видеть, не слышать. Но никто не отрывался от радио...

Едва кончилась передача, моим приятелям, у которых я гостил, позвонил знакомый, проживающий где-то на Пятой авеню, и сообщил, что его сосед, не дослушав до конца “Войну миров”, застрелился...

Утром я узнал о неудачном самоубийстве моей дальней родственницы, находившейся в одном из нью-йоркских госпиталей. После окончания радиопостановки она выбросилась из окна. Осталась жива, но покалечилась...

Мой знакомый врач сказал, что в Нью-Йорке, в ночь с 30 на 31 октября, произошло в шесть раз больше случаев сердечных и психических приступов...»

«Студент колледжа вместе с однокурсниками ехал в машине, когда услышал по радио о том, что профессор Пирсон сгорел и что ядовитый газ, пущенный марсианами, расползается по всему штату в северном направлении...

“Я думал только о том, чтобы не задохнуться от газа и не сгореть заживо... Мой товарищ все время молился и плакал.

Я понял, что все наши погибли, но больше всего меня потрясло, что, видимо, вся человеческая раса будет смете-

на, — эта мысль казалась мне особенно важной, важнее даже того, что и мы должны вот-вот умереть.

Казалось ужасным, что все, созданное упорным трудом людей, должно исчезнуть навсегда.

Диктор продолжал свои репортажи, и все казалось вполне реальным..".»

В августе 1977 года Национальный председатель Компартии США Генри Уинстон тоже рассказывал автору этой книги о последствиях радиопередачи «Война миров».

«Сам я ее не слушал. Но даже спустя месяцы многие из тех, кто был тогда у радиоприемников, не могли избавиться от депрессии...

Несколько жителей Нью-Йорка хотели предъявить иск радиовещательной компании "Коламбия" за причиненные душевные расстройства. Но, честно говоря, не знаю, сделали они это или нет...

Какой-то парень через несколько дней после радиопередачи прыгнул с небоскреба. В его предсмертной записке сообщалось: "Проклинаю марсиан! Улетаю, чтобы отомстить..".»

Согласно выводам Хэдли Кэнтрил: «Передача была, по показаниям свидетелей, настолько реалистичной, что с первых же минут в нее поверили даже очень опытные и информированные слушатели.

При этом нельзя было упускать из виду и то обстоятельство, что в чисто драматическом отношении передача была подготовлена блестяще...

Необычное поведение людей в связи с радиопередачей было связано с угрозой их главным ценностям, ставшим частью человеческого "я", люди ощутили свое полное бессилие справиться с "марсианами"...

Избежать паники в такой ситуации было невозможно, заключают исследователи.

Когда же наконец правда была восстановлена, многие еще долго не могли успокоиться».

С той поры немало создателей фильмов, пьес, книг пытались «переплюнуть» радиопостановку «Война миров» по

мастерству нагнетания ужаса. Но такого массового психоза людей, наплыва страха и тревоги, как 30 октября 1938 года, не смогли достигнуть.

Нью-Йорк и раньше называли городом страха, но после радиопостановки «Война миров» такое название прочно укоренилось за ним.

«Не проклинай Нью-Йорк»

В двадцатых годах прошлого века этот человек почти каждый день появлялся на 33-й улице у отеля Пенсильвания. Все в округе называли его Добрый Гарри.

Конечно, такое добавление к имени произносили с иронией, поскольку ни в облике, ни в предсказаниях Гарри не было ничего доброго.

В построенном в 1919 году отеле «Пенсильвания» в те времена собиралась нью-йоркская богема и богатые люби-

Отель «Пенсильвания»

тели оригинальных вечеринок. Этой публике всегда хотелось чего-нибудь необычного. Может, поэтому им по душе были мрачные предсказания старика. Других он не делал.

Казалось бы, что за охота людям портить себе настроение страшными пророчествами? Но, видимо, существует в душе человека некое желание запугать самого себя, услышать что-нибудь страшное.

Обычно в Нью-Йорке таких, как Гарри, не подпускали близко к фешенебельным отелям. Но для него делалось исключение. И дежурившие полисмены и служители «Пенсильвании» сами нередко прибегали к его услугам.

Жители Нью-Йорка частенько поругивают родной город. Но при этом не собираются никуда из него уезжать и обижаются, если недобрые слова в адрес Нью-Йорка произносят чужаки.

Своих клиентов Добрый Гарри почему-то всегда предупреждал:

— Не проклинай Нью-Йорк, иначе он в ответ проклянет тебя...

Пророчества старика завершались зловещими фразами:

— Через семь лет и тридцать пять дней ты, вдрабадан пьяным, врежешься на своей машине в фонарный столб и скончаешься в мучениях... Видимо, ты здорово обозлишь к тому времени старика Нью-Йорка, если он на твоем пути воссоздаст смертоносную преграду...

— А вы, мэм, — охотно сообщил своей очередной клиентке Гарри, — будете жить весело и счастливо. Но ровно через восемьдесят четыре месяца повеситесь в своей шикарной квартире на Манхэттене. Эх, мэм, даже накачавшись наркотиками, не стоит вам проклинать Нью-Йорк...

Следующему клиенту Гарри весело предсказывал:

— А тебя, парень, завтра ждет большая удача. Ты получишь известие от родственников. Готовься покупать новую машину и квартиру. Только не поленись прямо завтра вечерком заскочить сюда, к отелю, и дать старине Гарри серебряный доллар за добрую весть. Но через семь лет загре-

мишь ты в Синг-Синг. И твои сокамерники задушат тебя подушкой. Не проклинай зря Нью-Йорк...

Умел старик своими предсказаниями пощекотать нервы клиентам. Но, поскольку им всем он обещал счастливую жизнь и лишь через семь лет печальную участь, клиенты оставались довольны.

Как ни странно, все предсказания Гарри сбывались. Кто-то получал наследство, совершал выгодную сделку, приобретал популярность и почет, делал блестящую карьеру, обретал счастье в семейной жизни.

Но мало кто задавал вопрос: «А что будет через семь лет?..»

Об этом клиенты Гарри старались не думать. Семь лет — срок не малый, к тому же и знаменитые предсказатели ошибаются...

В конце двадцатых годов Добрый Гарри внезапно перестал появляться у отеля «Пенсильвания». Вроде бы не велика потеря, но кое-кто из бывших его клиентов призадумался. Ведь семь лет с того времени, когда Гарри начал предсказывать у «Пенсильвании», для кого-то пролетели.

И стали расползаться по Нью-Йорку зловещие слухи. Смерть косила здоровых, состоятельных, счастливых людей, словно выполняла программу, составленную предсказателем Гарри.

Кто-то из бывших его клиентов попытался покинуть Нью-Йорк. Но это не помогало: город не выпускал свою очередную жертву. Другие кидались искать старого прорицателя.

Но Нью-Йорк не пожелал раскрывать местонахождение Гарри.

Больше старика никто из его бывших клиентов не видел. Скольких из них постигла преждевременная смерть, предсказанная Гарри, — даже дотошным нью-йоркским репортерам выяснить не удалось.

В холле «Пенсильвании», спустя какое-то время после внезапного исчезновения прорицателя, появилось стран-

ное обращение: «Не проклинай Нью-Йорк, иначе он в ответ проклянет тебя!».

Говорят, его вывесили по приказу владельцев отеля.

Зачем им это понадобилось — никто не выяснял. Согласно городскому преданию, лишь через семь лет загадочное предостережение убрали с глаз долой.

«И я вспомнил»

... — Откуда ты знаешь Би Дональдсона?..

— Нас познакомил мой отец.

— Имя твоего отца?

— Мы же договорились не называть имен.

— Верно, парень. Итак, ты утверждаешь, что прибыл в Нью-Йорк из Советского Союза?..

— Я же говорил, что мой друг из Москвы...

— Молчи, Би! Мы толкуем только с ним. Вижу, на копа и агента спецслужб твой приятель вроде не похож. Итак, Москва, что тебя интересует в нашем движении?

— Вас называют по-другому: группой и даже бандой...

— Полегче, парень! Кто называет?

— Пресса.

— Продажные суки! Пусть называют как хотят. А мы будем делать свое дело. Итак, мы не группа, не банда, а целое движение за восстановление справедливости...

— Справедливость через трупы и кровь невиновных?

— Ради великой цели можно пойти на все. Мы учимся у вас, у русских.

— Вот это да!

— Не смейся. Родина современного терроризма — Россия. Вспомни: организация «Народная воля». Год рождения — 1879.

— С таким же успехом я могу назвать родиной терроризма США. Авраам Линкольн убит за несколько лет до создания «Народной воли».

— Линкольн убит безыдейным одиночкой. А народовольцы дали нам теорию.

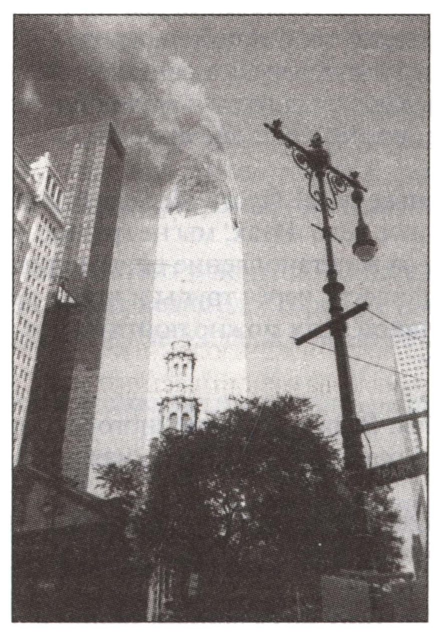
— Насчет безыдейного одиночки, убившего президента Линкольна, вопрос спорный. А что касается народовольцев, то ведь они не добились того, чего хотели.

Крах надежд. Падение высоких помыслов. Месть царского правительства. Кризис. Казни. Одиночные камеры. Кандальный звон на Владимирском тракте. Каторга... Время отчаяния породило террористические акты.

— У нас пока тоже время отчаяния... Терроризм терроризму рознь. Сегодня нас валят всех в одну кучу. И платных наемных убийц, и фашистов, и сотрудников секретных служб. А мы с ними не имеем ничего общего. Они стреляют за деньги, мы идем на терракт за идею. Мы партизаны каменных джунглей.

— Но от ваших пуль и бомб все же гибнут невиновные.

— Это бывает крайне редко. Такой малой ценой можно заплатить за свободу и справедливость. Террор подтолкнет

11 сентября 2001 г.

историю и вскоре станет главной предпосылкой для социальных преобразований.

— Так говорили и наши народовольцы. Но и они размышляли о справедливости террора и... сомневались.

— Не думаю, что группа «Народная расправа» под руководством Сергея Нечаева особенно философствовала перед тем, как пойти на терракт.

— Вы даже знаете Сергея Нечаева?

— Мы не наемные убийцы, а идейные борцы. Изучали ваших и Бакунина, и Кропоткина.

— Группа «Народная расправа» создала культ убийства и человеконенавистничества. Для Нечаева и его соратников были приемлемы и вымогательство, и шантаж, и воровство.

— Мы это знаем. И все же будем перенимать «русский опыт». Молодая Америка пойдет за нами. Наша конечная цель: смерть военно-промышленному комплексу, смерть расизму, нищете, безработице.

Пока мы собираемся тайно. Пока мы прячемся по щелям. Но настанет время, когда мы заговорим открыто. И народ простит нам убийства и кровь.

Эхо мирового терроризма снова сотрясет и твою Россию. Вспомнишь наши слова через пятнадцать—двадцать лет, а может и раньше, когда в России наших единомышленников будут тысячи! Вспомнишь!..

И я вспомнил... Когда в моей России, в моей Москве прогремели взрывы, организованные террористами. Когда земля русская снова окропилась кровью ни в чем не повинных людей.

И я вспомнил... Когда в Нью-Йорке 11 сентября 2001 года террористы уничтожили два стодесятиэтажных здания, под руинами которого погибло более трех с половиной тысяч человек.

Нью-йоркский калейдоскоп

«Идем в ногу со временем»

... — Можете снять повязку. Мы приветствуем вас в нашем не очень уютном доме... Виски? Джин? Может, что-то полегче?..

— Водку...

— Ну, разумеется...

— Благодарю.

— Итак, у нас в запасе ровно тридцать минут. Через полчаса на вас снова наденут повязку и отвезут в центр города. Все, что было в карманах, вернем.

— Как договорились...

— Как договорились. Предупреждаю, со стула не подниматься. Не отклоняйтесь от света лампы.

— Но мне так неудобно. Вы меня видите, а я вас — нет.

— Я не девчонка, чтобы меня разглядывали.

— Я тоже не барышня...

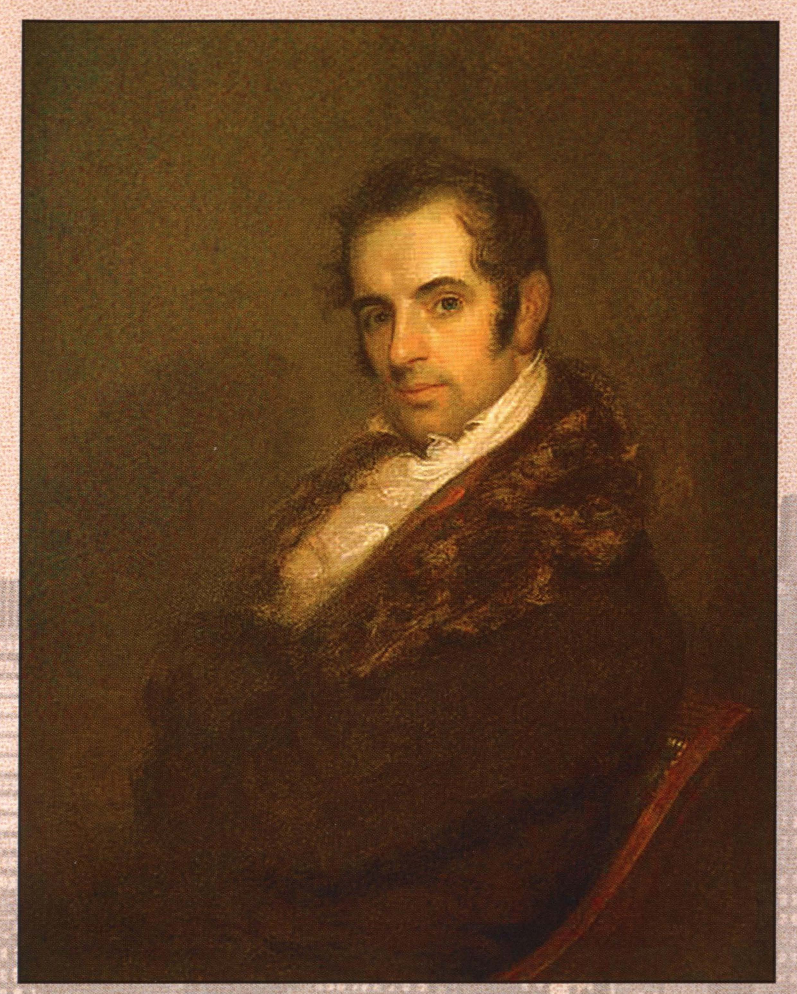
— Здесь условия будем диктовать мы. Вы сами напросились на встречу. А теперь теряете время. Ваши вопросы!..

— Черт с вами, согласен и на свет лампы в лицо. Скажите, вон в том углу висит ку-клукс-клановский балахон. Вы связаны с ку-клукс-кланом? Или это устрашающая бутафория?

— На этот вопрос я не буду отвечать.

— Как называется ваша организация и давно ли она существует?

— Мы объединились в начале семидесятых. А названия приходится часто менять. В зависимости от наших акций и последствий от них.

Писатель Ирвинг Вашингтон — один из тех, кто создавал мифологию Нью-Йорка

Шенк Петер. Новый Амстердам. 1650 г.

Вид на Гарлем

Кирпичные стены с пожарными лестницами —
характерный элемент Гарлема

Семья рабов. 1862 г. Африканцы привозили в Америку традиции колдовства

Черная мамба

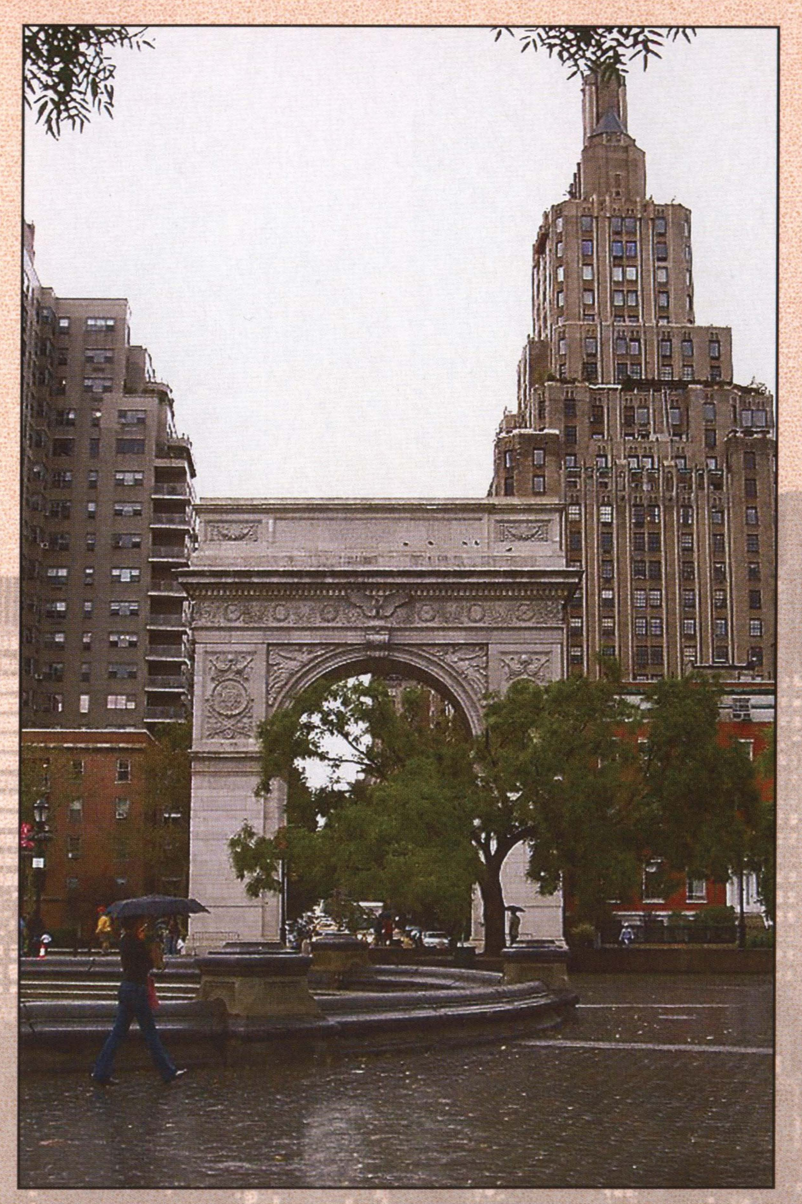
Бруклинский мост в Нью-Йорке

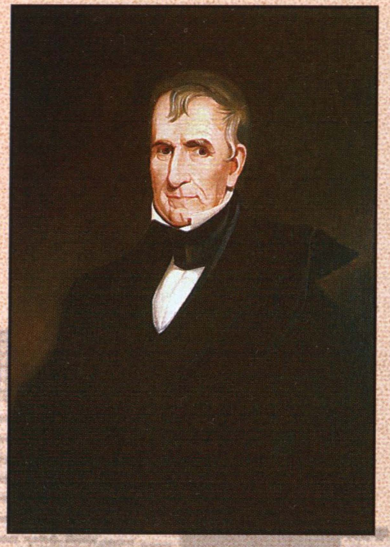
Бруклинский мост до сих пор сохраняет свою зловещую ауру

Гринвич Виллидж когда-то считался центром богемной жизни Нью-Йорка

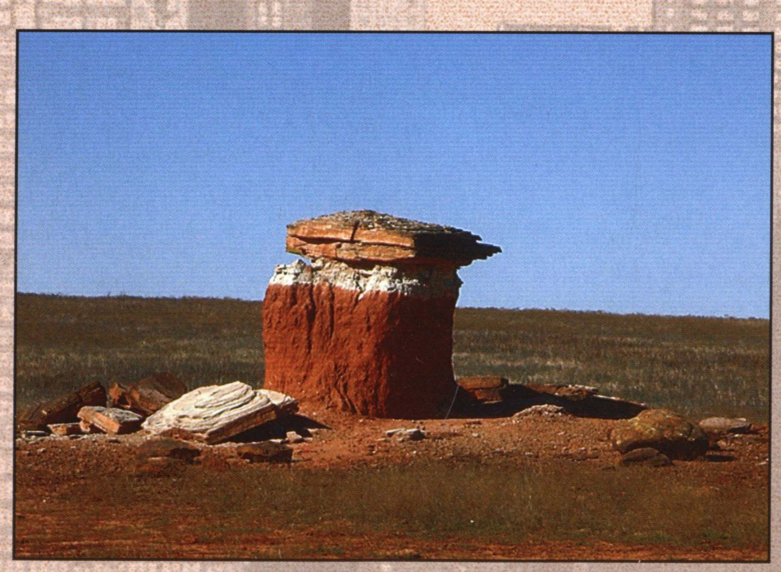

Вашингтон-сквер и Триумфальная арка

Уильям Генри Гаррисон

Томас Джефферсон

Один из североамериканских маундов

Корабль «Мейфлауэр», доставивший первых переселенцев-пуритан в Северную Америку

In ye name of God Amen. We whose names are vnderwriten,
the loyall subiects of our dread soueraigne Lord King James
by ye grace of God, of great Britaine, franc, & Ireland king,
defender of ye faith, &c
Haueing undertaken, for ye glorie of God, and aduancemente
of ye christian faith and honour of our king & countrie, a voyage to
plant ye first colonie in ye Northerne parts of Virginia. Doe
by these presents solemnly & mutualy in ye presence of God, and
one of another, couenant, & combine our selues togeather into a
ciuill body politick; for our better ordering, & preseruation & fur=
therance of ye ends aforesaid; and by vertue hearof to enacte,
constitute, and frame shuch just & equall lawes, ordinances,
Acts, constitutions, & offices, from time to time, as shall be thought
most meete & conuenient for ye generall good of ye Colonie: unto
which we promise all due submission and obedience. In witnes
wherof we haue hereunder subscribed our names at Cap=
Codd ye 11. of Nouember, in ye year of ye raigne of our soueraigne
Lord king James of England, france, & Ireland ye eighteenth,
and of Scotland ye fiftie fourth. An: Dom. 1620.

Контракт, подписанный 41 пассажиром «Мэйфлауэра» по прибытии на Кейп-Код

Побережье Кейп-Кода

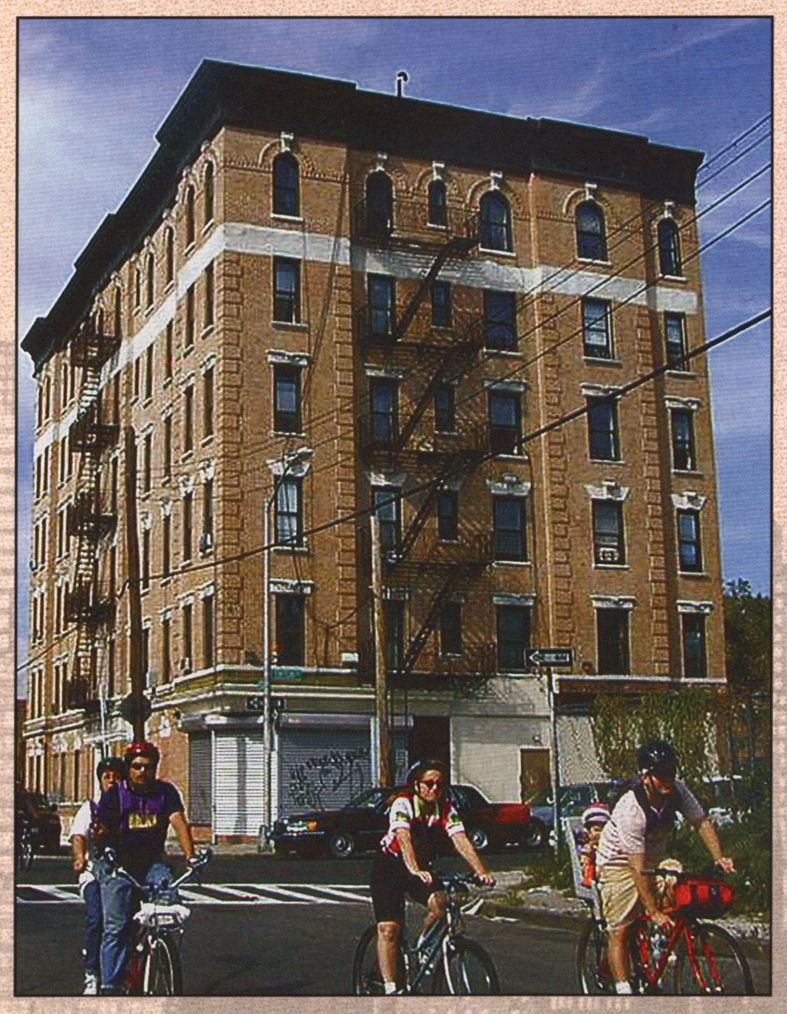
Чайки у мыса Кейп-Код

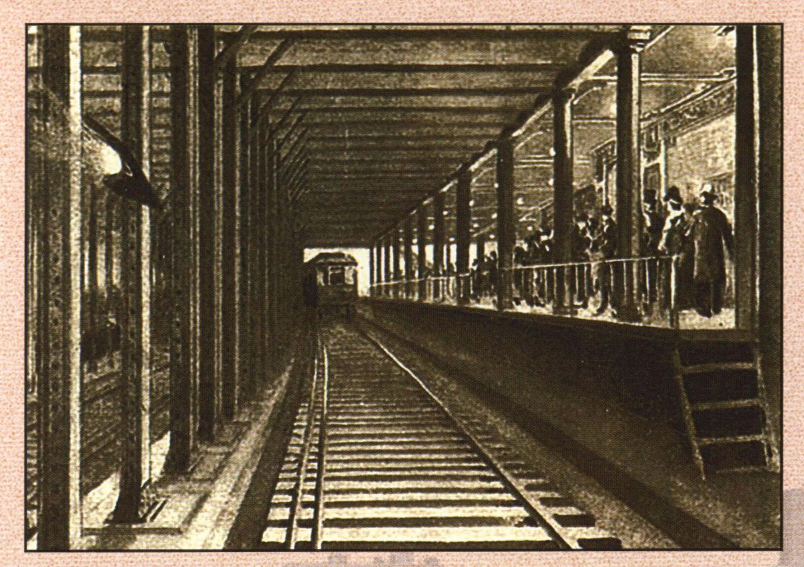
Финикийцы были опытными мореплавателями и
вполне могли достичь берегов Америки

Нью-Йорк затянут паутиной банков...
а банки — враги кладов

На месте современного Бронкса проживали белые индейцы

Нью-йоркский сабвей — хранитель многих тайн и загадок

Радиопьеса «Война миров» Герберта Уэллса вызвала в Нью-Йорке настоящую панику в октябре 1938 г.

Американский писатель Эдгар По — автор знаменитого «Ворона»

Покушение на президента Линкольна. С 1865 года
на каждого третьего президента США
совершалось покушение

Атомная электростанция «Три-Майл-Айленд»
в Пенсильвании

Статуя Свободы — собственность правительства США

— Как вы называетесь сейчас?

— Группа «Сто два».

— Сто два — это численность организации?

— Нет. Но отвечать дальше на ваш вопрос не буду. А название наше, очевидно, скоро изменится.

— Вы считаете себя идейными террористами?

— Да. Но при этом не любим, когда нас называют террористами. Мы скорее идейные борцы.

— Сколько сегодня существует в США экстремистских организаций?

— По данным полиции — около двух тысяч. Но лично у меня такая цифра вызывает сомнение.

— Вы враждуете с другими группами?

— Да... Но не со всеми. Наша цель — чистота и господство белой расы. Не дать цветным поработить нас — вот главное!.. А всякие левацкие, марксистские, чегеваровские группы поддерживают цветных. Кроме того, цветные тоже имеют свои национальные организации. Такие как «Черные пантеры», «Нож и луна», «Красные братья», «Группа Рассвет» и многие другие. Вот они-то как раз и террористы. Это очень опасные организации. Их надо уничтожать, как бешеных собак!

— Очевидно, они такого же мнения о вас?

— Наплевать! Нас их мнение мало волнует. Мы воюем и не церемонимся в высказываниях друг о друге.

— А с какими организациями вы сотрудничаете?

— Этот вопрос оставляю без ответа.

— Почему тогда согласились встретиться со мной, раз так засекречиваетесь? Вам нужна хоть какая-то реклама?

— Да, если хотите. Любой политической радикальной организации нужна и секретность, и своего рода реклама. Плохие слова, оскорбления, вранье в наш адрес — тоже реклама. И в некоторых ситуациях она может пригодиться нам.

— Вы так уверены, что я буду оскорблять и поливать грязью группу «Сто два»?

— Не сомневаюсь. Но пусть знают во всем мире, что мы существуем, действуем и не собираемся складывать оружие. А если понадобится — зажжем очистительный огонь на всей планете.

— Знакомые слова насчет «очистительного огня на всей планете». Их любили повторять Гитлер и Муссолини. Кстати, а чем вы собираетесь зажечь этот огонь?

— Конечно, не спичками.

— Догадываюсь... Несколько десятилетий назад арсенал террористов составляли: нож, яд, винтовка, пистолет, петля-удавка, бомба...

— Устарело. Примитивно. Мы идем в ногу со временем. Не отстаем от прогресса. У нас есть современное радиотехническое оборудование, скорострельное оружие, гранатометы, отравляющие вещества, контактные и самонаводящиеся бомбы.

— Позавчера здесь, в Нью-Йорке, я беседовал с одним торговцем оружия. Он назвал примерную стоимость всего, что вы сейчас назвали. Контактные и самонаводящиеся бомбы, современное скорострельное оружие, особенно если оно с оптикой, — вещь довольно дорогая. Откуда берете деньги?

— Нахальный вопрос. Кто ж вам на него ответит? Могу сказать лишь одно: есть здравомыслящие и деловые люди, которые помогают нам... И таких, поверьте, немало.

— Среди них — люди из служб безопасности и разведок?

— Н-нет. С подобными организациями мы не связаны... По крайней мере сегодня.

— Значит, в деловых кругах есть те, кому выгодны ваши кровавые акции?

— Не так ставите вопрос. Но я отвечу. Многие в деловых кругах понимают, что только мы — сила, способная противостоять цветной угрозе, наступлению Востока на Запад.

— Как утверждает директор Канадского института правопорядка мистер Пуланзас, в США случались похищения

радиоактивных материалов. Он высказывает опасения, что ядерное оружие в ближайшее время будет освоено различными экстремистскими группировками, подобными вашей.

— Мы бы не отказались. Но пока ядерного оружия у нас нет.

— Оружие массового уничтожения особенно опасно в ваших руках. По прихоти одного или нескольких фанатиков-экстремистов могут быть взорваны высотные дома, школы, вокзалы и даже атомные электростанции, отравлена питьевая вода любого города.

— Если надо, мы пойдем на это! Да содрогнется земля от нашей поступи!

— Не слишком ли жестоко?

— Что поделаешь, если невозможно по-другому. Если только так можно отстоять чистоту белой расы.

— Известны случаи, когда террористические организации пытались раздобыть оружие массового уничтожения. А некоторые уже сами научились изготавливать высокотоксичные химические и бактериологические вещества.

— Да, прогресс шагнул далеко вперед. Компоненты оружия массового уничтожения сегодня можно купить совершенно легально. А объяснение, как его изготовить, легко найти в специальной литературе. Конечно, речь идет не о всех видах оружия массового уничтожения. Некоторые возможно создать только в специальных, высокооснащенных лабораториях. Сила современного химического и бактериологического оружия неимоверна. Всего несколько граммов яда нового поколения достаточно распылить над городом — и тысячи людей уничтожены. А для индивидуального террора есть другие яды. Одна капля на пуле, ноже, кастете, специальной игле или пере авторучки: малейшая царапина от этих предметов — и у человека нет шансов выжить.

— Что и говорить, возможности у вас теперь широчайшие. Создаются все новые и новые виды оружия массово-

го уничтожения. Накапливаются законсервированные разносчики оспы, сибирской язвы, холеры, бубонной чумы, тифа, желтой лихорадки и даже вирусы мало кому известных заболеваний. Сегодня уже поговаривают о возможности применения генетического и климатического оружия. А ведь оно может уничтожить все живое на земле. Что было бы, если бы подобное оружие оказалось в руках Группы «Сто два»?..

— О, я понял, куда вы клоните. Обладать таким чудом — значит держать в страхе и повиновении противника. Да, мы будем стремиться заполучить любое оружие массового уничтожения. Ну, а если цветным все же удастся завоевать мир, мы поставим на нем точку. Планета, где правят цветные, нам не нужна. И пусть тогда погибнет все живое. Конечно, возможностей у нас пока недостаточно. Однако пройдет немного времени, и мы станем обладателями самых сокрушительных видов оружия. И тогда все будут с нами считаться. Ибо мы всегда сможем стать искрой великого, мирового, очистительного пожара!

Действительно, прошло немного времени, и вот уже террористические группы обладают современнейшими самолетами, подводными лодками, всевозможными электронными устройствами, элементами ядерного оружия.

Что же произойдет еще через несколько лет?

Тогда, в Нью-Йорке, в августе 1977 года, я не мог ответить на этот вопрос.

Еще одна встреча в 77-м

— Работа как работа. Не лучше и не хуже, чем у других... Но ты зря стараешься. Не там рыбку ловишь. Сенсацию тебе не подброшу. А реклама в нашем деле, сам понимаешь, не нужна. За лишнее слово можно пулю схлопотать. Не скрою, работа рискованная. Долго мы не живем. Зато

прилично зарабатываем. И уж умеем вырвать сладкие деньки у Господа Бога.

— Но мы все же поболтаем, дружище, о делах?

— Смотря каких... Честное слово, если бы не просьба Веселого Рэда, я вообще не пришел бы на встречу. Сам понимаешь... Черт его знает, куда можно влипнуть. А ты, значит, вернешься в Москву и будешь пописывать обо мне и моих коллегах разоблачительные статейки?

— Если дашь хорошую информацию.

— С какой стати? Даже за хорошую плату «густую информацию» не даю. Я не самоубийца. Допьем виски, потреплемся немного и разбежимся кто куда. Но предупреждаю: никаких записей и тайного фотографирования. Договорились?

— Договорились... Когда ты стал профессиональным террористом?

— Ой, только не присобачивай мне идейные хвосты. Плевал я на придурков, что напяливают себе на одно место красивые словечки. Правые, левые, красные, зеленые, коричневые — все болтуны и недоноски. А я просто наемный убийца, без всяких бредовых идей. Хочется тебе — называй меня террористом, валяй! Платят — стреляю. В кого? Все равно. Пуля разберется. Лишь бы показали фото, дали адрес клиента, рассказали, если возможно, о его привычках и отвалили денег побольше. А занимаюсь я этим делом почти тринадцать лет.

— Ого! Значит, долгожитель?

— Верно. Мало кто из моих коллег столько вытягивает. Пока везет.

— Ты никогда не задумывался о судьбе тех, кого убивал? Человек пришел в этот мир. Он рос, учился, работал. Его воспитывали родители. Кто-то его любил, и он — кого-то. Строил планы, мечтал... И вдруг — конец всему. Пуля. Взрыв. Яд. Подстроенная авария. Смерть.

— Когда задумываешься, начинают дрожать руки. А в нашем деле это паршиво. Может быть, узнай клиента по-

ближе, я бы не стал его ликвидировать. Поэтому у нас не принято слишком много знать о клиентах. Только его внешность и некоторые привычки. И никаких предварительных контактов. Наши боссы и заказчики опасаются, чтобы мы, исполнители, не вступили в сговор с намеченными будущими жертвами.

— Как ты начинал карьеру и где проходил подготовку?

— За придурка меня принимаешь? Ну, да ладно, в общих чертах отвечу. На этом не поймаешь. Люблю журналистов — таких простачков умеют из себя изобразить. Потому терплю твои идиотские вопросы. В общем, так. Полтора года гнил во Вьетнаме. После ранения болтался без дела во Флориде. Отыскали дружки. Три месяца спецподготовки и работа в Южной Америке. Потом — Западная Европа. Там долго не дали засидеться. Три хлопка — и отправили в Гонконг... Кстати, мы не могли там встречаться?

— Никогда там не был...

— Ох, что-то я разболтался, расчувствовался. Верно говорят, когда язык много лет в плену — он так и рвется на волю. В общем, хватит. Лучше я про своих дружков расскажу... Которых нет в живых. Кое-что о них уже можно выболтать.

— Согласен. Только вначале скажи, каким оружием пользуешься?

— Разным. Но стараюсь идти в ногу со временем. Снабжают нас хорошо. Приходилось применять складные винтовки «Горгона», с прицелом для ночной стрельбы.

— Это что-то новенькое...

— Да, штучная работа, по индивидуальному заказу. Приходилось даже использовать скорострельные пистолеты «Молчун» и «Тишина». Тоже не из оптового выпуска. Пускал ядовитые летающие иголки «Марго». Применял мины, «загримированные» под почтовые конверты, под авторучки, зажигалки. Да и от ядов, бесцветных, быстрорастворимых и без запахов, не отказываюсь. Но все эти сицилийские, нигерийские снадобья применяю редко. Что-

то негуманное в них, бабье. Особенно в «касательных». Дотронулся до смазки — и конец. Верно я говорю?..

— Верно-верно... Скажи, «гуманист», а со своими коллегами часто общаешься?

— Пожалуй, редко. Боссам это не выгодно. Они боятся, что мы скооперируемся и направим оружие куда-нибудь не в ту сторону. А может, опасаются, что выболтаем друг другу их секреты. Я стараюсь держаться одиночкой. Так спокойней. Когда сколачивается команда для проведения акции считай, все — покойники. Удачно или неудачно проведена акция — как правило, исполнителей убирают.

— Почему?

— Подозрительно наивные вопросы задаешь. Неужели неясно? По пустякам сколачивать команду не будут. Раз собрали нескольких киллеров, значит, предстоит большая охота на крупную тварь. А за крупняком особое внимание и спецслужб и прессы. И еще — когда идет большая охота, боссам волей-неволей приходится рассказывать исполнителям больше, чем им хотелось бы. И единственная гарантия, что никто не проболтается, — смерть.

— Ты обещал рассказать о своих приятелях-покойниках. Они участвовали в большой охоте?

— Ох, погубит меня доброта и язык. Говорила мне мама: учись на бухгалтера и не смотри вниз с небоскреба...

— Так ты будешь рассказывать, «гуманист»?

— Ладно, слушай... Одного звали Ван Ли...

— Китаец?

— Нет, европеец. Просто в последние годы принято придумывать себе самые не соответствующие облику прозвища. Ван Ли участвовал в охоте на лидера Панамы полковника Омара Торрихоса. Слыхал о таком?

— Слыхал. Только он был генералом, а не полковником.

— Генералом Торрихос стал потом. Так вот, сколотили команду за большие деньги. Приготовили два специальных скоростных катера и полдюжины снайперских винтовок. Убрать панамского лидера собирались на морской рыбал-

ке. Сорвалось... Кажется, что-то пронюхала охрана Омара Торрихоса, а потом и газетчики. Вся команда успела смыться. Но уже через два месяца никого из этих парней не осталось в живых. Ван Ли шлепнули то ли в Бразилии, то ли в Мексике...

— О покушениях на Торрихоса много болтали. Но так и неясно, кто заказывал их. Как ты считаешь?

— О-о!.. Это не мое дело. И тебе советую не любопытствовать. Лучше послушай еще про одного моего приятеля, тоже покойника. Звали мы его Стив Зануда. Поступил заказ ликвидировать одного крупного деятеля Никарагуа. Стива Зануду назначили «ведущим исполнителем». Приготовили пару бутылок шикарного вина. Заправили ядом, от которого нет спасения. Отрава должна была подействовать через пару дней после употребления. Вначале все шло по плану. Бутылки с вином преподнесли никарагуанскому лидеру от очень известной во всем мире особы. А потом срыв...

— Кто-то попробовал вино раньше жертвы?

— Нет. Просто к никарагуанскому деятелю нагрянули твои земляки. Какие черти их принесли, зачем пожаловали русские парни и кто они — выяснить не удалось. Но водкой они накачали никарагуанца изрядно. Во время этого загула и были откупорены бутылки с отравленным вином. А какой яд подействует после русской водки? Обблевала веселая компания весь дворец, покорчилась на коврах от боли, но никто не умер. Пустые бутылки из-под отравленного вина все же проверили. Ну и началось... В общем, через пару дней Стива Зануду сбила машина. Естественно, мгновенная смерть. Естественно, машина исчезла. Естественно, никаких следов.

— Не устал от такой работы? Не думаешь переменить? Может, еще не поздно послушать свою маму: выучиться на бухгалтера и не глядеть с небоскреба вниз...

— Куда там! Все мы в петле. Задумаешь сделать шаг в сторону — эту петлю тут же и затянут.

— Скажи, «гуманист», какая нынче необходимость разведслужбам самим уничтожать людей? Ведь они всегда могут для грязной работы нанять вас — прекрасно обученных и хорошо оснащенных специалистов. Зачем рисковать своими сотрудниками, репутацией организации и даже государства, когда есть платные террористы высокого класса?

— Привлекать для убийства людей со стороны — все же определенный риск. Хочешь не хочешь, а любые посторонние люди снижают степень секретности операции. Поэтому чистоплюи из разведслужб не очень-то доверяют нам и, как правило, после проведения акции стараются ликвидировать киллеров-исполнителей.

— А тебе приходилось работать с разведслужбами?

— Э-э, хватит!.. Такой поворотик мне совсем не нравится. Я уважаю Веселого Рэда. Люблю журналистов, хоть и много среди них ублюдков. Признаюсь, у самого чешутся руки написать что-нибудь ласковое в стиле «киллер». Но откуда мне знать, кто ты на самом деле? А вдруг пришел по мою грешную душу?.. Мы в самом деле не встречались в Гонконге?

— Я же говорил, что нет...

— Ну, тогда пора. Будем разбегаться...

— Пора...

— Может, на том свете встретимся!

— Может, и встретимся...

«Пусть у себя вытворяют что хотят»

Есть ли предел человеческой глупости? Есть ли предел равнодушию?..

В нью-йоркской гостинице подвыпивший журналист из Северной Европы разглагольствовал у стойки бара. Он сыто щурил глаза, снисходительно смотрел вокруг и, казалось, наслаждался своей речью.

— Я человек мирный. Я не хочу выстрелов и взрывов. Но мне плевать, что здесь, в Америке, убивают президентов, в Африке травят премьеров, а в Азии террористы швыряют направо и налево бомбы. Я устал от всего этого. В моей стране они меня не трогают? Нет! Ну и пусть у себя вытворяют, что хотят. Государство и народ, допускающие подобное, достойны такой участи. Пусть сами и борются с терроризмом...

Слушал я журналиста и думал: «Нет, не укрыться тебе, не спрятаться, даже в тихой, благополучной стране. Когда в одном уголке Земли убивают людей, их гибель так или иначе отразится на всей планете. Такое уж наше время. И от этого не отгородиться расстояниями и границами...»

Ответы нужны людям

По приблизительным подсчетам, к началу XXI века ежегодно в мире совершается более 500 террористических актов. Причем речь идет только об известных, ставших достоянием общественности. И опасный счет с каждым годом увеличивается. Уже не осталось на Земле страны, где в XXI веке не произошел бы хоть один террористический акт.

Есть ли предел роста терроризма? Что заставляет экстремистское движение в той или иной стране то угасать, то вспыхивать с новой силой? Как обезопасить от него людей? Можно ли его искоренить?

Все больше возникает вопросов, связанных с этим явлением, на которые надо искать ответы немедленно. Задержка с ответом означает гибель многих людей. Терроризм — реальная опасность не только для нынешних поколений землян, но и для будущих.

Он вселяет страх, озлобленность, неуверенность, отчаяние в сознание миллионов, обостряет международные конфликты, создает чрезвычайное положение внутри страны, разрушает веру в социальную справедливость.

К сожалению, причины, по которым возникают террористические организации, не исчезают, даже в самых благополучных странах. Наоборот, они углубляются с каждым годом. Экономические, национальные, религиозные, экологические, социальные и другие проблемы вызывают все большее недовольство и отчаяние мирных людей. И дают новый приток сторонников экстремизма.

Некоторые политические деятели с горечью признают, что их государства не в силах справиться с терроризмом, с политическими убийствами. Это означает, что прежде всего они не могут справиться с недовольством народа существующей действительностью.

И все же нельзя соглашаться с теми, кто утверждает, что без искоренения причин бороться с терроризмом бессмысленно. Подобный пессимизм на руку экстремистам. Он ослабляет веру людей в свои силы. А ведь именно народный отпор совместно с государственной властью и силовыми структурами реально может противостоять тотальному терроризму.

Любой вид современной войны невозможно вести без хорошо обученной и оснащенной армии. Учебные лагеря и школы террористов сегодня разбросаны по всему свету. Отчего такое возможно? Где-то срабатывает попустительство властей, недосмотр спецслужб, равнодушие и потеря бдительности простых граждан, а порой и прямое предательство чиновников и офицеров безопасности.

Терроризм — явление международное. Поэтому только совместными силами всех стран или по крайней мере большинства их, можно результативно бороться с ним. Но и при объединении стран в единый антитеррористический блок возникают вопросы организационные, политические, идейные, экономические и множество других. Уходить, уклоняться от этих вопросов — значит обрекать на гибель многих невинных людей.

Апокалипсис не ждет ответов и не нуждается в них. Его поступь тверда и неумолима. Ответы нужны людям...

Не стреляйте в пианиста!..

... — Кто не рискует в Америке? — задумчиво спросил Бен Альперт то ли у Дональдсона, то ли у меня, то ли у самого себя. — Кто не рискует? — снова задал он вопрос и поднял голову вверх, будто надеялся получить ответ свыше.

— Если уж известный в нашем штате криминалист не может ответить на это!.. — с усмешкой заявил Би.

Но Альперт не дал ему договорить.

— Нет, могу! — твердо произнес он. — Я убежден: в Соединенных Штатах рискует каждый. Рискует ежедневно, ежеминутно. Даже мы, трое здоровых мужчин, в эту тихую ласковую ночь, на этой уютной вилле, не уверены, что сможем благополучно закончить наш разговор.

Мы с Дональдсоном, не сговариваясь, взглянули на распахнутые окна и двери.

Над полуостровом Кейп-Код — теплая сиреневая ночь. По небу у горизонта тянулась светлая полоса. Созвездия с непривычными для меня очертаниями заглядывали в окна. Сонный покой и тишина над всем полуостровом — исторической для Соединенных Штатов землей.

Осенью 1620 года именно сюда прибыл из Европы корабль «Мэйфлауэр» — «Майский цветок» — с переселенцами. Они держали путь в устье реки Гудзон, туда, где сейчас расположен Нью-Йорк. Но шторм помешал им. 102 переселенца из Старого Света оказались на полуострове Кейп-Код, на месте нынешнего курортного городка Провинстаун.

Бен Альперт перевел взгляд от распахнутых окон на меня и Дональдсона.

— Великий Марк Твен назвал нашу страну Соединенные Стреляющие Штаты. С его времен положение у нас не улучшилось...

— Если не ухудшилось, — добавил Би и, вытянув вперед руку, стал медленно загибать пальцы. — Каждый год у нас

в стране погибает от пуль несколько тысяч человек. При этом пистолет или снайперскую винтовку можно купить даже по почте!

— У нас в Белом доме любят поговорить о терроризме в других странах. Но порой забывают о политических убийствах в Соединенных Штатах, — поддержал Дональдсона Бен Альперт.

— Нужны жесткие законы! Нужны решительные ограничения на распространение оружия, — сказал Би.

— Как же, как же... Они у нас есть! — с усмешкой перебил Альперт. — Я недавно читал, что в городе Гомер, штат Иллинойс, издавна существует суровый закон, разрешающий полицейским носить только... рогатку. А в штате Массачусетс до сих пор есть запрет проводить дуэли с применением водяных пистолетов...

Бен заметил, что я недоверчиво улыбнулся, снял очки и серьезно предупредил:

— Это не шутка. Уверяю, такие законы еще сохранялись в 70-х годах XX века.

— Если запретить продажу оружия, — с усмешкой отозвался Би, — на что же тогда мы будем сваливать катастрофический рост преступности?..

Альперт развел руками:

— Увы, все мы — от простых граждан до президента страны — беззащитны перед преступностью, перед терроризмом. Помнишь ресторанчик в Денвере? — спросил он меня.

— Конечно, помню...

Недавно вместе с Беном я побывал в старом ресторане, который лет сто назад был ковбойским салуном. Его стены из темного кирпича «украшали» характерные дырки — следы от пуль, следы давних перестрелок. Здесь когда-то не только звучали музыка и голоса подвыпивших посетителей, но и гремели кольты.

Над маленькой эстрадой до сих пор сохранилась едва видимая надпись: «Просим не стрелять в пианиста!»

— Мне кажется, скоро такое предупреждение надо повесить на каждого американца, — с горечью добавил Бен.

— Какой толк, — махнул рукой Дональдсон. — Недавно опубликовали список профессий, считающихся в США самыми опасными. Так вот, на первом месте, рискующие получить ни за что пулю, — работники ресторанов, за ними — журналисты и управляющие домами...

— А о президентах страны там ничего не говорилось? — чуть насмешливо поинтересовался Бен. — Тоже ведь опасная профессия. С 1865 года на каждого третьего президента США совершено покушение, четверо погибли от рук террористов, а пять или шесть умерли при загадочных обстоятельствах. Может быть, были отравлены...

Бен снова водрузил на нос очки и продолжил:

— Наши президенты напоминают мне музыкантов из ковбойских салунов. Их слушают до поры до времени. Им хлопают. Но если они сыграют что-то не то — гремят выстрелы. Тот, кто заказывает музыку, может позволить себе пустить в ход оружие...

Весь мир знает об убийстве четырех американских президентов. Но сколько не состоялось и сорвалось покушений — вряд ли кто ответит.

Сорвались покушения на президентов США: Теодора Рузвельта и Франклина Рузвельта, Гарри Трумэна, Джеральда Форда, Рональда Рейгана.

30 марта 1982 года президент Рейган выходил из вашингтонского отеля «Хилтон». Бронированный автомобиль находился всего в нескольких шагах от подъезда. Как всегда, президент улыбался. Отточенное, дружелюбное помахивание репортерам и случайным зевакам.

Глухой пистолетный выстрел. Через несколько секунд покушавшийся был схвачен. А машина с раненым президентом помчалась к больнице...

Американцы любят многозначительную символику. Нашли они ее и в этом покушении. Пистолет, из которого

стреляли в Рейгана, куплен в Далласе. На той самой улице, где был убит Джон Кеннеди.

Почти на полвека раньше произошло покушение на Франклина Рузвельта. Стрелял в президента Джозеф Зангара. В президента не попал. Его пуля убила мэра Чикаго Антона Чермака. Зангару казнили. Официально он был объявлен «полусумасшедшим одиночкой». Пожалуй, не было ни одного покушавшегося на президентов США, которого не назвали бы психически ненормальным.

Любой, кто хоть немного знаком с историей США, знает, что Франклин Рузвельт был ненавистен не «сумасшедшим одиночкам», а ультраправым.

Кроме открытых покушений, в США можно насчитать много загадочных смертей известных политических деятелей. Тайна окутывает смерть президента Уоррена Гардинга в 1923 году. Также таинственна смерть Франклина Рузвельта...

Подавленный страхом

Неунывающий, задорный, приветливый Кони-Айленд был наполнен до краев весельем, детским смехом, восторженными криками взрослых.

— Мне уже все безразлично, — сказал он и присел рядом со мной на скамейку. — Только не подумайте, что я неудачник. Есть работа, есть квартира здесь, в Нью-Йорке, есть дом, две машины. Вот только потерян какой-то стержень. Не знаю, как его назвать. Корень жизни, смысл жизни, цель... Нет, не знаю... Мне кажется, я стал рабом страха.

«Странное начало разговора с незнакомым человеком», — подумал я.

Он вздохнул, но это никак не отразилось в его взгляде. Не было в глазах ни дьявольских, мгновенно появляющихся и исчезающих горящих змеек, как у сумасшедших. Не было затаенного желания, как у наркоманов. Не было на-

дежды мечтателей или тоски пессимистов. Не было огоньков жизнелюбия. Пустота. Взгляд ни на чем не задерживался. Проскальзывал, уходил не в прошлое, не в будущее, а куда-то в неизвестное.

— Страх неотступен, — снова заговорил мой неожиданный собеседник. — Я разучился веселиться, переживать, сочувствовать. Я теперь часто думаю о покойниках и завидую им. У них все позади. Дело сделано. Им уже нечего бояться. Их уже не запугает город страха — Нью-Йорк...

— Когда у вас это началось? Может, стоит показаться врачу? — не зная, как закончить разговор, спросил я.

Он махнул рукой.

— Пустое. Мне не нужны ни врачи, ни кто-то другой. А когда началось, не помню. Проснулся в одно прекрасное утро, окинул взглядом все, что у меня есть. Вспомнил, что было. Представил, что может быть. Стало страшно. Жить дальше? Зачем? Впереди только пропасть, лед, темнота и страх, страх, страх...

Не помню, кто из великих сказал: «Неизвестно, где поджидает нас смерть, так будем же ожидать ее всюду. Размышлять о смерти — значит размышлять о свободе. Кто научился умирать, тот разучился быть рабом». Жизнь — заранее проигранная игра. Хорошо, когда не с кем прощаться, не о чем ни жалеть, не к чему привязываться...

Он вдруг повернулся ко мне и, не меняя тона, продолжил бесцветно и тихо.

— А знаете, Национальный комитет по предупреждению самоубийств среди молодежи сообщил, что каждый день в США кончают с собой четырнадцать подростков. Особенно высок процент суицида в Нью-Йорке...

Его не интересовало, слушаю я или нет. Он выбрасывал слова в пустоту и, казалось, ему самому они были безразличны.

— Американская ассоциация психиатров утверждает: тысячи душевнобольных, которых не в состоянии содержать их семьи, которые самостоятельно не могут лечиться

и обслуживать себя, выброшены из клиник на улицу, на произвол судьбы. И число таких больных на улицах Америки — почти миллион. Вы оглянитесь вокруг. Их полно всюду — на каждой улице Нью-Йорка. Неужели вы их еще не встречали?

Он кивнул куда-то за деревья, где слышалась музыка и мелькали огни аттракционов.

Я ничего не ответил.

Внезапно он поднялся со скамьи. Не попрощался и даже не взглянул в мою сторону. Будто и не было меня и нашей случайной встречи. Уходил по дорожке человек с серым, тусклым лицом. Уходил не оглядываясь, ни на что не обращая внимания. Куда он шел? В прошлое? В небытие?..

Мне вспомнилась легенда о боге дорог. Там говорилось о людях, которые вроде бы и идут со всеми, но их уже нет рядом.

Неунывающий, задорный, приветливый Кони-Айленд

«...Они зрячие, но не видят. Они слушают, но принимают смех гиены и тявканье шакала за пение птиц, грохот камней, летящих в бездну, за журчание ручья. И зов Бога дорог для них не выбор пути, а обуза.

Они с радостным смехом прыгают в пропасть, и их становится все больше и больше...»

У этого человека свой «исход». Вот только кто позвал его в таинственную даль? Какая путеводная звезда осветила ему дорогу?

Звезда ли?..

Может, он принял совсем другой огонь за ее свет?.. И сам Апокалипсис манит его?

А вокруг был до краев наполнен весельем и детским смехом неунывающий, задорный и приветливый Кони-Айленд...

Под маской страха

Странное увлечение

Хэрри Кендал Тоу был единственным сыном в одном из самых богатых семейств Нью-Йорка в конца XIX — начале XX веков.

Родители отправляли его учиться в самые престижные школы страны, однако Хэдли нигде долго не задерживался. В четырнадцать лет он уже курил, выпивал крепкие напитки и резался в покер. Играл парень азартно и самозабвенно. За день мог просадить все деньги, выдаваемые ему родителями на целый месяц. А потом писал слезливые письма домой и просил маму подбросить еще долларов.

Он постоянно влезал в долги и даже шарил по чужим карманам в школьных гардеробных. Несколько раз его ловили «на горячем». Но миссис Тоу мгновенно кидалась на защиту сына. И, благодаря щедрым подношениям, улаживала самые щекотливые ситуации.

Кое-как завершив школьное образование, Хэрри был отправлен заботливыми родителями в Гарвардский университет. Но и там он продолжал прежнюю жизнь безудержного картежника, гуляки, баловня судьбы.

Когда настало время первых университетских каникул, нерадивый студент отправил родителям в Нью-Йорк телеграмму: «Задерживаюсь. Прибуду через пару дней...»

Но Хэрри так и не приехал. Ни через день, ни через неделю. На тревожные телеграммы родителей он не отвечал. Обеспокоенная миссис Тоу сама решила навестить сына.

Своего отпрыска она застала за странным занятием. По всей квартире, которую снимал Хэрри, были разбросаны

маски фантастических чудовищ, изготовленные из картона. Младший Тоу увлеченно разрисовывал их масляными красками.

«Я боюсь этого города»

Изумленной матери он спокойно объяснил:

— Теперь я могу появиться в Нью-Йорке. Я боюсь этого города. Но маска страха спасет меня...

Эти слова еще больше озадачили миссис Тоу.

— Мальчик мой, кого ты опасаешься? Кто напугал тебя в Нью-Йорке?

А сын так же невозмутимо, не отрываясь от странного занятия, поведал ей:

— Мне было лет двенадцать. Вы меня перевели тогда в новую школу на Манхэттене. — Хэрри наконец оторвался от своего занятия, поцеловал мать и продолжил давнюю историю. — Мой одноклассник Толстый Пич где-то раздобыл старинную индейскую «маску страха». Оказывается, краснокожие, не помню, какого племени, боялись входить в Нью-Йорк, поскольку считали этот город живым существом, чудовищем, которое может поглотить их. Но для торговли и обмена товарами им все же приходилось появляться в Нью-Йорке. Для того, чтобы уберечься от чудовища, они заказали какому-то колдуну изготовить «маску страха» и, перед тем как войти в город, одевали ее по очереди. Индейцы считали, что таким образом запугивают Нью-Йорк, и он оставит их в покое.

— Мальчик мой, где ты это вычитал? — заволновалась миссис Тоу.

Но сын недовольно перебил ее:

— Слушай дальше... Толстый Пич скрывал, как ему удалось добыть эту «маску страха». Он прятал ее от всех, а однажды одел ее и ночью напугал меня. С тех пор я боюсь Нью-Йорка. Но теперь у меня есть своя «маска страха»...

Рассказ сына шокировал миссис Тоу, но решительности ей было не занимать. Она приказала Хэрри немедленно

собирать чемоданы и отправляться вместе с ней в Нью-Йорк.

Врачи со всей тщательностью обследовали младшего Тоу, но так и не обнаружили у него серьезного нервного расстройства.

Пришлось ему возвращаться в Гарвард и продолжать ненавистное для него обучение.

Верхом в клуб

Отделавшись наконец от университета, Тоу-младший вернулся в Нью-Йорк. Неизвестно, одевал ли он перед въездом в город, которого опасался, «маску страха», но она всегда была при нем.

Во время первой же устроенной им вечеринки Хэрри заявил своим приятелям:

— Чтоб Нью-Йорк не давил мне на психику, буду буйствовать!.. Еще посмотрим, кто кого станет больше бояться!

— Буйство хорошо! — радостно поддержали приятели. — Главное — не скисать от скуки!

Они знали, что если Хэрри заводится, то его деньги летят направо и налево, и от этого долларового потока можно кое-что ухватить.

Наверное, если бы Нью-Йорк был живым существом, то от выходки Тоу-младшего ему и в самом деле стало бы страшно. Даже прыткие, вездесущие репортеры не поспевали за новыми скандалами, злыми выходками и чудачествами Хэрри.

На родительские деньги он снял в центре Манхэттена огромную, пяти- или шестикомнатную квартиру, которую превратил в притон для своих приятелей. С утра до ночи здесь крутились самые дорогие проститутки и шли попойки. Но в своих апартаментах Тоу-младший, как он заявлял, «лишь слегка разогревался».

А потом начинались его скандальные похождения по городу.

Нередко великовозрастный «шалун» сам не мог объяснить, зачем совершил тот или иной поступок.

Однажды Хэрри разукрасил жеребца под зебру. Только полоски он сделал красные и зеленые. На себя же — одел оранжевый цилиндр в крапинку, заляпал лицо краской и в таком виде въехал в великосветский клуб верхом на лошади. Швейцаров и всех, кто хотел ему помешать, он сбивал с ног и хлестал плетью. Подъехав таким образом к буфету клуба, он пытался напоить своего разукрашенного коня ликером.

Неизвестно, сколько бы еще так буйствовал Тоу-младший, но тут подоспела полиция, и всадника-дебошира скрутили.

— Эй, уроды! — вопил Хэрри обслуге и посетителям заведения. — Каллигула хотел ввести своего коня в Сенат, а я своего — сделаю членом вашего клуба!

За эту шалость его матери пришлось заплатить огромный штраф. В свое оправдание Хэрри твердил ей, что во всем виноват Нью-Йорк. Это, дескать, он «давит на психику и заставляет выделывать экстравагантные штучки».

В заведении мадам Меррил

Видимо, парню крепко втемяшилось в башку, что у него с Нью-Йорком существует то ли противостояние, то ли какое-то соревнование: кто кого больше изумит, озадачит, напугает.

На следующий день после скандала в клубе Хэрри показалось, что его соперник Нью-Йорк куда-то подевался. Это весьма разволновало Тоу-младшего. Он забрался на крышу небоскреба, разделся догола и напялил на себя «маску страха». В таком виде, с фонарем, ходил он по крыше дома и вопил:

— Нью-Йорк, отзовись! Где ты?! Откликнись, каменный придурок!.. Испугался «маски страха»? Ну, ничего, я тебя отыщу! Против виски ты не устоишь, старый пьяница, и явишь себя!

После таких «лестных» обращений к Нью-Йорку Хэрри стал швырять прихваченные с собой на крышу бутылки виски. Одна за одной они летели вниз, разбивались о мостовую, вызывая панику среди прохожих.

Слава Богу, никто из них не пострадал.

После очередной подобной выходки сына Тоу-старший стал наведываться с проверками в квартиру Тоу-младшего на Манхэттене. Но Хэрри, чтобы не злить папашу, перенес свой «штаб разгула» в другое место. Он снял апартаменты в самом дорогом публичном доме Нью-Йорка.

Как вспоминала хозяйка этого шикарного борделя Сьюзан Меррил, «Тоу-младший вел себя вначале почти пристойно. Правда, страшно орал, если я не приводила ему новеньких проституток. Он постоянно твердил, что “быстро охладевает к прежним”».

Видимо, у мадам Меррил начались перебои с кадрами, и неугомонный Хэрри сам стал приводить в бордель женщин со стороны. Он знакомился с ними в ресторанах или прямо на улице, представлялся известным импрессарио и обещал им великолепную карьеру в дорогих бродвейских театрах. Легковерных дам, пожелавших стать знаменитыми актрисами, Тоу-младший заманивал в свои апартаменты, заставлял вначале разыгрывать театральные этюды, а затем избивал их и насиловал.

При этом он угрожал своим жертвам:

— Если вздумаете обращаться в полицию, я вас из-под земли достану! Моя месть будет беспощадна и безгранична!

Мадам Меррил, наконец, не выдержала и заявила на своего буйного постояльца в полицию. Чтобы замять дело, миссис Тоу пришлось изрядно раскошелиться. А ее сынок снова бормотал в свое оправдание, будто во всех его бедах виноват Нью-Йорк.

После скандала в борделе Сьюзан Меррил Хэрри заявил матери:

— Я искренне раскаиваюсь. Вам больше не придется краснеть за меня. Старина Нью-Йорк простит меня, если

я совершу что-нибудь приятное для него. Я уже думаю над этим...

Обещание свое Хэрри выполнил, но весьма своеобразно. Говорят, после очередной его выходки миссис Тоу уже не краснела от негодования, а бледнела и даже падала в обморок.

Меценат нью-йоркских панелей

Чтобы родной город все ему простил, Хэрри решил облагодетельствовать нью-йоркских проституток. Вначале он напоил два десятка жриц любви в ресторане, а потом вместе с ними отправился на Пятую авеню, в самый роскошный магазин города.

Тоу-младший шествовал впереди веселой оравы и кричал прохожим:

— У поэтов, художников, актеров есть меценаты. Проститутки — тоже актрисы, только не подмостков, а — панелей. Отныне я стану их меценатом. Приветствуйте меня, леди и джентльмены, я — меценат нью-йоркских панелей!

Толпа пьяных проституток под его предводительством смяла охрану и продавцов и ринулась выбирать платья, шубы, ювелирные украшения.

— Не скромничайте, мои милые пташки! — подзадоривал своих подопечных Тоу-младший. — Вы изрядно натерпелись в этой жизни. Порадуйте себя, кошечки, шикарными побрякушками и тряпками! Папаша Нью-Йорк будет весьма доволен...

Разбушевавшиеся жрицы любви и без этих слов вошли в раж. Они хватали самые дорогие украшения, наряды, косметику. Тут же, на глазах ошарашенных продавцов и покупателей, проститутки срывали с себя старое тряпье и облачались в новые одежды: от нижнего белья до платьев и шуб.

Наконец примчалась полиция и угомонила воинство Хэрри. Это его очень обидело. И на следующий день он в отместку, со всего разгона, въехал на новеньком автомо-

биле в витрину злополучного магазина. Причем сбил несколько прилавков и едва не задавил с десяток продавцов и посетителей.

— Я совершил благородный поступок, а вы, свиньи, помешали мне! — не вылезая из открытого автомобиля, жаловался не понявшим его душевного порыва меценат нью-йоркских панелей.

А управляющий этого торгового заведения через пару дней был наказан отдельно. Обиженный Хэрри нанял на стройке подъемный кран и приказал ночью подогнать его к дому, где жил управляющий магазина. Потом надел «маску страха», пояс пожарного и закрепил себя на крюке подъемной машины. Живущий на десятом или одиннадцатом этаже управляющий проснулся от стука в окно. Понятно, что раскачивающаяся за стеклом образина довела проснувшегося человека до сердечного приступа.

Новое увлечение

Некогда было деятельному Хэрри Кендалу Тоу скучать и терять время на долгие раздумья, угрызения совести, уныние.

Но однажды его ненадолго занесло в печальные рассуждения:

— Видимо, Нью-Йорк сыт по горло моими буйными похождениями. Начинаю жить тихо и свято. Вскоре вы меня не узнаете... — сообщил он приятелям. — К черту загулы и сумасшедшее прожигание жизни!..

Что, по мнению Хэрри, считалось «тихо и свято», для многих осталось загадкой. Но на какое-то время он и в самом деле немного угомонился. Может, и впрямь уверовал, будто Нью-Йорк «сыт его похождениями», а может, повлияло новое увлечение.

Юная красавица Эвелин Несбит работала фотомоделью и пела и плясала в популярном в начале XX века в США ансамбле «Флорадора Сикстет».

На нее обратил внимание известный нью-йоркский архитектор Стэнфорд Уайт. Он проектировал дома для богатых людей и получал выгодные заказы от властей города. Уайт был автором проекта комплекса Мэдисон-сквер, Зала славы в Нью-Йоркском университете. Несколько раз архитектор бывал на концертах «Флорадора Сикстет», пока, наконец, окончательно не влюбился в Эвелин Несбит.

Девушка ответила взаимностью.

Их связь длилась почти три года. На свою юную любовницу Стэнфорд денег не жалел. Роскошная квартира, драгоценности, поездки по Соединенным Штатам и в Европу, дорогие подарки вскружили голову эстрадной звезде. Она стала чаще появляться на великосветских вечеринках, чем на сцене. В нью-йоркских богемных кругах поговаривали, что Несбит готовится и вовсе распрощаться с артистической карьерой.

Эвелин едва исполнилось девятнадцать лет, когда Стэнфорд Уайт вдруг охладел к ней и увлекся другой актрисой. Но покинутая звезда эстрады недолго страдала от одиночества. За ней стал ухаживать Хэрри Тоу.

Не раз он видел Несбит на сцене, посылал ей огромные букеты и корзины цветов, преподносил дорогие украшения. Но дальше этого дело не шло, пока между ними стоял Уайт.

Теперь помех не было. Роман Хэрри и Эвелин развивался бурно и стремительно. 4 апреля 1905 года они поженились.

Ревность и ненависть

То, что актриса Несбит — любовница известного архитектора, знал весь богемный и аристократический Нью-Йорк. Хэрри не был исключением.

У человека, возомнившего себя соперником города, непредсказуемые причуды и стремления. До женитьбы Тоу-младший вроде бы спокойно относился к тому, что не он

первый у Эвелин. Но после свадьбы он стал частенько напоминать об этом супруге. Даже не ревность, а какая-то лютая ненависть к Стэнфорду Уайту все сильней разжигала его.

Он мог часами расспрашивать жену о былых взаимоотношениях с архитектором, задавал по многу раз одни и те же вопросы. Его интересовали интимные детали.

Конечно, такие выяснения тревожили Эвелин. Она пыталась убедить мужа, что с Уайтом навсегда покончено. Однако Хэрри не мог угомониться. Ревность к прошлому раздирала его. Он стал избивать супругу.

— Ты не все мне рассказываешь! — орал Хэрри во время побоев. — Я хочу знать абсолютно все об этом проклятом Уайте! Он строит город, который меня ненавидит! И я ненавижу и Нью-Йорк, и его архитектора!

Лишь спустя месяцы после замужества Эвелин поняла: главной причиной вспышек мужа является не бешеная ревность. Архитектор ненавистен ему работами по проектированию новых зданий Нью-Йорка.

Город! Вот главная заноза в душе Хэрри!

Эвелин пыталась показать мужа психиатру. Но эти попытки заканчивались новыми скандалами и побоями. Тоу все чаще требовал от супруги сообщать ему обо всем, что связано с Уайтом.

— Но я ведь тебе уже все рассказала, — пробовала успокаивать его Эвелин.

— Ничего, что-нибудь пикантное, наверняка, забыла, — ухмылялся Хэрри. — Вспомни, милая, напряги память. Будет хуже, если я сам докопаюсь до того, что ты скрываешь...

Убийство в ресторане

25 июня 1906 года случилось то, что можно было ожидать от психопата Хэрри.

Утром он надел «маску страха» и разбудил Эвелин. Та, открыв глаза, от неожиданности потеряла сознание.

Супругу это понравилось и даже развеселило. Он привел ее в чувство и тут же, чтобы загладить свою вину, пригласил жену пообедать. Эвелин покорно согласилась. Они отправились в ресторан, расположенный на крыше небоскреба в Мэдисон-сквер гарден, где шел известный в то время мюзикл «Мадемуазель Шампань».

Когда супруги сели за стол, Эвелин осмотрелась и увидела невдалеке Стэнфорда. Архитектор с восторгом следил за действием на сцене. Еще бы: в мюзикле «Мадемуазель Шампань» были заняты новенькие красотки, еще не известные нью-йоркской публике!

Смутная тревога охватила Эвелин.

— Давай уедем... — предложила она супругу. — У меня кружится голова.

Но Хэрри уже увидел архитектора, и лицо его расплылось в улыбке.

— Подожди, — коротко ответил он, не отрывая взгляда от Уайта. — Домой уедешь чуть позже. Поскучай пока. Скоро тебе станет очень весело. Проклятый Нью-Йорк что-то нашептывает мне, а вот что — никак понять не могу...

Улыбка по-прежнему не сходила с лица Хэрри.

Не успела Эвелин ответить, как супруг вскочил из-за стола и медленно двинулся к столику архитектора. У нее перехватило дыхание. Она сделала усилие, чтобы остановить Хэрри, но не могла сдвинуться с места или произнести хотя бы слово.

Уайт был знаком с Тоу-младшим и не любил его. Когда тот появился рядом, Стэнфорд недовольно проворчал:

— Что вам нужно? Вы закрываете мне сцену!..

Хэрри зловеще ухмыльнулся и выхватил револьвер:

— Служишь проклятому Нью-Йорку, вот он тебе сейчас объяснит, что мне нужно... На том свете досмотришь представление.

Тоу трижды выстрелил.

Одна пуля попала архитектору в голову, другая — в плечо, третья — в шею. Заливаясь кровью, Уайт медленно повалился на пол. Он пытался что-то сказать, но смог лишь выдавить несколько нечленораздельных звуков. От этого только сильней стала хлестать кровь из пораненной шеи.

Хэрри еще три раза выстрелил, но уже в потолок.

Замерли от ужаса актеры на сцене, застыли зрители и официанты.

— Леди и джентльмены! — громко, без тени волнения, провозгласил Хэрри. — Этот мерзавец Уайт обесчестил мою жену! К тому же дядюшка Нью-Йорк нашептал мне, что я должен совершить возмездие!

Убийца безропотно сдался властям. Начался шумный процесс. Несмотря на то что свидетелей убийства оказалось больше полусотни, капиталы семейства Тоу сыграли свою роль в смягчении участи Хэрри.

Признан невменяемым

Конечно, его отправили в нью-йоркскую тюрьму Тумпз, но он пребывал там до суда в условиях, о которых не мог бы мечтать ни один убийца. Каждый день он получал в камеру свежую прессу, белье, корзину с фруктами, деликатесами и изысканными спиртными напитками и даже цветы.

А тем временем нанятый семейством Тоу адвокат Дэлфин Дэлмас, прозванный в уголовном мире Нью-Йорка «маленьким ловкачом», развернул настоящую кампанию по оправданию сумасшедшего убийцы. Подкупленные им журналисты изо дня в день публиковали сенсационные статьи о неблаговидных поступках архитектора Стэнфорда Уайта. Десятки нанятых девиц рассказывали, что развратник заманивал их в свою мастерскую и там измывался над ними.

Почти каждый день нью-йоркские газеты сообщали о ходе следствия по делуХэрри Тоу. Все публикации на эту

тему исправно доставлялись ему в камеру. Он бегло просматривал прессу и начинал покатываться от хохота.

— Я же говорил... Я же говорил, что сам Нью-Йорк хочет мне напакостить! Этот злобный город меня уничтожит! Или я — его! — орал он тюремщикам.

Миссис Тоу делала все, чтобы обелить своего ненаглядного мальчика. Она даже наняла колдуна, по прозвищу Абахар, из Южного Бронкса.

— Если не помогут юстиция и деньги, пусть подключатся к делу мистические силы, — решила она.

Колдун достойно отрабатывал щедрый гонорар. Он побывал в камере у Хэрри, куда был допущен за особое вознаграждение. Колдун и убийца о чем-то долго беседовали. Потом Абахар совершил странные круги вокруг тюрьмы. Он то исчезал, то вновь появлялся у печального здания.

Наконец колдун заявил газетчикам:

— Хэрри не осознавал своих деяний. Его руку направляло чудовище по имени «Нью-Йорк»...

С какой целью город заставил пролить кровь архитектора, колдун не стал объяснять. Он понимал, что если не-

Южный Бронкс

возможно замять уголовное дело, то надо создать вокруг него побольше таинственности, домыслов, пересудов...

Это удалось.

21 января 1907 года Хэрри Кендал Тоу предстал перед судом.

— Я не собирался убивать мистера Уайта, — заявил он. — Мною повелевала непреодолимая сила... Имя этой силы — Нью-Йорк! Я давно уже нахожусь под его страшным давлением...

После подобных слов защита снова заговорила о невменяемости Тоу-младшего.

В конце концов «маленький ловкач» Дэлфин Дэлмас отчасти добился своего. Хэрри Тоу был признан невменяемым. Но его отправили в психиатрическую лечебницу для уголовников. Там он, согласно решению суда, должен был находиться пожизненно.

Где-то в городе

Даже миссис Тоу не верила заявлениям сына о его мистических взаимоотношениях с Нью-Йорком. Но «маску ужаса», по его просьбе, передала в психиатрическую лечебницу.

— Эта маска поможет мне отсюда выбраться, — заявил Хэрри надзирателям.

Он одевал ее и пытался напугать служителей психолечебницы. Но это ему мало удавалось.

Конечно, не ритуальный предмет, а деньги семейства Тоу помогли Хэрри бежать. Некоторое время он скрывался в Канаде, но вскоре его обнаружили и препроводили под усиленной охраной в США.

Снова начался судебный процесс. В июле 1915 года суд присяжных объявил, что Хэрри невиновен, психически здоров и должен быть выпущен на свободу.

Годы, проведенные в заключении, не образумили Тоу-младшего. Скандалы, связанные с его именем, продолжи-

лись. Правда, после выхода на свободу он собирал вокруг себя не «золотую молодежь», как прежде, а нью-йоркских предсказателей, колдунов, поклонников оккультизма и эзотерических учений.

Прожил Хэрри 76 лет. В феврале 1947 года, за несколько дней до смерти, он заявил приятелям:

— Нью-Йорк требует, чтобы я уничтожил «маску ужаса»... Не дождется. Найду себе достойного преемника и передам маску ему. Пусть страх и ужас вечно блуждают по улицам города...

Удалось ли Хэрри исполнить задуманное?

Верящие в мистику американцы утверждают, что и в наши дни в Нью-Йорке можно встретить неизвестного в «маске ужаса». Схватить его никому не удавалось.

Мало кто верит, будто Хэрри Тоу-младший нашел себе преемника и передал ему «маску ужаса». Но никто не станет отрицать, что преступления, подобные тем, которые совершал он в начале XX века, не прекращаются в Нью-Йорке и сегодня.

Венок из пурпурных гвоздик

Гвоздики!.. Как вы прекрасны! Но вы все схожи, едва отличишь одну от другой, и я не знаю, какую выбрать...

Иоганн Вольфганг Гете

Цветок-целитель

Мало найдется на земле полюбившихся людям цветов, о которых бы не сложили предания. Гвоздика — не исключение.

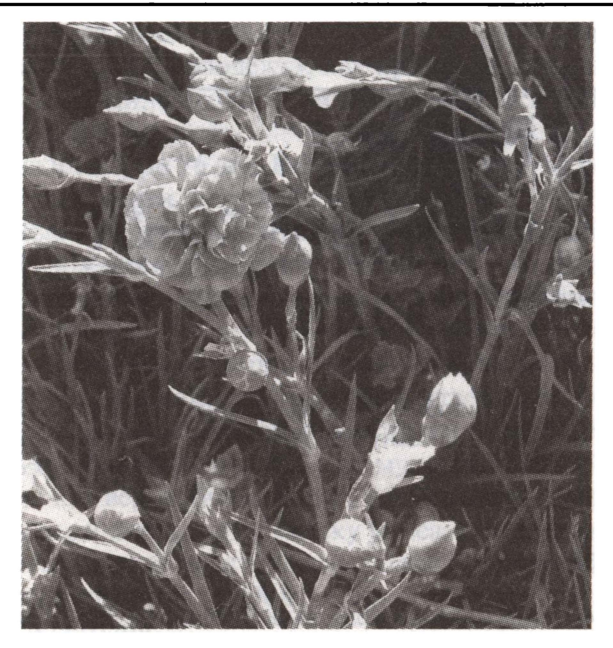
В одной из древнейших легенд об этом цветке сказано: «Богиня Диана однажды повстречала юного пастушка. Тот сидел на лесной поляне и играл на флейте. Музыка распугала зверей и птиц, и это рассердило богиню. Она схватила лук и пустила стрелу прямо в сердце пастуху.

Смолкла музыка. Затихли деревья, травы, ручьи.

Диана взглянула на убитого человека, и ей стало жалко его. Она обратилась к Зевсу с просьбой: превратить пастуха-музыканта в прекрасный цветок. Глава Олимпийских богов просьбу выполнил...»

Так появилась гвоздика, которую эллины называли цветком Зевса.

В 1270 году король Людовик IX из династии Капетингов возглавил новый крестовый поход. Его шестидесятитысячное войско осадило город Тунис в Северной Африке.

О гвоздике существует множество преданий

Среди крестоносцев началась эпидемия чумы. В армии Людовика IX находилось несколько лекарей, но они оказались бессильны перед страшным заболеванием. Каждый день умирали десятки рыцарей. Король понимал: если не остановить чуму, его войску с позором придется возвращаться в Европу.

Кто-то надоумил предводителя крестоносцев, что в землях, где свирепствует страшная болезнь, должно произрастать лекарство от нее. Лекари, по приказу Людовика, стали изучать растения вблизи Туниса, а также советоваться с местными знахарями.

Но открытие сделал молодой рыцарь. Получив ранение в бою, он потерял сознание. В беспамятстве ему было видение. Чей-то голос приказал: «Протяни руку и то, что окажется в твоем кулаке, приложи к ране...»

Воин исполнил совет. В его руке оказалась гвоздика. Рыцарь приложил цветок к ране, и вскоре боль прошла. О случившемся он сообщил королю.

Людовик понял, что это растение может не только залечивать ранения, но и спасти воинов от чумы, и приказал собирать гвоздику в окрестностях Туниса. Трудно ответить, помог ли на самом деле отвар из этого цветка погасить эпидемию. Но крестоносцы уверовали, что именно гвоздика спасла им жизнь.

Правда, самому королю она не помогла. Людовик IX скончался от чумы. Однако до конца жизни предводитель крестового похода верил в целебную силу гвоздики, и в его спальне всегда стоял букет гвоздик.

Восьмой крестовый поход.
Людовик Святой осаждает Тунис в 1270 г.

Возвращаясь в Европу, рыцари-крестоносцы, в память о своем командующем Людовике IX, увезли из Африки засушенные гвоздики и их семена.

«Как все переменилось!..»

В XIV веке этот цветок завоевал популярность и любовь во многих странах Европы. Француженки дарили своим возлюбленным, отправлявшимся на войну, букет гвоздик. А победителям в сражениях бросали их под ноги.

Прославленный французский полководец принц Луи де Бурбон Конде одержал блистательные победы в период Тридцатилетней войны в сражениях при Рокруа в 1643 году, при Нёрдлингене в 1645 году, при Лансе в 1648-м. Эти победы способствовали заключению весьма выгодного для Франции Вестфальского мира.

Отправляясь на очередную войну, принц Конде всегда брал с собой засушенную гвоздику. Видимо, он считал, что этот цветок принесет ему удачу.

Но и для овеянного славой полководца наступили недобрые времена. Не любивший его могущественный кардинал и первый министр Франции Джулио Мазарини, с помощью дворцовых интриг, упрятал Конде за решетку.

Засушенная гвоздика — на счастье хранимая принцем у сердца, на сей раз не помогла.

Однако и в тюрьме Конде не забыл про цветок, приносивший ему удачу. Под окнами своей камеры он разбил цветник из красных гвоздик. Современники вспоминали, что принц «гордился ими не меньше, чем своими военными и политическими победами».

А тем временем его энергичная, непокорная супруга, племянница покойного кардинала герцога Армана Жана дю Плесси Ришелье, действовала во спасение мужа. Она способствовала началу восстания в некоторых французских провинциях и добилась освобождения Конде из тюрьмы.

Узнав о том, принц удивленно произнес посланцу доброй вести:

— Не чудо ли произошло?! Как все переменилось в мире! В то время, как испытанный воин старательно выращивает свои гвоздики, жена его ведет ожесточенную политическую войну и выходит из нее победительницей!

С того времени этот цветок стал символом вначале сторонников принца Конде, а затем — и всего королевского дома Бурбонов.

В 1668 году, за год до смерти Конде, из Нью-Йорка во Францию прибыл торговый корабль.

В то время город Нью-Йорк, отбитый у голландцев, отошел к Англии. Владычица морей ревностно следила, чтобы нью-йоркские торговцы не имели дел ни с Испанией, ни с Францией. Несмотря на это, корабли из английской колонии Нового Света все же бывали и в других странах Европы.

Неизвестно, что еще закупали у Франции в 1668 году нью-йоркские купцы, но среди приобретенных товаров действительно были семена гвоздики.

Трагедия семьи Гудзонов

Главная водная артерия Нью-Йорка — река Гудзон — получила свое название от имени известного английского мореплавателя Генри Гудзона.

В 1524 году у острова Манхэттен бросил якорь французский корабль под командованием итальянца Джованни де Веррацано. Примерно восемьдесят лет европейцы практически не посещали эту местность.

Генри Гудзон

Лишь в 1609 году в устье реки Гудзон снова появился парусник из-за океана. Командовал кораблем опытный

мореход и полярный исследователь Генри Гудзон. В то время он состоял на службе у голландской Ост-Индской компании и по ее заданию провел уже несколько экспедиций.

В книге «История Нью-Йорка» Вашингтон Ирвинг писал о том, как Гудзон впервые увидел Манхэттен: «...когда великому мореплавателю посчастливилось увидеть этот очаровательный остров, он в первый и единственный раз в жизни высказал явные признаки удивления и восхищения...

Остров... широко расстилался перед ними, как сладостное фантастическое видение или прекрасное создание искусного чародея.

Его нежно-зеленые холмы мягко возвышались один над другим, увенчанные могучими пышно разросшимися деревьями. У некоторых из них сужающаяся кверху крона была обращена к восхитительно прозрачным облакам; другие, отягощенные зеленым бременем вьющихся растений, пригибали свои ветви к земле, покрытой цветами.

Пологие склоны холмов в буйном изобилии поросли дерном, сумахом и диким шиповником, алые ягоды и белые цветы которого ярко сверкали среди темной зелени окружающей листвы; тут и там клубы дыма, поднимаясь над маленькими долинами, открывавшимися в сторону моря, казалось, обещали уставшим путешественникам ласковый прием...»

От места, где сегодня расположен Нью-Йорк, корабль под командованием Генри Гудзона сумел подняться вверх по течению реки примерно на 250 километров.

Конечно, мореплаватель не подозревал, что в будущем эта река будет носить его имя, а в ее устье возникнет гигантский город.

В начале XVII века у голландских и английских моряков существовало поверье: чтобы плавание прошло успешно, с собой надо иметь три гвоздики. Одну — бросить в воду, когда корабль выходит из родной гавани, вторую — носить у сердца так, чтобы никто не видел, а третью — уже

высохшую — кинуть в море, когда начнется обратный путь домой.

Возможно, так поступал и Гудзон, и члены его команды.

Но в последнем его плавании цветок-талисман не помог.

Весной 1611 года, когда экспедиция под руководством Гудзона перезимовала в заливе Джеймса, экипаж корабля взбунтовался. Моряки не желали продолжать исследование северных земель и требовали возвращения домой.

Бунтовщики сурово расправились со своим предводителем. Капитана, его сына и еще нескольких верных долгу членов команды они посадили в шлюпку и оставили на произвол судьбы и моря.

Спустя год руководство голландской Ост-Индской компании отправили экспедицию на поиски Гудзонов и их товарищей. Но отыскать мореплавателей не удалось.

Гвоздика с места казни

В девяностых годах XVIII века, во время Французской революции и массового террора, аристократы шли на эшафот с гвоздикой в петлице. Этим они хотели показать верность королю.

В тот период казнили так много верных монархии людей, что в Париже не хватало красных гвоздик, символизирующих королевский дом Бурбонов. Тогда откуда-то появились цветы пурпурного цвета, с багровыми крапинками на лепестках.

По городу покатились слухи, что подобные гвоздики сами появляются на месте казни людей. Верящие в мистику считали, что пурпурные, с багровыми крапинками, цветы обладают волшебными свойствами.

Одна французская семья, бежавшая от террора в Нью-Йорк, прихватила с собой семена гвоздики именно пурпурного цвета, с багровыми крапинками. На новой родине эта семья стала разводить цветы.

О таинственных свойствах привезенных растений французы никому не сообщали. Тем не менее в Нью-Йорке о них прознали. К владельцам необычных гвоздик потянулись какие-то неизвестные личности — то ли колдуны, то ли знахари.

Но французы не желали продавать ни цветы, ни семена. Им угрожали, предлагали немыслимо высокие цены. Однако упрямые эмигранты были непоколебимы.

Что заставляло их не расставаться со своими гвоздиками и семенами, — так и осталось загадкой.

Однажды утром почтальон обнаружил открытыми двери дома, где жили беженцы из Франции. Почтальон постучал, окликнул хозяев, но никто не отозвался. Тогда он вызвал полицию.

Стражи порядка обнаружили задушенными всех членов семейства. Преступники вроде бы ничего не тронули в доме. Только во дворике были срезаны все гвоздики.

Полицейские лишь развели руками:

— Чудеса... Ценные вещи, серебро, золото, картины в дорогих рамах не взяли, а какие-то цветы... И кому они понадобились? Может, сумасшедшие, а может, сами посланцы нечистой силы орудовали здесь?

Так и не найдя ответов на эти вопросы, стражи порядка прекратили расследование.

Во мраке театральных кулис

Вот зазвучали первые слова.
И занавес поднялся с бахромою —
Открой глаза пошире и смотри.
Однако, где же сцена? Тайна!
Внутри, снаружи? Кто сказать сумеет?..

Бела Белаш

Известно, что некоторые сорта гвоздик используются для получения эфирного масла, а колдуны якобы применяют их для приготовления всевозможного зелья.

Но в XIX и даже в XX веках в театральном мире Нью-Йорка существовало печальное предание о роковых венках из гвоздик пурпурного цвета с багровыми крапинками.

Первые театральные представления стали давать в Нью-Йорке в девяностых годах XVII века. Выступали английские актеры, прибывшие в Америку подзаработать. Некоторые из них оставались в Новом Свете навсегда.

Спектакли, а вернее «морализирующие диалоги», проходили в богатых домах американцев, в сараях, во дворах, а иногда прямо на площадях и улицах. Реквизит изготавливали сами актеры.

В Нью-Йорке в XVII—XVIII веках ведущая политическая и экономическая роль принадлежала пуританам, а они сурово и настороженно относились к сценическому искусству и нередко расправлялись с актерами, если представление казалось им безнравственным. Лицедеев приравнивали к колдунам и предсказателям. Соответственно — и наказывали пытками, а иногда — костром.

Первое постоянное театральное помещение появилось в Нью-Йорке в 1732 году. В ту пору труппы по-прежнему состояли в основном из английских актеров, а в репертуарах царили пьесы Вильяма Шекспира.

Во время войны 1775—1789 годов все театральные представления в Нью-Йорке были запрещены. Несколько жителей города — любителей Мельпомены из числа учителей, клерков, торговцев, медиков, — попытались нарушить запрет. Тайком от властей они поставили два или три спектакля в частном доме на Манхэттене. Но вскоре были наказаны. Суровые моралисты избили их, а сценическую одежду, реквизит, тексты ролей сожгли.

С 1785 года театральные постановки в Нью-Йорке понемногу возобновились. Подходящих помещений в городе тогда еще не было, и некоторые актерские коллективы стали использовать так называемые «шоуботы». Они покупали старые речные суда и оборудовали их под «плавающие театры».

На этих «шоуботах» актеры жили, давали представления и отправлялись на гастроли по рекам, в города и небольшие селения.

В начале XIX века интерес к театру в Соединенных Штатах заметно возрос. Появились свои драматурги и актерские династии. Ослабли пуританские оковы искусства и литературы. Состоятельные жители Нью-Йорка стали выделять деньги на строительство театральных помещений.

Во все времена: где сцена — там не только свет рампы, но и темнота кулис, со своими таинственными историями, анекдотами, интригами, причудами, непонятными для посторонних явлениями.

Нью-йоркские подмостки, как и подмостки в других городах, окутывала пелена сплетен, соперничества, зависти и реальных житейских драм.

Подарок журналисту

В конце XIX века репортер, настоящего имени и фамилии которого не знали даже дотошные коллеги, строчивший под псевдонимом «Тихоня», собрался написать целую книгу под названием «Во мраке театральных кулис». Об этом он заявил в нескольких нью-йоркских газетах.

«Тихоня» пообещал читателям, что их ждут «сногсшибательные откровения, умопомрачительные разоблачения» служителей Мельпомены, от которых кое-кто сиганет с Бруклинского моста или в паровозную топку.

Заявить-то репортер заявил, а вот сотворить сенсационный шедевр не успел. Когда он в очередной раз шнырял в потемках театральных кулис Нью-Йорка, ему передали венок из пурпурных, в бордовую крапинку, гвоздик.

Посыльный сообщил, что это подарок от поклонника таланта репортера. Поклонник пожелал остаться неизвестным.

«Тихоня» изумленно повертел в руках венок. И проворчал во всеуслышание:

— Бывало, что меня хлестали букетами по роже. Но получать цветы в дар — такого еще не доводилось. Лучше бы неведомый придурок бутылку виски прислал...

Посмеиваясь над загадочным происшествием, репортер напялил венок на голову и покинул театр.

О том, что «Тихоня» прямо в венке из пурпурных, с багровыми крапинками, гвоздик прыгнул в Гудзон, во всех театрах Нью-Йорка известно стало на следующий день.

Тело репортера не всплыло, зато венок почти сутки покачивался на воде, прибитый к берегу.

Полиция не придала ему значения. Но закулисный мир распознал в необычном венке знак страшной и неминуемой опасности.

На сцене и в жизни

О, что за гордый ум сражен! Вельможи,
Бойца, ученого — взор, меч, язык;
Цвет и надежда радостной державы,
Чекан изящества, зерцало вкуса,
Пример примерных — пал, пал до конца!
А я, всех женщин жальче и злосчастней,
Вкусившая от меда лирных клятв,
Смотрю, как этот мощный ум скрежещет,
Подобно треснувшим колоколам,
Как этот облик юности цветущей
Растерзан бредом; о, как сердцу снесть:
Видав былое, видеть то, что есть!..

Вильям Шекспир

«Нашел Офелию»

В середине XIX века в Соединенных Штатах Америки появилось немало своих драматургов. Но в репертуаре нью-йоркских театров сохранились и английские классики. В первую очередь — пьесы Шекспира.

В те времена, как и в других странах, американские актеры частенько заменяли свои настоящие имена на сценические. Так поступали те, кто считал свою фамилию неблагозвучной для театральных афиш, и те, кто хотел скрыть свое прошлое и происхождение. И выходцы из трущоб, и отпрыски аристократических родов, и дети из богатых семей поступали в театры под вымышленными именами.

В семидесятых годах XIX века в театр «Орион», расположенный на Манхэттене, явилась девушка лет восем-

надцати. И речь, и движения, и одежда свидетельствовали о ее аристократическом происхождении.

Руководил тогда «Орионом» Джон Дэли — кузен известного американского переводчика и драматурга О. Дэли.

Девушка объяснила, что хочет стать актрисой, и попросила устроить ей просмотр. Восхищенный ее внешностью и манерами, руководитель театра тут же согласился. Он собирался ставить «Гамлета» и никак не мог подыскать достойную актрису на роль Офелии.

— Как вас зовут, дитя мое? — поинтересовался Дэли и вздрогнул от услышанного ответа.

— Зовите меня Офелией...

— Вы, наверное, наслышаны, что я ищу на эту роль актрису, и потому взяли себе такой псевдоним, — улыбнулся Джон. — Что ж, хвалю за находчивость...

— Нет-нет, я только сегодня прибыла в Нью-Йорк и пришла в первый попавшийся театр, — ответила девушка. — Так что о вашей постановке «Гамлета» даже не слышала.

Дэли развел руками:

— Ну, хорошо, вы захотели, чтобы Офелия стало вашим сценическим именем, но у вас же есть настоящее...

— У меня теперь только одно это имя, — перебила девушка.

С нетерпением она взглянула на режиссера:

— Приступим?

Не прошло и часа, как восторженный Дэли, не сдержав чувств, закричал на весь театр:

— Это она! Черт возьми, я нашел Офелию! Сам Шекспир зарыдал бы от умиления, увидев ее!

Соперница-подруга

Женский состав труппы не разделил восторга своего руководителя. Особенно недовольно посматривала на новенькую актрису любовница Джона Дэли — Андромеда. Так называлась она в афишах.

Андромеда сама метила на роль Офелии, но друг и руководитель вынес обидный для нее приговор:

— Не те годы, милая. Лет десять назад я отдал бы тебе эту роль не задумываясь. Что поделаешь? Такова наша театральная судьба. Смирись...

Андромеда сумела взять себя в руки и не стала показывать свое недоброжелательство к юной актрисе. Она даже принялась по-дружески опекать Офелию, помогать работать над ролью и осваиваться в Нью-Йорке.

Андромеда, как и многие в труппе, захотела узнать настоящее имя новой актрисы:

— Согласись, дорогая, на афише будет забавно читаться: «Роль Офелии исполняет Офелия»... Может, выступишь под своей фамилией?

Но девушка настояла, чтобы в афише было написано именно «Офелия». Свое происхождение и настоящее имя она так никому в театре и не открыла.

Незадолго до премьеры «Гамлета» Андромеда стала каждый день в разных вариациях пересказывать юной подружке закулисное предание о венке из пурпурных гвоздик. При этом она закатывала от страха глаза и уверяла, что такой венок — сигнал неминуемой беды.

Хоть и была Офелия увлечена своей новой работой и старалась ни на что не отвлекаться, каждодневные рассказы Андромеды прочно вошли в ее сознание.

Злополучный венок от неизвестного

Наконец наступил день премьеры. Нервы начинающей актрисы и так были на пределе, а тут еще — гневное письмо из дома. Офелия не могла понять, как ее нью-йоркский адрес узнал отец.

Глава семейства богатых плантаторов из Луизианы распекал в письме свою дочь. «Уйти в актрисы — величайший позор для нашего рода», — писал он.

В театр Офелия примчалась в слезах. На все вопросы, чем вызвано ее состояние, отвечала:

— Я просто волнуюсь. Боюсь забыть роль. Пустяки: сейчас все пройдет...

— Такое бывает, дитя мое, — успокаивала Андромеда. — Дебют на сцене, да еще в такой роли! Все будет хорошо...

За несколько минут перед поднятием занавеса каким-то образом через служебный вход театра прорвался посыльный. Откуда он — так потом никто и не вспомнил.

Посыльный поспешно сунул растерянной Офелии венок из пурпурных, с багровыми крапинками, гвоздик. Пробурчал скороговоркой:

— Это вам от поклонника... — и тут же исчез.

Премьера началась. Дебютантке пора было выходить на сцену, а она не могла выпустить из рук венок от неизвестного поклонника.

Выручила Андромеда. Она выхватила у девушки цветы и по-матерински подтолкнула ее к сцене.

Свет рампы, одобрительный шепот зрителей на мгновение помогли дебютантке сосредоточиться на игре. Но едва она собралась произнести первые слова:

«— Я стражем сердца моего поставлю
Урок твой добрый. Только, милый брат,
Не будь как грешный пастырь, что другим
Указывает к небу путь тернистый...», —

как за кулисами кто-то громко охнул.

Офелия невольно повернулась на этот звук и в полумраке отчетливо увидела Андромеду. Опытная актриса держала в руках венок и нарочито выразительно смотрела то на девушку, то на цветы. Жалость и ужас во взгляде!..

Жалость и ужас...

Офелия отшатнулась и посмотрела в зал. Публика не могла понять, почему так затянулась пауза.

Девушка силилась, но не смогла произнести ни слова. Она слушала отчаянную, все более громкую, подсказку суфлера:

«А сам, беспечный и пустой гуляка,
Идет, цветущею тропой утех,
Забыв свои советы...», —

но не в силах была эти слова повторить за ним...

Зал вначале тихо роптал, потом раздалось шиканье, смех и, наконец, крики:

— Долой! Прочь со сцены! Позор! Позор! Позор!

Игравший Лаэрта актер тоже пытался помочь девушке:

— «А сам, беспечный и пустой гуляка...» Ну, повторяй же! Повторяй!

Но его слова не доходили до Офелии.

«Это конец... Это смерть...» — в отчаянии думала она.

Затем вдруг слезы у нее высохли, исчезли внезапно смятение, ужас, прошло паническое состояние...

С отрешенным взглядом провалившаяся дебютантка покинула сцену. Спокойно прошла она мимо бьющегося в истерике Джона Дэли, мимо растерянных актеров.

— Что ж ты так... Что ж ты так, дорогуша? Подвела всех нас... — прошептала ей на ухо Андромеда и сунула в руку злополучный венок.

Офелия машинально взяла цветы и, не говоря ни слова, покинула театр.

Наконец Дэли пришел в себя и бросился за девушкой. Опоздал: на улице ее уже не было видно. Тогда Джон приказал одному из актеров отправиться к ней на квартиру и уговорить вернуться в театр.

Не известно, что хотел Дэли: то ли устроить разнос актрисе, провалившей с таким позором премьеру, то ли успокоить несчастную дебютантку.

Посланец вернулся ни с чем.

Офелия исчезла.

Еще одна тайна «мрака»

А через пару дней в театре узнали, что она утопилась. Тело девушки обнаружили в тихих водах бухты Лоуэр-Нью-Йорк-Бей. В руке утопленница сжимала венок из пурпурных гвоздик.

Вначале полиция заподозрила убийство. Стало известно, что отец девушки скончался и оставил большое наследство своим детям.

В те дни, когда провалилась премьера «Гамлета», в Нью-Йорке видели брата покойницы. Зачем он приехал из далекой Луизианы — толком объяснить не мог.

«Борьба за большую долю наследства, устранение лишнего претендента», — решили в полиции. Но потом вдруг эту версию стражи порядка отмели. И брат покойной девушки преспокойно вернулся в Луизиану.

«Обычное самоубийство», — пришли к окончательному выводу полицейские, и дело закрыли.

Отчего кинулась в воду молодая актриса? Кто довел ее до такого состояния? Этого никто выяснять не стал.

Но «мраку театральных кулис» никаких выяснений не нужно. Ему и так все известно, и он умеет хранить тайны от посторонних.

Паника в «Балле тиэтр»

Под глубоким сводом,
Крутым и черным, на стене,
покрытой афишами,
Силуэты качаются, кружатся,
Внезапно выходя из темноты
на свет,
Вновь пропадая в ночи.
Под сводом, вдруг становятся
видимы локоны
И тонкие освещенные
лица девушек...

Артур Саймонс

Постановка «Призрака Розы»

В 1939 году в Нью-Йорке была образована новая балетная труппа. Возглавила ее известная американская танцовщица Л. Чейз. Первый сезон этого коллектива открылся в помещении «Сентр тиэтр» 11 января 1940 года.

Как писалось в буклете новой балетной труппы «Балле Тиэтр»: «Наша задача — воспитание американских балетмейстеров и артистов балета и воссоздание национального колорита американских балетных спектаклей».

Нью-йоркская публика тепло встретила появление на сцене нового коллектива. Даже язвительные театральные критики давали благоприятные отзывы в прессе. А спустя год после открытия «Балле Тиэтр» собрался ставить пьесу «Призрак Розы» на музыку Вебера. Произведение это считалось весьма сложным для постановки, поэтому над пьесой работали долго.

Однажды, когда полным ходом шла подготовка к премьере, на репетицию явился старик-билетер «Балле Тиэтр» — бывший танцовщик Бродвейских театров. Некоторое время он внимательно наблюдал с заднего ряда за репетицией, а потом вдруг во всеуслышание заявил:

— «Призрак Розы» провалится...

Негодование труппы

Артисты — народ суеверный. Предрекать провал будущей постановке во время репетиции считается и плохой приметой, и ужасным проступком.

За подобное не только выгоняли из театра с работы, но и лупили таких предсказателей всей труппой.

На старика-билетера никто руку не поднял. Лишь робко поинтересовались:

— Почему вы такого мнения?

— Кто вам сказал, что «Призрака Розы» ждет провал?

— С чего вы это взяли?

Старик в ответ махнул рукой и зло процедил сквозь зубы:

— Как сказал — так и будет... «Призрак Розы» — проклятый спектакль!

С этими словами он, ни на кого не глядя, вышел из зала.

Тут вся труппа опомнилась и возмущенно загалдела:

— Как он посмел!

— Какой-то билетер срывает репетицию!

— Гнать такого с работы!

— Чтобы духу его не было в театре!

— Еще накаркает беду!

Но справедливое негодование труппы ни к чему не привело. Репетиция была сорвана. И актеры долго не могли успокоиться.

Руководство театра все же решило наказать старика-злопыхателя. Но тот на работе больше не появлялся.

А вскоре стало известно, что бывший танцовщик Бродвейских театров скончался в госпитале.

Венок у рампы

Балетная труппа не на шутку переполошилась.

Согласно приметам, предрекать провал будущему спектаклю во время его репетиции — это еще полбеды. Но когда недоброе предсказание произнес человек за день-два до своей смерти — пиши пропало... Несчастье в театре обязательно произойдет.

Подготовка к премьере пошла из рук вон плохо. Нервничали и ошибались музыканты, балерины, танцовщики. А у некоторых артистов даже происходили нервные срывы.

Кто-то из руководства труппы, наверное, чтобы успокоить театральный коллектив и вырвать из плена предрассудков, пустил слух, что покойный старик был нанят конкурентами. В Бостоне якобы тоже ставится «Призрак Розы». Вот бостонцы с помощью суеверия и мистических трюков и решили опередить нью-йоркцев.

Наивное объяснение подействовало: труппа успокоилась, и работа над спектаклем продолжилась в обычном ритме. Но в день генеральной репетиции творческий коллектив «Балле Тиэтр» охватила тревога.

Когда на сцену дали полный свет, все, кто явился на генеральную репетицию, увидели у самой рампы венок из пурпурных в багровую крапинку гвоздик.

Суеверный страх снова охватил труппу. Кто мог подбросить этот венок — предвестник беды?

Старик, недобрый предсказатель, умер... Нашелся другой злопыхатель или шутник?

Кот-спаситель

Появление известного, по закулисным преданиям, рокового венка едва не вызвало панику в творческом коллективе и отказ от спектакля «Призрак Розы».

Но тут раздался твердый голос одного из танцовщиков:

— Леди и джентльмены! Я знаю, что надо делать! Злая магия проклятого венка исчезает, если его уносит прочь... кот! Да-да, самый обыкновенный кот.

Обрадованные артисты поверили коллеге и тут же кинулись искать кота. Наконец схватили на улице первого попавшегося и надели ему на шею венок. А чтобы своенравное животное сразу не сбросило его, прикрепили к шерсти лейкопластырем.

Хвостатому уличному бродяге это не понравилось, и он тут же попытался задними лапами сорвать венок. Тогда на глазах изумленных прохожих вся театральная труппа начала топать, свистеть, хлопать в ладоши и орать что-то невразумительное.

Кот понял: с такими странными людьми лучше не связываться, и припустил прочь от театра. А артисты продолжали шуметь ему вдогонку. Проделывали они это с каким-то детским упоением и восторгом.

Что ж, подобное им позволено. Не будь они в душе детьми, не стали бы артистами.

А премьера спектакля «Призрак Розы» состоялась в положенный срок. И тысячи зрителей с восторгом приняли постановку, не догадываясь, какие страсти бушевали в «Балле Тиэтр» во время репетиций.

Тот самый Ворон

Растворил свое окно я, и влетел во глубь покоя
Статный, древний Ворон, шумом крыльев славя
торжество,
Поклониться не хотел он; не колеблясь, полетел он,
Словно лорд иль леди, сел он, сел у входа моего,
Там, на белый бюст Паллады, сел у входа моего,
Сел, — и больше ничего.

Одинокий Ворон черный, сев на бюст, бросал,
упорный,
Лишь два слова, словно душу вылил в них он
навсегда.
Их твердя, он словно стынул, ни одним пером
не двинул,
Наконец я птице кинул: «Раньше скрылись
без следа
Все друзья; ты завтра сгинешь безнадежно!..» Он
тогда
Каркнул: «Больше никогда!..»

Эдгар По

Приятели с одного двора

Многие в Одессе недоумевали: что объединяет столь не похожих людей?

Все трое родились в одном дворике, неподалеку от «Старой биржи», в доме, где много лет находился подвальчик тети Фиры с грозным объявлением: «Господа уркаганы, ворованное не принимаем. Нам стыдно!»

Все трое, с возраста первой папиросы, были не в ладах с законом. Но разве этого достаточно, чтобы возникла такая дружба, как у Саньки Бристоля, Васьки Чумелого и Сереги Ворона, о которой знала вся Одесса?

Греческий дворик, в котором проходило их босоногое детство, подарил славному городу немало известных «марвихеров», «гопстопников», «скокарей». Так что друзьям с самого раннего возраста было с кого брать пример.

Отцы Ворона, Бристоля и Чумелого, знатные одесские рыбаки, надеялись, что сыновья пойдут по их стопам. Но пацаны приняли другое решение. Лет в десять они заявили: рыба тухнет быстро, а деньги — никогда... Будем добывать деньги!

У родителей Ворона нашлись кое-какие сбережения и состоятельные родственники, и они смогли отдать сына в гимназию. Проучился там Серега лет шесть. Вылетел оттуда за написание непристойных стихов.

Примерно год он менял одну работу за другой: конторщик, музыкант, переводчик, статист в драматической труппе, санитар. Наконец сказал себе: «Ша, Серега! Хватит бренчать медными грошами... Пора приниматься за дело!»

Его друзья Бристоль и Чумелый были уже «пристроены». Санька «ходил» в учениках у известного медвежатника Маркизета. Васек, хоть взялся за менее престижное дело, но все же успешно гопстопничал с ланжеронскими пацанами.

Ворон оказался слишком артистичным и одухотворенным, чтобы мараться о сейфы с медвежатниками, как Бристоль, или грабить на улицах прохожих, как Чумелый.

Вызвал его на смотрины старый вор Тоболда и вынес приговор:

— Быть тебе, пацан, классным «чистяком с сиянием»...

На жаргоне того времени это означало: выпала Ворону судьба стать мошенником — очищать от избытка дорогих украшений и денег состоятельных граждан.

Неуемная страсть

После недолгого обучения в «зарешетчатом университете» приятели почти одновременно оказались на свободе. Хотя отсиживали по разным делам и по разным кичманам.

Дружба за время вынужденной разлуки только окрепла. Но они по-прежнему «правили» каждый свою «тропу». Словом, воровскую масть не меняли.

На удачу приятелям грех было жаловаться: фартило им и в делах, и с женщинами, и в игре. Картами они увлекались в меру, и азарт не затуманивал им мозги. Одежду с себя и последний рубль не проигрывали.

Единственная страсть, от которой они порой теряли голову, это — пари. Особенно безудержным спорщиком был Ворон. Держал он пари по любому поводу, причем на весьма крупные суммы: пойдет ли вечером дождь, вернется ли в Одессу в назначенный срок шаланда «Прекрасная Маркиза», после какой бутыли самогона свалится под стол Сенька Шеребей, с кем из своих любовников сбежит в Париж актриса Хвалынская, когда очистят дачу известного дирижера Прибика...

Завести на пари с крупной суммой Ворона мог любой и одним только словом: «Спорим!» Услышав заветное слово, он мгновенно шалел и соглашался на любое условие пари.

Была у закадычной троицы заветная мечта: отправиться в Америку. Но каждый из друзей по-своему познавал эту страну.

Ворон читал в подлиннике Уолта Уитмена, Эдгара По, Джеймса, Турже, Крейна.

А не знающий английского языка Бристоль увлекался переведенными на русский романами Фенимора Купера, Брета Гарта, Джека Лондона. Что же касается Чумелого, то он вообще не любил читать, зато с удовольствием слушал рассказы приятелей о таинственной заокеанской стране.

«Даешь Америку!»

Может, мечта криминальной троицы осталась бы неисполнимой, но однажды Ворон снова ввязался в спор. Схлестнулся он в булдыре «Шторми, море» со старым шнеерзоном Монечкой.

— Вам спорить со мной, Монечка, — заявил Серега, — все равно, что выдавать себя за честного, законопослушного шопенфиллера. В подобное ваше фуфло могла поверить только мадам Папаяни, и то лишь в первую неделю своего проживания в Одессе.

Несмотря на такие обидные слова, сбытчик фальшивых драгоценностей — шнеерзон Монечка, любивший выдавать себя за солидного ювелира, все же предложил Ворону пари на большую сумму денег.

А спор в «Шторми, море» начался с заявления Сереги, что при желании он сможет продать фраерам и Одесскую обсерваторию, и Потемкинскую лестницу, и даже статую Свободы в Нью-Йорке.

Против обсерватории и лестницы у опытного шнеерзона возражений не было. Но заокеанская статуя почему-то взорвала его.

— Вы меня разочаровали, Ворон, — заявил он. — Я думал, вы интеллигентный юноша. У меня теперь складывается впечатление, что вы в детстве не поедали пытливым взором труды Вольтера, Гегеля, Канта, не играли в оркестре незабвенного Химы Брудеровского, а привязывали к хвостам собак пустые бутылки и писали неприличные слова на заборе дачи мадам Костанелли. В ваших глазах пылает чисто босяцкий задор. Ставлю свой тузовый перстенек. Сами видите — не фуфло, за него можно весь Лонжерон скупить... Толкнете статую Свободы, хоть за доллар, хоть за миллион, — он ваш.

Ворон тоже не обиделся на слова старого шнеерзона.

— Месье Монечка, не мните шелка, не прессуйте атмосфэру, я принимаю ваш вызов, — гордо ответил Серега. — Если через три месяца я не продам нью-йоркскую исполиншу, два моих дома — на Приморском и на Биржевой — ваши. Кроме того, без всяких последствий вы получите право показать мне прилюдно, на Дерибасовской, язык и трижды плюнуть в мою сторону. Короче, даешь Америку!

Ударили по рукам.

— Ворон, ты, конечно, влез в бешик, не посоветовавшись со мной. Но я заявляю без мари и зыби — еду с тобой! — тут же решил Бристоль.

— Даешь Америку! — поддержал Чумелый. — Куда ж я без вас...

Проводы

Мысленно с ними прощалась вся Одесса.

Но, расставаясь с Вороном, Бристолем и Чумелым, народ размышлял об этом событии по-разному.

— И нашо им тот Нью-Йорк с его каменной теткой? — недоумевали одесские торговки, биндюжники, рыбаки и уркаганы.

— Может, больше фарту будет им там, а нам — здесь? — рассуждали блатные.

— Слава богу, хоть на троих станет меньше в городе, — с облегчением думали служители Фемиды.

— Потускнеет без них Одесса, — вздыхали проститутки.

А приятелям они заявили:

— Толкнете каменную тетку в Нью-Йорке, — вся панель Одессы будет вас целый год обслуживать бесплатно.

Никто особо не отговаривал Ворона, Бристоля и Чумелого отправляться за океан. Многие одесситы передавали им рекомендательные письма и записки своим родственникам и землякам, обосновавшимся в Нью-Йорке.

Конечно, кое-кто судачил за спинами друзей: отправляться в такую даль, чтобы продать какую-то статую — пусть даже весьма дорогую — это же безумие! Такое могло прийти в голову только самым бесшабашным одесским пацанам!

Недоумевали и три старых рыбака. Отец Ворона Сидор Нестеренко в который раз задавал друзьям один и тот же вопрос:

— И шо, в той нью-йоркщине барабулька слаще?

— Ох, чую, нарвутся наши пацаны за океаном либо на пули местных очубеков или заимеют браслеты, — вторил другу отец Очумелого Иван Недоленко.

— Мало драли пацанов в свое время. От того — вольнодумство и легкие на приключения задницы, — рассуждал отец Бристоля Рувим Ниппельбаум.

Чем еще они будут заниматься в Нью-Йорке?

На этот вопрос Ворон, Бристоль и Чумелый отвечали неопределенно:

— Завоевывать место под американским солнцем — теснить американскую братву. Прибудем в Нью-Йорк, осмотримся, а там видно будет...

А со старым шнеерзоном разговор напоследок состоялся вполне деловой.

Монечке доходчиво и красочно обрисовали, что будет с ним, если он не рассчитается за проигранный спор.

Шнеерзона предостережения не пугали, он сам напоминал:

— У вас, месье Ворон, всего лишь три месяца в запасе. Не будет продана каменная барышня Нью-Йорка — и ваши дома на Приморском и Биржевой мои, и язык я вам буду показывать, даже если вы не вернетесь в Одессу. Честное слово, не поленюсь ради этого отправиться даже за океан.

В порт провожать Ворона, Бристоля и Чумелого пришли с десяток похоронно-свадебных оркестриков.

Все они дружно исполняли модную в те годы в Одессе песню:

Качнись черемухой, Серега,
И гавкни рылом в макинтош.
На мне фартовая обнова,
А ты, зараза, не идешь...

Блатные явились все, как на подбор, в лаковых штиблетах, при часах на серебряных цепочках, в шляпах кано-

тье и с белыми хризантемами в петлицах. Владельцы питейных заведений доставили на пароход корзины с напитками и всевозможной едой.

А фотографии необычных проводов еще долгие годы хранились в одесской полиции и затем — в губугрозыске.

Вначале Ворон, Бристоль и Чумелый добрались до Стамбула, а там пересели на пароход, идущий в Нью-Йорк.

Первые дни за океаном

И на родной земле в этой троице верховодил Ворон. Знание английского языка еще больше возвысило его в Нью-Йорке.

Денег у приятелей на первое время было достаточно, чтобы пожить с шиком.

Правда, Бристоль и Чумелый хотели подыскать жилье поскромнее, но Ворон заявил им сразу:

— Мы не для того пересекли два моря и один океан. Нью-Йорк не Молдаванка — в халабуде жить не собираюсь.

Он нанял такси и уверенно, будто много лет прожил в Нью-Йорке, приказал ехать в Мидтаун. Возле небоскреба на пересечении Бродвея и Пятой авеню Ворон велел водителю остановиться.

Друзья вышли из автомобиля.

— Это знаменитый Флетайрон, — пояснил он Бристолю и Чумелому. — Чувствуете, какая сила, какое величие?.. Здесь неподалеку мы и обоснуемся. И каждое утро вы будете пялить глаза на Флетайрон, чтобы помнить: это уже не Одесса. И мыслить здесь надо по-другому.

Подавленные величием небоскреба, Чумелый и Бристоль молча кивнули в ответ.

О первых днях нашей троицы в Нью-Йорке известно мало. Тогда они еще не попадали в полицейские хроники. Хотя друзья-одесситы не сидели сложа руки.

Ворон начал с того, что рассортировал рекомендательные письма. Он быстро смекнул, кто будет им нужным в Нью-Йорке. Послания к землякам, не заслуживающим внимания, полетели в мусор.

Потом у троицы пошла череда визитов к бывшим одесситам, которые могли им быть чем-то полезными. Новые знакомства, благодаря хватке Ворона, завязывались быстро. Но привезенные деньги стремительно уплывали, а серьезных дел все не было.

Бристоль и Чумелый стали подбивать приятеля:

— А не пора ли вспомнить былые дни и авторитетно заявить о себе Америке?

Ворон категорически отверг их предложение:

— Ша, пацаны! Работаем по-новому! Нью-Йорк — город высокий и мыслить здесь надо высоко!

«Тьма — и больше ничего»

Несмотря на оптимизм друга, тревога в душах Бристоля и Чумелого нарастала день ото дня.

Однажды, когда Ворон стал расхаживать по номеру отеля и что-то бубнить по-английски, Бристоль и Чумелый всполошились не на шутку:

— Может, небоскребы его «сдвинули»?..

— Видать, свихнулся Серега...

Ворон, заметив настороженные взгляды приятелей, попытался успокоить их:

— Прочь тревогу, джентльмены! Я еще не заговариваюсь... Я просто вспоминаю строки великого Эдгара По...

И он с нескрываемым восторгом продолжил чтение, но уже по-русски:

Древний, мрачный Ворон, странник с берегов,
где ночь всегда!
Как же царственно ты прозвал у Плутона? Он тогда
Каркнул: «Больше никогда!..»

Однако эти слова еще больше насторожили приятелей.

Бристоль даже шепнул Чумелому:

— Ворон о вороне твердит. Быть беде... Ох, чую, скоро заявится из Одессы Монечка и потребует свой «стык» за не проданную «Свободу».

Но пока приятели хандрили, пребывали в недоумении и в предчувствии опасности, Серега действовал. Он уже обзавелся в Нью-Йорке немалым числом знакомых.

С утра Ворон исчезал из отеля и появлялся только вечером. Бристолю и Чумелому он давал лишь короткие и не очень понятные объяснения: где был, с кем встречался, о чем толковал.

Из-за незнания английского у Бристоля и Чумелого пока были только простые поручения: закупить еду и газеты, отвезти по нужному адресу записки и письма.

Прессу Ворон изучал по вечерам: что-то подчеркивал, делал пометки. Одни газеты выбрасывал, другие сохранял.

На недоуменные вопросы друзей, что он там выискивает, лишь отмахивался.

— Узнаете потом... А пока — учите английский.

Подобное отношение начинало раздражать Бристоля и Чумелого. Но в то утро, когда они уже решили взбунтоваться, Ворон с загадочной улыбкой усадил друзей в такси и сообщил, что они отправляются в Нижний Ист-Сайд, где с сегодняшнего дня открыта их контора.

Бристоль и Чумелый заворчали:

— Деньги на исходе...

— Тут о серьезном деле надо подумать, а ты конторы арендуешь?

— Надо бы решить, как отступку делать насчет нью-йоркской каменной бабы. Вот-вот из Одессы заявится Монечка с кодлом и погонит предъяву...

В ответ на недовольство друзей Ворон рассмеялся:

— Монечкин срок не подошел. Когда заявится, встретим его честно. А сегодня мы отмечаем юбилей — стопятилетие великого Эдгара По!

И Серега вдохновенно продекламировал строки любимого поэта:

> Слабый стук не разобрал я, стук у входа моего,
> Говоря, открыл я настежь двери дома моего.
> Тьма, — и больше ничего...

От этих слов настроение у Бристоля и Чумелого вконец испортилось. Они печально и многозначительно переглянулись.

— Все, гикнулся наш Серега...

— Одесса-мама не прощает отколовшихся...

Пташки в клетке

Вывеска на дверях офиса «Комитет по празднованию 105-летия Эдгара Алана По» не удивила Бристоля и Чумелого. Но то, что они увидели за дверью, окончательно привело их в уныние.

Небольшая комната была заставлена клетками с печальными черными птицами. Заметив людей, вороны, как по команде, подняли крик. Громкое карканье, удары клювом о прутья, царапанье когтями днища клеток вызвали у Сереги умиление. Так смотрит на цыплят радивая птичница, задавая им корм.

— Ну, и шо сие означает? — Бристоль обвел рукой клетки с беспокойными обитателями.

— А то, что надо немедленно кормить пташек, чтобы они угомонились, и перенести их в другую комнату. Скоро приедут покупатели.

— Вот этих облезлых чертей кто-то купит? — удивился Чумелый.

— Еще как! Чтоб мне больше не увидать Одессу-маму! — убежденно ответил Ворон и подмигнул приятелям.

— Даже на одесском Привозе такое не продается! Ты где раздобыл этих тварей? — Бристоль осторожно приподнял одну клетку.

— Уметь надо! — с гордостью ответил Серега. — И не оскорбляй пташек, они нам принесут ведро долларов.

— Ну-ну... — проворчал Бристоль и в который раз тревожно переглянулся с Чумелым.

Юбилейная распродажа

Вскоре дверь распахнулась, и в офис комитета по празднованию 105-летия Эдгара По ввалился первый покупатель.

Комната сразу наполнилась «ароматом» дешевого виски.

Бристоль критически оглядел потрепанного верзилу и шепнул Чумелому:

— Наши «быки» с Молдаванки даже после недельного загула элегантней выглядят.

— Да, у этого босяка и десяти центов нет в кармане, — грустно поддакнул приятель.

А Ворон, лучезарно улыбаясь, обратился к посетителю:

— Я сразу понял, сэр, — передо мной истинный ценитель творчества великого Эдгара Алана По.

Бристоль и Чумелый с презрительной ухмылкой уставились на «истинного ценителя».

А Серега продолжал распинаться:

— Сегодня, в честь юбилея писателя, мы продаем живую память о нем. Того самого ворона, который шестьдесят лет назад вдохновил Эдгара По на бессмертное стихотворение. Помните? «Статный, древний ворон, шумом крыльев славя торжество...»

— Знаю! Грамотный! — рявкнул верзила и достал из кармана пиджака сложенную газету. — Объявление ваше читал. Покажь птичку!

Серега метнулся в другую комнату и тут же вернулся с клеткой.

Ворон-птица угрюмо взглянул на верзилу и явственно прохрипел: «Падаль... Сука... Урод...»

Посетитель радостно захохотал и сунул указательный палец в клетку.

Черный вдохновитель Эдгара По отреагировал незамедлительно. Удар клювом оказался настолько сильным, что из пальца брызнула кровь.

Это привело в еще больший восторг верзилу. Он с нежностью взглянул на птицу и сунул в рот окровавленный палец, но тем не менее, сумел внятно произнести:

— За сколько толкаешь птичку?

— Для вас как истинного ценителя поэзии двести пятьдесят, — поспешно ответил Серега.

— Рехнулся окончательно наш кореш, — вздохнул Чумелый.

— Сейчас этот рваный босяк выхватит пушку или нож, — прокомментировал Бристоль и на всякий случай стал наготове за спиной посетителя.

Но тот и не думал пускать в ход оружие. Не отрывая восторженного взгляда от птицы, он вытащил палец изо рта и достал пачку замусоленных долларов.

— Откуда у него столько? — удивленно шепнул Чумелый.

Бристоль пожал плечами и так же тихо ответил:

— Наверное, сковырнул с богатого жмурика... А может, скок фартовый удался?

Верзила, не обращая внимания на шепот за спиной, небрежно отсчитал положенную сумму и подхватил клетку.

— Будет время — загляните к нам в Южный Бронкс, — подмигнул он Сереге. — Там обитает наше общество бездомных бродяг. А Эдгар По — наш кумир, духовный наставник, поэт вольных странников. Теперь будем поклоняться его пташке и вспоминать старину Эдгара. Кстати, у нас имеется пара его автопортретов. Один можем вам уступить, возьмем недорого...

— Непременно заглянем, — радушно пообещал Ворон и почтительно закрыл дверь за покупателем.

— Вот это фарт! — Чумелый никак не мог прийти в себя. — Без пыли и грохота столько срубить!

Теперь приятели смотрели с уважением на Ворона.

— В прошлом, то есть 1913-м, году двести пятьдесят долларов получал средний нью-йоркский рабочий за полгода, — пересчитывая деньги, сообщил Серега.

— Откуда ж у бездомных босяков такие капиталы? — развел руками Бристоль. — Какие-то они здесь, в Нью-Йорке, ненормальные. Хотя, тут всё не так, как в Одессе...

Он не успел продолжить свои размышления. В дверь робко постучались.

— Прошу вас! — мягко, но громко, отозвался Ворон и принял приветливое выражение лица.

На этот раз явилась молодая дама. Аромат дорогих духов мгновенно вытеснил запах дешевого виски в офисе.

— Так вы и есть члены юбилейного комитета? — посетительница скользнула томным взглядом по лицам одесситов.

— Да, мэм, — Ворон почтительно склонил голову.

— А где же?.. — она растерянно огляделась.

— Одну минуту, мэм... — Серега снова нырнул в соседнюю комнату и вернулся с клеткой.

Дама напялила очки и стала пристально разглядывать птицу.

— Какой-то он потрепанный, и вон даже лысина образовалась, — разочарованно произнесла она.

— Все верно! — радостно подтвердил Серега. — Эта лысина у почтенной птицы была уже шестьдесят лет назад. Помните, у Эдгара По:

«Ты, — сказал я, — лыс и черен, но не робок и упорен,
Древний, мрачный Ворон...»

— Да, да, — кивнула гостья. — Припоминаю... Пожалуй, я куплю вашу древнюю птицу. Сколько вы за нее просите?

— Триста! — выпалил Серега.

— Так дорого?!

— Поймите, мэм, это последнее живое существо, которое видело великого поэта, — тихо и печально ответил Серега и кивнул на приятелей. — Вот этим джентльменам, представляющим Одесское Общество друзей Эдгара По, наш нью-йоркский комитет отказал. Мы не можем позволить, чтобы живую бесценную реликвию увезли из страны. Ведь на чужбине она утратит мистическую связь с поэтом...

Дама не дала договорить:

— Я покупаю птицу! А вас, джентльмены, приглашаю в наш кружок «Совет великого Эдгара», — она протянула визитку Сереге. — Мы проводим спиритические сеансы по вторникам и пятницам. Теперь с помощью этой мудрой птицы нам будет легче вызывать дух Эдгара По...

Возражений не последовало.

— Мы обязательно посетим ваш кружок, — заверил на прощание Ворон.

Около десяти часов вечера, когда в офисе осталась непроданной лишь одна птица, Серега объявил:

— Все! Контора закрывается. Время аренды помещения истекло.

Довольные итогами дня, Бристоль кивнул на клетку:

— А этого куда?

— Выпустим. Его собратья принесли нам удачу. Может, наш ворон осчастливит еще какого-нибудь нью-йоркца.

Письмо из Одессы

— Что за город такой взбаламученный?! — спустя несколько дней возмущался Бристоль. — Не пойму я этот Нью-Йорк. То швырнет тебе мешок денег, то все заберет назад...

— Важно не только научиться зарабатывать деньги, но и уметь тратить их, — в раздумье отозвался Ворон.

— А все же лихо мы погуляли! — не разделяя озабоченности друзей, сказал Чумелый.

— Осталась сотня долларов. Пора продавать статую Свободы, — Ворон достал из кармана листок бумаги. — Тем более мнительный Монечка начинает волноваться. Вот, передал через одного нашего земляка писульку.

Серега протянул послание Бристолю. Тот зачитал вслух для Чумелого:

— «Ворон, вы, конечно, талантливый юноша, но лове отшнуривать придется. Пари есть пари.

Насколько я осведомлен, барышня-исполинша с факелом и книжкой в руках почему-то еще является собственностью государства США. А ведь вы бились об заклад, что через три месяца продадите ее в частные руки.

Ждите меня в Нью-Йорке. Можно без цветов, оркестра и шампанского.

С нижайшим одесским поклоном, до гробовой доски ваш — Монечка».

Чумелый аж присвистнул:

— Грозит пальчиком старый шнеерзон!

— Дело шваховое, — кивнул Бристоль. — Вся Одесса станет на его сторону, если не выполним уговор.

— А кто сказал, что дело проигранное? — Ворон хитро взглянул на приятелей. — Монечка желает увидеть купчую на статую Свободы, так он ее получит и, как честный шнеерзон, заплатит проигрыш.

— Хотелось бы верить, — вздохнул Бристоль.

Чумелый тоже вздохнул:

— Дай бог, чтобы получилось по-твоему, Серега.

«Серебряный мальчик»

Ворон любил удивлять приятелей. В свои планы посвящал лишь частично, чтобы потом преподнести сюрприз, вызвать у них изумление или растерянность.

Поиском покупателя статуи Свободы он занимался самостоятельно. Бристоль и Чумелый опять выполняли только разовые черновые поручения.

Наконец Ворон объявил:

— Нашелся потенциальный покупатель. Он совладелец нескольких серебряных рудников в Южной Америке. В деловом мире его называют Анжель — «серебряный мальчик».

— Он что, малолетка? — поинтересовался Бристоль.

— Да нет, — усмехнулся Ворон. — Ему уже под сорок, а ума — как у восьмилетнего.

— Как же он с таким умишком управляет своим серебряным хозяйством? — заинтересовался Чумелый.

— Родственники и всяческие советники помогают.

— Вот они-то и забьют ему памороки (*укр.* — сознание, рассудок. *Прим. ред.*), чтобы не связывался с нами, — проворчал Бристоль.

Ворон кивнул:

— Верно... Обязательно будут отговаривать покупать статую Свободы. Значит, надо их опередить. И я уже это сделал. Сегодня недоразвитый «серебряный мальчик» получил письмо, которое мне якобы удалось перехватить. А написал его сам президент Америки Вудро Вильсон своему другу — миллионеру из Оклахомы.

— Сам такое фуфло замастырил? — усмехнулся Бристоль.

— Помогли толковые люди, — скромно признался Ворон. — Так вот, в письме говорится, что из-за нехватки в стране финансов президент, при поддержке Конгресса, решил продать в частные руки статую Свободы. И хочет, чтобы его приятель опередил других претендентов на великое достояние государства. Вильсон также просит приятеля пока никому не говорить о предстоящей продаже. Она якобы держится в строжайшем секрете. А «серебряному мальчику», благодаря мне, уже нашептали с разных сторон, что дружка президента можно опередить с помощью продажных чиновников.

— Да не клюнет на твой понт этот Анжель! — разочарованно махнул рукой Бристоль.

— Из-за одного письма, конечно, — нет, — согласился Ворон. — Но в ход пущены и другие документы. Готов контракт, по которому Анжель первоначально должен уплатить всего лишь один процент от стоимости статуи Свободы. А остальное он может внести в течение трех лет после покупки. Согласитесь — выгодное приобретение...

— И сколько ты за нее хочешь поиметь? — поинтересовался Чумелый так, словно знаменитая статуя, гордость Нью-Йорка, принадлежит его другу.

Ворон довольно улыбнулся:

— «Серебряному мальчику» я представил счет на сто тысяч долларов.

— Значит, за все фуфловые бумажки, которые ты ему впарил, он должен отшнуровать одну тысячу?.. — подсчитал Бристоль. — Ну, на это еще можно крючкануть фраера.

— Ясное дело, — кивнул Ворон, — вряд ли во всей Америке найдется придурок, который выплатит сразу всю сумму. А нам и одного процента достаточно. Главное — заполучить копию контракта на продажу статуи Свободы. И тогда наш незабвенный Монечка проигрывает пари. И, как честный шнеерзон, он ведет нас ужинать на Пятую авеню в «Золотое ранчо» и расплачивается не только за ужин, но и за проигрыш.

Бристоль почесал затылок. Хотелось ему верить в удачу, но все же что-то настораживало его.

— А где будет происходить сделка?

— Есть два варианта: либо в отеле, где остановился «серебряный мальчик», либо в нашей конторе, — охотно пояснил Ворон.

— Значит, опять на один денек снимем помещение, — усмехнулся Чумелый.

— Нет, на сей раз — на три. Пацаны Анжеля перед самой сделкой будут вынюхивать, с кем предстоит иметь дело, и наверняка захотят наведаться в нашу контору, — ответил Ворон. — Так что три дня аренды — в самый раз.

Ранние визитеры

Не было еще семи утра, когда в номер приятелей настойчиво постучали. Чертыхаясь и позевывая, Ворон распахнул дверь.

На пороге стояли двое крепких ребят — явно выходцев из Южной Америки.

Они сообщили, что «серебряный мальчик» готов подписать контракт завтра, но требует немедленной встречи. У него возникли кое-какие вопросы.

— А чего в такую рань? — недовольно спросил Ворон.

Гости лишь развели руками.

— Наш «серебряный мальчик» любит серьезные дела начинать с рассвета... — пояснил один.

— Какой трудяга ваш хозяин! Неужели вкалывает с рассвета до заката?

— Но, — поправил другой гость, — с полудня синьор Анжель предпочитает отдаваться удовольствиям и развлечениям.

Тем временем проснулись Бристоль и Чумелый.

— Серега, мы с тобой, — заявили оба.

— Сам справлюсь, — отрезал Ворон. — Думаю, разговор не долгим будет. Раз Анжель готов завтра подписать контракт.

Бристоль поморщился:

— Не нравятся мне такие ранние визиты...

Ворон махнул рукой, но ничего не ответил. Он быстро собрался, прихватил нужные документы и отбыл с парнями «серебряного мальчика».

Бристоль и Чумелый хотели снова завалиться спать. Но все нарастающее беспокойство прогнало сон.

Как нередко бывало в минуты напряженного ожидания, Бристоль взял гитару.

Родом я с шальной Молдаванки
И с Одессой с пеленок на «ты»,
Где под теплый шелест акаций
По ночам я мастырил тырки...

Обычно эту песню Чумелый мог слушать по нескольку раз в день. А здесь, в Нью-Йорке, вдали от родимой Одессы, когда ее затягивал под гитару Бристоль, даже пускал слезу.

Но в то утро ему было не до песен.

— Кончай трындычить, и так на душе муторно, — сказал Чумелый приятелю.

Но тот, прикрыв глаза, самозабвенно продолжал.

Фарт меня подталкивал в спину,
Но однажды, видать, он уснул.
И под фраерский «хай»
И под псовую дудку
На семерку меня замели...

Чумелый принялся нервно вышагивать по номеру. А Бристоль повалился на кровать, не выпуская из рук гитару.

До свиданья, моя Молдаванка.
Ты прости, Одесса, меня.
Может свидимся?
А может, мне амбу
Уготовила тетка Сибирь.
Будет бить она холодами,
Лед вгонять в молодую кровь.
Но и там, под ее минусами,
Никогда не забуду —
Что?..
Родом я с шальной Молдаванки
И с Одессой с пеленок на «ты»,
Где под теплый шелест акаций
По ночам я мастырил тырки.

Опоздавшие стволы

В дверь снова постучали. Но теперь тихо и робко.

Бристоль отложил гитару и вскочил с кровати. Приятели переглянулись.

— Может, заявилась прислуга угомонить твое песнопение? — предположил Чумелый.

— Вряд ли... Но точно: это не Ворон, — сказал Бристоль и пошел открывать дверь.

В номер вошел юркий человек неопределенного возраста, но с явными криминальными замашками.

— Вам посылочка, джентльмены, — суетливо оглядев комнату, сообщил гость. — Здесь все, что заказывал ваш приятель. Кстати, где он? — юркий человек снова зыркнул по сторонам.

— Скоро вернется, — недовольно ответил Чумелый.

— Зачем он тебе? — поинтересовался Бристоль.

— Приятель вам сам объяснит... Ладно, мне ждать некогда. Раз все оплачено, сматываюсь, — заявил гость.

Он положил сверток на стол и мгновенно исчез.

Друзья осторожно развернули плотную бумагу.

— Ого!.. — Бристоль даже присвистнул. — Два кольта, маузер и не меньше сотни патронов... Пушки-духарики в хорошем состоянии. Видать, Серега почуял недоброе, раз такое снаряжение заказал.

— Сам почуял, а нам ничего не шепнул, — проверяя оружие, пробормотал Чумелый. — Как бы не запоздавшими оказались эти стволы...

На тропинке Центрального парка

Его слова оказались пророческими: Ворон не вернулся.

Лишь на следующий день Чумелому и Бристолю удалось выяснить, как погиб их друг.

Знакомые воры с Пенсильванского вокзала сообщили одесситам, что Ворона привезли не в отель к «серебряному мальчику», а в Центральный парк.

Там Анжель поджидал его с несколькими своими головорезами. О чем шел короткий разговор в пустынном парке — даже всеведущие жулики с Пенсильванского вокзала не смогли прознать.

В утренней тишине прозвучало с десяток выстрелов из разных стволов. Серега успел лишь выхватить финку и полоснуть по шее одному из противников.

Так и остались лежать на тропинке Центрального парка: вор из далекой Одессы и бандит из Южной Америки.

«Серебряный мальчик» не пожелал или не успел увезти своего убитого подручного.

Месть одесситов

От Ворона приятели слышали, что Анжель со своими «быками» остановился в Вашингтон-сквер отеле.

— Эта падла не должна ходить по земле, — сказал Бристоль.

— Не должна, — кивнул Чумелый. — Одесса-мама не поймет нас, если не сыграем хану «серебряному мальчику».

Они добрались до Вашингтон-сквер отеля вовремя. У входа стояли два новеньких форда. Люди поспешно загружали в них чемоданы.

Бристоль и Чумелый даже издалека узнали среди суетившихся возле автомобилей тех, кто приезжал вчера на рассвете за Вороном.

Приятели переглянулись и спрятались за стволами деревьев. Выжидали молча. Обменивались только взглядами и жестами.

Наконец появился Анжель. Бристоль и Чумелый не видели его ни разу, но мгновенно сообразили, что это именно он. Все так же молча они кивнули друг другу и выхватили пистолеты.

Атака была столь стремительной, что в ответ не последовало ни одного выстрела. Двое головорезов «серебряного мальчика» замертво рухнули на мостовую. Шофер второго автомобиля ткнулся окровавленной головой в руль и затих. Сам Анжель, с простреленной грудью, все же успел прыгнуть в первый форд.

Машина мгновенно рванула с места.

Достали ли выстрелы вдогонку «серебряного мальчика» — Бристоль и Чумелый так и не поняли.

В свой отель они уже не вернулись. Решили не рисковать. Сразу отправились на квартиру к земляку в Южный Бронкс. Там и договорились несколько дней переждать и подумать, чем заняться дальше.

Поворот судьбы

А утром к ним заявился нежданный гость издалека.

— Ай, здравствуйте! Не надо лишних слов. Я знаю, какое горе постигло вас. Поверьте: это и мое горе...

Глаза Монечки, и без того всегда красные и слезливые, стали еще красней и печальней.

— Ворон был славным юношей и умел толково «лепить панамы» и чисто лопошить фреев. Он никогда не был фуфлыжником. Потому берусь похоронить его как человека.

Старик неожиданно усмехнулся:

— Правда, Ворон думал: добряк Монечка настолько сделался дряхлым, что забыл, заключая пари, упомянуть минимальную сумму, за которую надо продать статую Свободы. Предъяви он контракт хоть на один доллар, я бы все равно считался проигравшим...

Монечка хитро взглянул на приятелей.

— Но я ничего не забываю... — Он сделал многозначительную паузу и заговорил о другом. — Ну, а вы что собираетесь делать?..

— Если Анжель не сковырнулся, доведем его до гроба, по-скорому срубим в Нью-Йорке деньжат и — айда на Одессу, — ответил Бристоль.

Старый шнеерзон покачал головой:

— «Серебряный мальчик» остался живым, но теперь скрывается, и явно не в Нью-Йорке. Так что он пока не доступен. А насчет Одессы — забудьте. Нет уже больше старой доброй «мамы». Война шумит в Европе. Грядут большие перемены...

— А чё нам в этом Нью-Йорке без Ворона делать? — обреченно махнул рукой Чумелый.

Монечка вздохнул.

— По правде говоря, я ввязался в дурацкое пари с Вороном лишь потому, что собрался переезжать в Нью-Йорк. — Старик сделал многозначительную паузу и продолжил. — Я знал: здесь мне понадобятся расторопные и умненькие юноши...

Бристоль и Чумелый выжидающе и с удивлением уставились на Монечку.

— Ша! — резко взмахнул рукой старик. — Не говорите только, что из-за бестолкового спора на мне есть хоть одна капля крови Ворона!

Бристоль затряс головой:

— Нет-нет, Монечка, ты чист. Серега сам «лепил панаму» «серебряному мальчику» и другим, и мы помогали ему. Нет на тебе его крови. Любое толковище подтвердит: ты чист...

Торговец фальшивыми драгоценностями остался удовлетворен словами Бристоля.

— Так вот, здесь, в Нью-Йорке, у меня начинается новая жизнь. Открываю свое ювелирное дело, и больше — никакого блатняка, — старик пристально посмотрел в глаза приятелям. — Согласны работать на меня? Это может быть для вас весьма счастливый поворот судьбы...

— А чё ж делать, если в кармане пусто, а Одесса не ждет тебя? — вздохнул Чумелый.

— Согласен! — после секундного колебания ответил Бристоль...

«Больше никогда»

... — Это знаменитый магазин Хауста, — сказал Стив и кивнул на пятиэтажное здание на углу Бродвея и Брум-стрит. — Его построили еще в 1857 году. Здесь до Второй мировой войны располагалась ювелирная компания моего прадеда...

Стив резко повернулся ко мне:

— Но ты ведь не забудешь наш уговор, не так ли?

— Какой?

Стив сделал нарочито строгое лицо и поднял вверх указательный палец:

— Ни при каких обстоятельствах не называть фамилию моего прадеда. У нашей ювелирной компании хорошая репутация. Не стоит бросать на нее тень, даже столетней давности...

Я приложил руку к сердцу и заверил:

— Ни фамилии твоего предка, ни названия фирмы не разглашу!..

Стив улыбнулся и продолжил рассказ.

— Бристоль и Чумелый верно служили моему прадеду. При этом они все же сумели отомстить за Ворона. Точно не знаю, но каким-то образом, благодаря моему предку, приятели-одесситы сурово подставили «серебряного мальчика» с фальшивыми бриллиантами. Короче, из-за этого Анжеля убили его же близкие...

А Ворона, как и обещал мой прадед, похоронили достойно на каком-то нью-йоркском кладбище. Мне в детстве говорили, но я забыл, где точно. А вот старую фотографию его могильной плиты помню отлично. На ней — странная для Америки надпись, придуманная моим предком: «Здесь покоится тот самый Ворон. Рожденный в Одессе, погибший в Нью-Йорке».

А дальше были выбиты строки из столь любимого Вороном Эдгара По:

Наконец я птице кинул: «Раньше скрылись без следа
Все друзья; ты завтра сгинешь безнадежно!..» Он тогда
Каркнул: «Больше никогда!..

Где-то горит звезда

Бесконечна ночь утраты,
И темна стезя.
Умирающий уходит,
И вернуть нельзя.
Он все дальше от надежды
На пути своем.
Но несбыточней надежда
Умереть вдвоем.
И не легче пригвожденным
К одному кресту.
Все равно уходит каждый
На свою звезду...

Хуан Хименес

Негаснущая вспышка

...Доктор склоняется надо мной. В глазах усталость, тревога, беспокойство. Кажется или на самом деле он шепчет:

— Чернобыль бесследно не проходит... Не проходит...

У доктора сдвинулась набок шапочка. И от этого в одно мгновение он стал похож на веселого пирата из мультфильма.

— Пульс! Пульс!

Лицо доктора затягивается дымкой.

— Выживешь... Выживешь... — голос его становится глуше, как будто доносится из подземелья.

Но пока можно разобрать слова:

— Выживешь! И еще походишь по морям и по дальним странам... Только не сдавайся! Не сдавайся...

И наступила тишина.

Потом удар молнии. Она сверкнула не в небесах, а где-то в глубине моего сознания. Негаснущая вспышка... Грохот...

И доктор, и вся операционная, и я сам опрокидываемся в прошлое...

* * *

...По знакомым улицам лениво разлетается тополиный пух. Он медленно оседает на тротуарах и мостовых, цепляется за одежды прохожих...

Париж. Туман. Аэропорт Орли. Маленькая стюардесса плачет. У ее ног букет синих тюльпанов. Худенькие плечи вздрагивают, но никто не обращает на нее внимания.

— Что с вами? Вас кто-то обидел?

Рысь метнулась в таежную чащу, и долго-долго раскачивались, освобождаясь от снега, еловые ветви...

Старый рыбак поднял над шаландой парус, приложил ладонь ко лбу и что-то разглядывает на горизонте. А может, ждет попутного ветра...

Взрыв! Над атомной электростанцией зловещий дым. Дым разъедает глаза. Он безжалостен. Ему нет дела до страданий людей.

Тревога! Тревога! Тревога!

Зловещий дым все выше и выше...

Где это происходит? В Америке? В России?

Идут по улице Нью-Йорка, а может Вашингтона или Сан-Франциско, люди, так не похожие друг на друга, такие разные: усталые и бодрые, веселые и грустные, озабоченные и безмятежные, — и все-таки чем-то похожие на Джейн...

Мы вдруг поняли: не нужно больше слов. Они будут лишними, грубыми, чуждыми...

Они могли вспугнуть наше дыхание, взгляды, мысли, желания, сон реки, шуршание листьев, вздохи ветра, дрожащие огни на воде...

Щедрая ночь швырнула пригоршню звезд. Они влетели в открытое окно и застыли на груди и губах Джейн. И я целовал, целовал, целовал их...

Семизвездная Медведица оберегала нас и спокойствие ночи, украдкой следила за нами из-за ветвей могучего клена. Потом ей, наверное, надоели дела земные, и она скрылась за густой листвой...

Джейн прижала горячие ладони к моему лицу.

— Тебя арестуют в Москве?

— За что?

— За связь со мной...

Я молча усмехнулся.

Она взглянула мне в глаза. Будто ворвалась в самую потаенную глубину сознания.

Сказала буднично и ровно:

— Я люблю тебя...

— Таким тоном дикторы сообщают о погоде на другом континенте, в далеких-далеких землях...

Джейн не дала мне договорить: прикрыла своей ладонью мои губы. Внезапно в ее глазах отразились две звезды. Она зажмурилась и совсем другим тоном, почти шепотом, повторила:

— Слышишь? Люблю...

Вновь вспыхнуло в небе созвездие Большой Медведицы. Ахнул створками окна ветер. Прозрачная занавеска на мгновение взметнулась. Пискнула вдали ночная птица. Вздохнули старые клены.

И я понял: это правда!..

Мы оба посмотрели в окно: время, когда спит даже ночь...

Я еще раз поцеловал Джейн:

— Ты моя Америка. Моя неоткрытая, таинственная Америка...

Москва. Год 1987-й

«...Так что надеюсь, дорогая моя кузина Кэт, оформление моей поездки в США будет не таким затяжным, как десять лет назад, в 70-х годах. Иные времена. Хорошие ли, плохие, но иные...

В общем, оформленный паспорт и билеты у меня в руках.

Спасибо, Кэт, за приглашение в Соединенные Штаты. Надеюсь, скоро увидимся в Нью-Йорке, даже если наши письма вскрывают.

Привет тете Анне, Биллу, Дэвиду и всем, кто помнит меня и ждет.

P.S. Чуть снова не забыл о своей просьбе. Тогда, в 77-м, на свадьбе у Билла, меня кто-то познакомил с Джейн. Мать у нее русская. Во время Второй мировой войны была насильно вывезена в Германию. А в конце сороковых оказалась в Соединенных Штатах. Так что Джейн родилась в Америке, но неплохо говорит по-русски.

Вспомнила?..

Когда я вернулся в Москву, исчезла моя записная книжка. А в ней адрес и телефон Джейн. Сколько раз собирался написать тебе и попросить ее координаты!..

За десять лет так и не удосужился это сделать. Конечно же, главная причина не в записной книжке. Как говорится, жизнь закружила... Новые встречи... Иные разлуки, другие дороги...

А теперь вот, собираясь в Соединенные Штаты, вспомнил и Джейн, и наши с ней путешествия по Нью-Йорку, и все, что было тогда, в конце семидесятых...

В общем, Кэт, надеюсь на тебя. Мне очень хочется встретиться с ней...»

* * *

Я готовился помчаться в далекую нью-йоркскую ночь... В ту, что много лет назад постарался запереть в самые глухие углы своей памяти...

А теперь мне кажется: прошлое раскачивает невидимый маятник и равнодушно приговаривает: «День-ночь... День-ночь...»

Маятник-невидимка раскачивается все быстрее. Я подставляю ладони то под солнечный, то под лунный свет. Словно этим пытаюсь поймать время...

День-ночь... День-ночь...

А время просачивается в прошлое: полднями, зорями, вечерами: день-ночь... день-ночь...

Крепче, крепче сжимайтесь, пальцы! Нет, не удержать им время...

Что мне теперь глубина многолетья? Ты была, ты есть...

Верю!

Значит, ты существуешь!..

Но сквозь сжатые пальцы уходят в прошлое мои зори, полдни, вечера...

Рейс Москва — Нью-Йорк. Год 1977-й

...До вылета в Нью-Йорк оставалось 55 минут.

Отец игриво подмигнул симпатичной сотруднице таможни и вошел под желтую арку детектора металлов.

Зазвенело.

Девушка нахмурилась.

— Выложите все из карманов: ключи, зажигалки, металлические предметы. Снимите часы.

Отец поспешно выполнил указание и снова шагнул под желтую арку. Упрямый прибор продолжал настаивать на своем. Звон повторился.

За моей спиной остряк из очереди серьезно заметил:

— Все ясно. У него спрятано оружие. Это главарь мафии.

— Очки, ремень, ключи, монеты... — монотонно произнесла сотрудница таможни.

— Больше ничего металлического... — Отец развел руками.

Но неумолимый детектор продолжал враждебно звенеть.

Отец вдруг хлопнул себя по лбу.

— О черт! Осколок бомбы! Напоминание о Берлине сорок пятого года...

Таможенница понимающе кивнула головой и сделала жест рукой: проходите.

А через тридцать минут мы уже сидели в самолете.

Рейс Москва — Нью-Йорк.

Взлет...

Мои путешествия — это не только тайны в пространстве и во времени, но и тайны человеческой души, мышления, поступков и деяний. Каждая встреча, пусть даже самая мимолетная — тоже путешествие: к человеку, его жизни, истории, проблемам...

Пассажир рядом с нами несколько раз перекрестился. Его тоненькие седые усы нервно вздрагивали. Он смешно морщил мясистый нос, ерзал в своем кресле, озирался, бросал настороженные взгляды на меня и отца, бормотал что-то неразборчивое.

Потом он вдруг резко выдохнул, блаженно улыбнулся, расслабился и отчетливо произнес:

— Слава богу! Пронесло!

Я вопросительно взглянул на него.

И сосед пояснил.

— Гостил я на родине, на Украине. Четверть века не был там, не видел родных. А теперь возвращаюсь домой у Канаду. Боялся, КГБ сцапает. Это ж надо! Разрешили встретиться с родичами, поцеловать хату, где родился.

— А почему вас это удивляет?

— Та я ж бандеровец. Драпанул в сорок пятом у Германию, а потом у Канаду.

— И много ты людей угробил? — отец покосился на соседа.

— Та никого я не гробил. Я у Стэпана Бандэры в ординарцах служил...

* * *

Тревога Америки — это моя тревога!

Америка для меня — не просто далекая страна за океаном.

Она приютила моего деда в девятьсот шестом, когда он бежал из России от царской расправы. Ему грозила виселица.

Повезло. Сумел бежать. У каждого в жизни случается свой Великий исход — жизненно важная необходимость отправиться вдаль от родных берегов, в неведомые края.

Здесь, в Америке, родился мой отец, его старшая сестра Анна и его братья.

Здесь живут мои родные и друзья.

Здесь я встречу Джейн...

Но это произойдет потом.

А пока мы с отцом мчимся в «Боинге» через Европу и Атлантику навстречу американским родным и друзьям, навстречу новым тайнам на карте Земли.

Первая прогулка по Бродвею

Асфальт — стекло.
Иду и звеню.
Леса и травинки —
сбриты.
На север
с юга
идут авеню,
на запад с востока —
стриты.
А между —

(куда их строитель завез!) —
дома
невозможной длины.
Одни дома
длиною до звезд,
другие —
длиной до луны.

Есть, что поглядеть
московской братве.
И за день
в конец не дойдут.
Это Нью-Йорк.
Это Бродвей.

Владимир Маяковский

... — Днем?! На Бродвей?! Что ты там увидишь? Это так же нелепо, как рассматривать рано утром лицо женщины, когда она еще не воспользовалась косметикой...

Советы американских друзей.

Я их выслушал и отправился... днем.

Знаменитый!
Роскошный!
Порочный!
Таинственный!
Несчастный!
Удачливый!
Проклятый!
Сверкающий!
Жестокий!..

Он чувствовал себя неуверенно без рекламных огней и горящих витрин. Он растерянно жмурился от солнечных лучей. Отдыхал от ночной работы.

В тридцатых годах Илья Ильф и Евгений Петров, побывав здесь, писали: «Мы стояли на самом популярном углу в Штатах, на углу 42-й и Бродвея.“Великий Белый Путь”,

как американцы титулуют Бродвей, расстилался перед нами.

Здесь электричество низведено (или поднято, если хотите) до уровня дрессированного животного в цирке. Здесь его заставили кривляться, прыгать через препятствия, подмигивать, отплясывать. Спокойное эдисоновское электричество превратили в дуровского морского льва. Оно ловит носом мячи, жонглирует, умирает, оживает, делает все, что ему прикажут.

Электрический парад никогда не прекращается. Огни реклам вспыхивают, вращаются и гаснут, чтобы сейчас же снова засверкать; буквы, большие и маленькие, белые, красные и зеленые, бесконечно убегают куда-то, чтобы через секунду вернуться и возобновить свой неистовый бег.

На Бродвее сосредоточены театры, кинематографы и дансинги города. Десятки тысяч людей движутся по троту-

Бродвей днем

арам. Нью-Йорк один из немногих городов мира, где население гуляет на определенной улице. Подъезды кино освещены так, что, кажется, прибавь еще одну лампочку — и все взорвется от чрезмерного света, все пойдет к чертям собачьим. Но эту лампочку некуда было бы воткнуть, нет места...»

Что изменилось на Бродвее с той поры, как о нем писали Ильф и Петров?

Многие утверждают, в облике американских городов есть что-то враждебное, холодное. Особенно достается Нью-Йорку.

Мне повезло. Я увидел Бродвей в лучах августовского солнца.

Резкие границы света и тени на домах, сочетание цветов напомнили мне картины Сарояна.

Солнце отыскивало темные закоулки и освещало их. Торопилось. Оно спешило уничтожить все, что напоминало ночь.

Скорей, пока не настали новые сумерки! Пока тысячи рекламных огней не охватили знаменитую улицу. Пока не началась другая — вечерняя жизнь Бродвея.

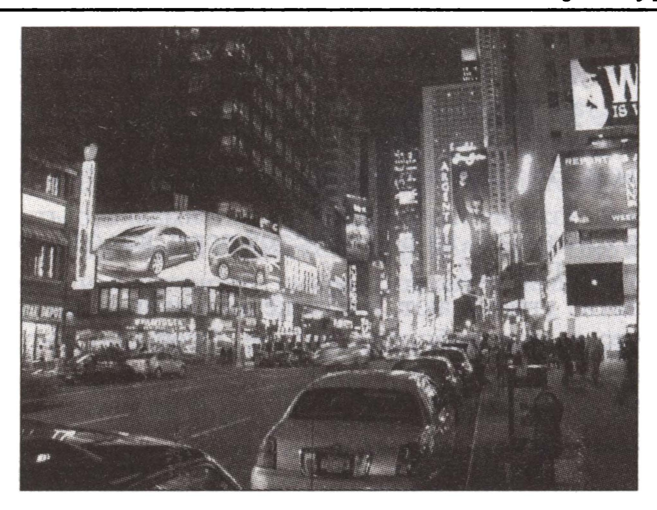
Прохожие шли нервно и торопливо. Будто стыдились отдыхающих витрин ресторанов и магазинов, усталых тротуаров, сонных окон домов.

Зато молодые люди с кошачьей походкой никуда не спешили.

Они вкрадчиво предлагали побывать в отеле, где гарантируется неразглашение тайны. Где всех ждет «царство полной раскованности и наслаждения».

В витрине одного туристического агентства, рядом с призывом «стряхнуть обыденность будней и отправиться на поиски приключений в дальние края», на желтой доске синими буквами было написано изречение английского путешественника XIX века Джона Дундаса Кокрена:

«Куда бы ни привел тебя твой путь, среди каких бы жестоких дикарей и хищных зверей ты ни странствовал, на-

Бродвей. «Дрессированное» электричество

блюдай за Человеком, цивилизованным или диким, к какому бы племени он ни принадлежал, какому богу ни поклонялся.

О жестокости его обычаев суди благосклонно. На обиды и дурное отношение, которые могут выпасть на твою долю во время путешествия, не отвечай тем же.

Не обращай внимания на случайные обстоятельства, не единожды заставлявшие людей отказываться от самых лучших намерений и лишившие мир многих полезных открытий. Не вмешивайся в политику. Никогда не забывай, что самым увлекательным объектом исследования является Человек...»

«Входите тесными вратами»

Ближе к полудню на Бродвее появились какие-то агитаторы и проповедники. В каждом квартале звучали разные призывы, рассуждения, речи, смахивающие на лекции.

Один из проповедников Бродвея стоял неподвижно и дивным басом запугивал прохожих:

— Остановитесь! Оглянитесь! Посмотрите на небо, на землю! Запомните! Всего этого завтра не будет! Род человеческий доживает последние дни! Мы выбрали не тот путь и за это страдаем. Мы в тупике! Перед нами — стена и обрыв!

Нет религии!

Нет Бога!

Супервера — вот в чем единственное спасение! Только верящий в суперразум спасется!

Прохожие были не из пугливых, и даже громовой голос сына Бродвея не мог задержать их.

Сколько же здесь проповедников — «сыновей Бродвея»?

Через двадцать метров — еще один.

Этот не запугивал. И не ходил кошачьей походкой. Он размышлял! Уселся на самодельный стульчик, сжал в кулаке свою рыжую бороду и размышлял.

О чем?

Конечно же, о великом. О жизни... О смерти...

Он не призывал, а как бы задавал вопросы то ли прохожим, то ли самому себе:

— А верен ли наш путь? Чем закончится Великий исход человечества? Не окажется ли американская земля нашим конечным пунктом, последней и вечной остановкой движения и развития человека?..

Он швырял в толпу мысли, достойные Демокрита. Но они неблагодарными рыбками уходили в пучину толпы. Никто не отзывался ему. Никто не замедлял шаг, никто не хотел отвечать на его вопросы.

Я остановился и прислушался к следующему проповеднику.

Высокий парень, похожий на студента-старшекурсника, размахивал Библией и цитировал из нее строки:

— «Ищите и найдете; стучите, и отворят вам; ибо всякий просящий получает, и ищущий находит, и стучащему отворят... Входите тесными вратами; потому что широки вра-

та и пространен путь, ведущий в погибель, и многие идут им; потому что тесны врата и узок путь, ведущие в жизнь, и немногие находят их...»

Парень перестал цитировать и размахивать Библией.

— Послушайте! — обращался он к прохожим. — Упадок религии означает сокращение числа людей, ищущих, желающих познать, постичь тайны, идти праведным путем...

Древние люди обладали знаниями, которые мы утратили. Так отправимся же в Великий исход на поиск мудрости древних, во спасение человечества!

Парня с Библией в руках стал теснить другой проповедник, наглый, решительный, горластый:

— Человек — самый коварный из всех зверей... Ни один вид не уничтожает друг друга в таком количестве. Даже скорпионы! Неужели скорпионы мудрее нас?!

Хотелось возразить «сыну Бродвея»: все же велик Человек, а не скорпион. Хотя... Хотя, действительно, ни извержения вулканов и землетрясения, ни цунами и засухи сегодня не приносят человеку столько горя, сколько приносит он сам себе... И кто знает, может, действительно, не успеет долететь до земли какой-нибудь гибельный для всего живого астероид или метеорит, а человек уже уничтожит сам себя своей глупостью...

А «сын Бродвея» продолжал скорбную проповедь.

— Человек изощрен в убийстве. Мало ему естественной смерти, он придумал новые болезни, выращивает и накапливает смертоносные вирусы. Изобрел ядерное и химическое оружие! Сегодня человек украсил идейной формой древний вид самоуничтожения — террор! Тотальный терроризм — это новая мировая война. Она уже охватила всю планету. У нее нет флангов и тыла. Она уничтожает всех без разбора и жалости: мирных людей и воинов, стариков и младенцев. От этой войны ни сбежать, ни укрыться...

Рядом со мной появился мальчишка — продавец газет. Он не выкрикивал сенсационные заголовки, не призывал покупать, а вежливо, с достоинством протягивал прохожим

газеты. Мальчишка смотрел прямо в глаза и доверительно, негромким голосом, сообщал:

— Еще одно загадочное убийство. Три выстрела в затылок. Полиция считает, что это либо рука мафии, либо — террористов...

Может, случайно, а может, нет, в этот день «сыновья Бродвея» много говорили о политических убийствах, о терроризме, о глобальной проблеме выживания человечества.

Моя первая, ознакомительная, беспечная прогулка по Бродвею завершилась невеселыми раздумьями...

У ветра свои печали

К вечеру над Нью-Йорком нахмурилось небо. Погода испортилась. За окнами моей гостиницы на унылой флейте ветер играл скорбный ноктюрн.

О чем грустил ветер?

У ветра свои печали. Нам не дано проникнуть в его думы, понять его заботы и тревоги...

Точка. Я закрыл блокнот с записями.

По стеклам окон хлестал ливень. Далеко над Гудзоном сверкали короткие, мелкие молнии. Такие мелкие, что, казалось, грому даже не хотелось расходовать свои раскаты на их сопровождение. Молнии злились, сверкали все чаще, но гром молчал.

Мне хотелось думать о солнце. Но тучи, тяжелые, будто из чугуна, не давали даже мысленно пробиться сквозь них. Вверх! Туда, где, свободное от людских проблем, совершает свой космический путь наше светило.

Тем временем диктор на экране телевизора буднично сообщал: «Вчера группой террористов был захвачен пассажирский самолет... До сих пор террористы не выдвинули никаких требований. К какой организации принадлежат террористы — пока неизвестно, так же как неизвестно, в каком состоянии заложники — пассажиры авиалайнера...»

Тревога Америки — это моя тревога.

Голос диктора — унылый, как дождь за окном. Дождю все равно. Ему наплевать на слова диктора, на захваченных в заложники людей и на все беды человечества.

Капли на стекле, как жилки на руках. В них нервное напряжение дня. Но какое-то свое, чуждое людям. Капли живут по своим законам, у них свои тайны. Им все равно: убит президент страны или безработный. Погиб ли от взрыва один человек или сотни. Смывают ли они со щеки человека слезы радости или кровь.

Их не волнует, что в мире из-за выстрелов будет меньше поцелуев, ласковых взглядов, нежных объятий...

А дождь все льет и льет. И капли на стекле живут по своим законам. У них свои тайны.

«Пусть придут ко мне...»

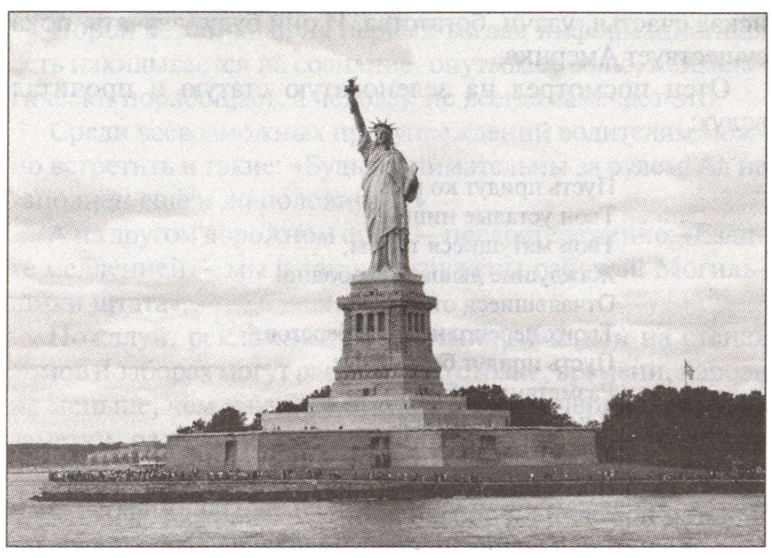
У нее множество названий и эпитетов: «Леди Свобода», «Озаряющая мрак», «Зовущая изгнанников», «Величественный символ Нью-Йорка и США», «Свобода, несущая свет миру» и многие другие.

В любом туристическом нью-йоркском справочнике указано, что знаменитая статуя Свободы подарена Францией в память о союзе двух государств в годы борьбы за независимость Соединенных Штатов, и что установлена она на острове Либерти-Айленд, на месте крепости Форт-Вуд, которая когда-то защищала гавань Нью-Йорка. Высота скульптуры, вместе с гранитным пьедесталом, — 93 метра.

Экскурсоводы рассказывают, что при сильном ветре это монументальное творение раскачивается.

Выполнена она по эскизу скульптора Фредерика Огюста Бартольди. Но автором идеи ее создания был французский ученый Эдуард Рене Лефевр де Лабулайе. А каркас статуи Свободы проектировал инженер Гюстав Эйфель — впоследствии прославившийся возведением в Париже башни, носящей его имя.

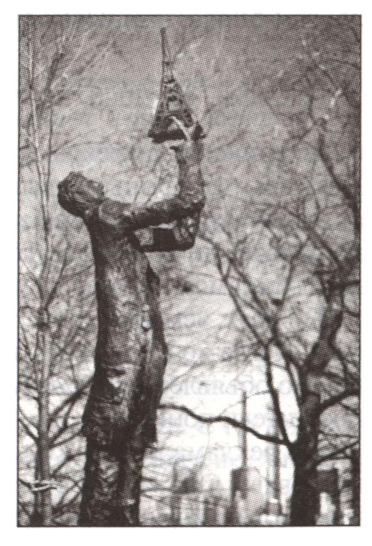

Либерти-Айленд. Статуя Свободы

Открытие статуи Свободы состоялось в октябре 1886 года. И вот с тех пор, с факелом в высоко поднятой руке, она возвышается над нью-йоркской гаванью, как бы и оберегая город, и призывая в него представителей разных народов.

... — Эти строки мы учили в школе в начале тридцатых, — сказал отец. — Нам рассказывали, что слова, высеченные на постаменте статуи Свободы, обращены ко всему миру, к миллионам людей, покинувших родину, спасаясь от гонений, голода, нищеты, в по-

Памятник Г. Эйфелю на Либерти-Айленд

исках счастья, удачи, богатства. И они будут звучать, пока существует Америка...

Отец посмотрел на зеленоватую статую и прочитал вслух:

Пусть придут ко мне
Твои усталые нищие,
Твои мятущиеся толпы,
Жаждущие дышать свободно.
Отчаявшиеся отбросы
Твоих переполненных берегов.
Пусть придут бездомные,
Разметанные бурей,
Я поднимаю факел
У золотых ворот...

Отец помедлил и добавил:

— Кажется, Теодор Драйзер говорил: «Пусть каждый, для кого личный исход завершился на американской земле, сам определяет верность этих слов...»

Реклама, надписи, послания

Американскую рекламу часто ругают сами американцы. Называют ее пронырливым тараканом, который пролезает всюду и не дает покоя ни днем, ни ночью, ни дома, ни на работе, ни во время отпуска. Жалуются, что она стала неотъемлемой частью американской жизни.

Говорят, чем абсурднее реклама, тем легче она запоминается. Когда-то в одном из нью-йоркских баров долгие годы висело объявление: «*Завтра пиво бесплатное*». Конечно же, посетители понимали, что это обман, но не обижались.

Но реклама не только информирует, забавляет или обманывает. Она может стать грозным элементом нетрадиционного оружия психологического влияния для завоевания без выстрелов какой-нибудь страны, порабощения одного народа другим.

Порой безобидная на первый взгляд информационная сеть накидывается на сознание, опутывает волю, психологически порабощает, а человек не всегда замечает это.

Среди всевозможных предупреждений водителям можно встретить и такие: «Будьте внимательны за рулем! Ад не заполнен еще и до половины!..»

А на другом дорожном щите — предостережение: «Ездите медленней — мы и так перегружены работой! Могильщики штата».

Пожалуй, рекламные объявления, надписи на стенах домов и заборах могут рассказать о стране, времени, народе не меньше, чем научные статьи, книги, очерки, газетные заметки, радио и телепередачи.

Один нью-йоркский чиновник посетовал мне, что вольные, неофициальные надписи и рисунки на стенах зданий «пока еще неразрешенная беда города».

Я соглашался с его сетованиями, и все же решил записывать «пиратские» послания на нью-йоркских стенах.

«Эй, вы, ублюдки "Черные крысы"! Воспользовались, что мы путешествовали, и добрались до нашей "стены посланий"?

Если вы еще раз сунетесь в наш квартал, мы выпотрошим вам животы.

И не вздумайте трогать Крошку Стива. За него мы прикончим десять "Черных крыс".

"Оранжевые змеи"».

Список Би Дональдсона

Терроризм — не изобретение нашего века. С тех пор как существует политика, совершаются террористические акты.

Почему из года в год это древнее явление становится все грозней, кровавей, опасней? Почему число политических убийств возрастает?..

Мой друг Би Дональдсон, несмотря на свой молодой возраст, пользовался авторитетом среди коллег-юристов. Его знания, порядочность и работоспособность дополнялись родственными связями, нити которых тянулись в Конгресс и даже Белый дом.

В тот год и он и я изучали историю, тактику и стратегию террористического движения. Би знакомил меня с теми, кто борется с терроризмом и с самими террористами.

Мы просиживали вечерами в нью-йоркской квартире Дональдсона и рассуждали, спорили, прогнозировали...

— Чем сильней политическая партия или группировка, тем меньше у нее причин опускаться до политических убийств. Индивидуальный террор — это метод отчаявшихся, попавших в безвыходное положение. К политическому убийству толкают материальная и духовная инфляция, растущая угроза мировой катастрофы, социально-экономический кризис.

У некоторых причиной насилия может быть и личная трагедия. Болезнь, тяжелое материальное положение, обостренное отношение к социальной несправедливости.

Терроризм — это всегда насилие. Но политическое насилие — не всегда терроризм. В борьбе часто бывают вынужденные меры. Чем сильнее государственные репрессии, эксплуатация, расизм, коррупция, тем яростнее сопротивление. В подобных обстоятельствах вынужденные меры бывают необходимы...

Во многом с моим нью-йоркским приятелем мы были согласны, несмотря на разную систему воспитания, на подход ко многим социальным проблемам.

Дональдсон был одним из первых, кто поддержал мою идею о том, что тотальный терроризм, наряду с угрозой мировой войны, экологической катастрофой, земными и космическими катаклизмами, массовыми эпидемиями, духовной деградацией, является составным элементом Глобальной Проблемы Выживания человечества. То есть причиной гибели рода людского.

Как-то вечером Би показал мне составленный им список убитых политических лидеров за последние четверть века и свой анализ этих убийств.

— О моей работе никому ни слова, — предупредил он. — Когда-нибудь я расскажу тебе побольше...

Этого не произойдет.

В список Дональдсона еще не были внесены: гибель президента Исламской Республики Иран Раджаи и премьера Бахонар; гибель лидера панамской революции генерала Торрихоса; убийство премьер-министра Гренады Бишопа; премьер-министров Индии Индиры Ганди и Раджива Ганди; премьер-министра Швеции Улофа Пальме и многих других.

О некоторых из перечисленных терактов Дональдсону так и не суждено будет узнать.

В то время мы лишь смутно понимали, чем могут обернуться наши исследования и слишком близкое прикосновение к опасным тайнам терроризма.

Не связана ли гибель Дональдсона с этим?

До сих пор не могу ответить на такой вопрос.

«Если вы не знаете, что хотите купить, заходите к нам. В нашем супермаркете “это” есть».

Пишут песни и подсыпают яд

Руки творят чудеса...

Они спасают людей и сажают деревья. Руки гладят любимых, скользят по струнам гитары, кормят голубей, варят сталь и выращивают хлеб.

Руки продолжают наши мысли. Так луч продолжает солнце. Так доброта продолжает счастье...

В нью-йоркском баре неподалеку от Центрального парка Би Дональдсон кивнул на невысокого седого мужчину.

— Он был хорошим музыкантом...

Мужчина сидел за соседним столиком. Опущенные плечи, а во взгляде — усталая безнадежность.

— Почему был? — тихо спросил я и тут же заметил: у седого на правой руке не было пальцев.

— Бомба террористов, — поспешно ответил Дональдсон.

— Чем же он им досадил?

— В том то и дело, что ничем. Добрейший человек. Никому не причинял вреда. — Би задумался. — А может, они просто боятся доброты? Как темнота боится света. Как трусость — смелости. Как ложь — правды. Боятся и мстят...

Я снова взглянул на искалеченного музыканта...

Руки пишут песни и подсыпают яд. Дарят цветы и затягивают петлю на шее. Обнимают друзей и швыряют гранату...

«Паршивые “Оранжевые змеи”! Попробуйте только еще писать на нашей “стене посланий”! Скоро мы всерьез займемся вами. Целуйте...!

Привет от “Черных крыс”».

Если вы не были в Бостоне

«...Бостон — третий по значению центр оптовой торговли в США.

Но может стать первым!

Бостон — четвертый банковский центр.

Но может стать первым!

Здесь старейший в стране Гарвардский университет. Здесь рождалась Великая американская революция! Здесь всегда царит демократия!

Бостон — третий по величине город США.

Но может стать первым!

Если вы не были в Бостоне, вы не знаете Америки!..

Прилетайте! Не пожалеете...»

Огромный «Боинг» лихорадило, сотрясало, кидало то вверх, то вниз. Пятидесятиминутный полет из Нью-Йорка в Бостон превратился в пытку. Самолет будто отмахивался крыльями от темных туч, отбивался от злых, надоедливых молний. Казалось, они вот-вот вонзятся в фюзеляж.

Тряска внезапно прекратилась. Резкий бросок вниз — в непроглядную, черную пропасть.

А потом — миллион огней ночного города. «Боинг» не садился, а словно пикировал. Где-то у самой земли он принял горизонтальное положение, и буквально через несколько секунд его шасси лихо коснулись взлетно-посадочной полосы.

Дождь. В лужах дрожат отблески электрических огней. От здания аэропорта к нашему самолету медленно потянулся «хобот-переход».

Потом бесшумный движущийся тротуар. Впереди в ярком освещении, среди толпы вижу лицо тети Анны, старшей сестры отца.

Красное пламя

Я вспомнил, как несколько дней назад в Нью-Йорке Арт Шилдс показал мне журнал 30-х годов. Ее улыбка не вязалась с текстом под фотографией: «Анне Бурлак грозит казнь на электрическом стуле!».

С детства она мечтала стать учительницей. Но в 14 лет пришлось идти работать на фабрику. Семья бедствовала. Заработки были мизерные, работа изнурительная, издевательство администрации.

Анна не желала мириться с этим.

Вскоре она стала профсоюзным активистом, а через несколько лет — членом компартии США.

В те годы рабочие митинги запрещались. Стоило рабочим собраться и начинал говорить оратор, по сигналу осведомителя или кого-нибудь из администрации появлялась полиция. Оратору не давали договорить. Заламывали руки и увозили в полицейский участок.

Анна придумала выход. До начала митинга она просила товарищей приковать себя к дереву или столбу. И нагрянувшие полицейские долго не могли расковать ее. За это время Анна успевала сказать все, что хотела.

Чтобы подорвать ее авторитет среди рабочих, пытались использовать церковь. Она сама слышала, как один священник уговаривал и запугивал прихожан.

— Того, кто пойдет за женщиной по прозвищу «Красное пламя», — ждет преисподняя и мучения...

С легкой, но недоброй руки того священника «Красное пламя» на всю жизнь осталось партийным псевдонимом Анны. Под этим прозвищем ее хорошо знали в международном коммунистическом и рабочем движении.

В 30-м Анну арестовали в очередной раз. Теперь на юге США, в Атланте, в штате Джорджия. Вместе с ней — еще пятерых товарищей. В то время вышло много газет и журналов с сенсационными заголовками: «Дело Атланта-сикс».

Их обвиняли в подстрекательстве населения штата Атланта к бунту против правительства. По старым законам всем шестерым грозила смертная казнь.

Общественность не допустила расправы. Под залог первой удалось освободить Анну. И в тот же день она отправилась по городам Америки, чтобы собрать деньги для освобождения под залог своих товарищей.

Потом была разлука с семьей. В тридцатые годы международная организация помощи революционерам — МОПР — помогла всей семье вернуться в Советский Союз. Говорят, это было личное пожелание товарища Сталина, поскольку они были знакомы с моим дедом еще по батумским событиям и совместной деятельности в начале XX века.

Анна не могла оставить политическую борьбу и осталась гражданкой США. В Москву она все же попала через несколько лет. Училась на курсах Коминтерна. И снова нелегкая деятельность американской коммунистки далеких 30-х годов.

Были долгие месяцы ожидания мужа Арта Тимпсона, когда он сражался с фашистами в Испании, а потом на полях Второй мировой войны. Были снова аресты, работа на нелегальном положении, суд, тюрьма и опять политическая и общественная деятельность...

Изменилась ли с той поры моя Америка?

Мы не виделись с Анной три года с того времени, когда она последний раз посещала Москву. Она сразу увидела отца и меня и помахала рукой.

— Гай! Ники, Вадим, я здесь!..

«*Ваш маленький четвероногий друг перестал играть. В его глазах погасли веселые огоньки.*

Не теряйте время!

Обращайтесь к Рэю Готлибу!

Старина Рэй за умеренную плату вытащит вашего любимца из могилы».

Москва. Год 1987-й

«...*Ты же знаешь, Кэт, как я не люблю писать письма. Так что извини за долгое молчание.*

На днях собираюсь в посольство США, чтобы получить разрешение на свою поездку. И если там ни к чему не придерутся, можно заказывать билет в Нью-Йорк.

Надеюсь, через месяц встретимся.

А пока листаю свои старые блокноты. Просматриваю записи прошлой поездки в США в 1977 году...

И вспоминаю, вспоминаю, вспоминаю...

Нью-Йорк. Поездки по стране. Интересные люди. Загадочные, таинственные места на карте Соединенных Штатов. Необычные истории.

Что устарело, а что актуально и сегодня?.. Изменилась ли с той поры Америка?

Сколько открыто и сколько еще не разгадано ее тайн? Удастся ли в эту поездку соприкоснуться с ними?

P.S. Ты упорно молчишь о Джейн! Напоминаю еще и еще раз! Удалось ли разыскать ее?»

Старый дом на Робсон-стрит

...Бостон. Джамайка Плэйн. Робсон-стрит.

Приветливые клены. Подстриженные травы. Аккуратные разноцветные двух- и трехэтажные домики.

По мокрым после только что прошедшего дождя дощатым ступеням мы поднялись на крыльцо. Пахло недавней грозой и скошенными травами.

Отец положил ладонь на перила. Задумчиво посмотрел по сторонам и обернулся к Анне.

— Как давно я здесь не был...

Тетя открыла входную дверь, и мы вошли в ее квартиру.

Только сейчас я заметил, что дом очень старый. Это чувствовалось по тонким трещинам на стенах и потолке, по скрипучим половицам.

Здесь умер ее муж Арт. Здесь выросли ее дети, мои кузина Кэт и кузен Билл.

Не успела она приготовить кофе — зазвонил телефон.

Тетя проворно подхватила трубку, и лицо ее засияло. По первым фразам я понял: звонит Билл.

Анна передала мне трубку.

— Гай, Вадим! Ты не забыл, что у меня свадьба через пять дней? — пророкотал голос Билла.

— Конечно, помню! Я специально привез из Крыма лучшее шампанское.

— Встречаю вас в Денвере!

Снова звонок. На этот раз — Кэт.

— Они с Дэвидом уже на пути к Бостону, — пояснила тетя. — Приедут часа через два.

И от улыбки тети Анны, и от звонков Кэт и Билла, и от уютных старых комнат я на какое-то время забыл, что нахожусь за тысячи километров от дома.

«Требуйте!
Если Вам у нас что-то не понравилось...
Требуйте!
Если Вам не предоставили то, что Вы хотели...
Требуйте!
Ибо Вы всегда правы».

«На газонах разрешается ходить, валяться, выгуливать кошек и собак...»

Тайные встречи

Тетя Анна притормозила машину и постучала пальцем в боковое стекло.

— Обрати внимание: во-он тот дом, на холме.

Он мало чем отличался от других загородных соседних домов.

Я вопросительно взглянул на тетю.

Ее глаза слегка затуманились.

— После расправы над американской компартией в сорок девятом году мне удавалось некоторое время работать на нелегальном положении. В этом доме товарищи по партии устраивали мне тайные встречи с детьми. Кэт и Билл были совсем маленькими и не могли понять, почему им не давали смотреть в окно машины, когда их везли сюда. Они удивлялись, отчего я не выхожу из дома погулять с ними.

— А как им объясняли то, что вы не живете с ними? — спросил я.

— Арт говорил, будто я нашла работу в другом штате.

— С дядей Артом встречались тоже здесь?

— Нет, за Артом как за мужем коммунистки-подпольщицы могли следить. Поэтому мои товарищи приезжать сюда ему запрещали. А встречались мы в кинотеатре во время позднего сеанса. Товарищи покупали нам билеты. Мы приходили по одному, когда уже шел сеанс. В темноте

держали друг друга за руки и делали вид, что с интересом смотрим на экран. Правила конспирации не позволяли разговаривать. За несколько минут до окончания сеанса уходила я, а через несколько минут — Арт.

— В те суровые времена домой, к Биллу и Кэт, я знаю, вы попали не скоро.

Анна кивнула.

— Дорогу в семью пришлось пройти через тюрьму. В конце концов, меня выследили...

«Черные крысы», хватит царапать стены. Как бы не пришлось вам убираться из Нью-Йорка! Приходите завтра к шести в сквер. Будем толковать на другом языке. Кровь!

Кровь!

Кровь!

«Оранжевые змеи».

«Что, получили свое, Оранжевые змеи? Если б не примчались копы, мы разукрасили бы вас еще больше. Не высовывайте носы из своих щелей. Сквер и эта стена теперь наши! Запомните!

Привет от Черных крыс».

По дороге в Форт-Коллинз

Я никогда еще не видел такой идеальной равнины. Мы будто не ехали, а плыли в белом «фольксвагене» к горизонту, что терялся далеко-далеко в жарком мареве.

Над головой — бирюзовая чаша без единого белого пятнышка. По обе стороны шоссе — травяной зеленый разлив. Изредка неподалеку от дороги виднелись белые домики владельцев ферм.

Билл, не отрывая взгляд от дороги, пояснил.

— Еще немного, и вы увидите самый милый город в Соединенных Штатах — Форт коллинз.

— Когда ты жил в Бостоне, то называл его самым милым городом, — усмехнулся я.

— То было другое время, и мы были другими, — тут же парировал Билл. — Честное слово, пройдет несколько часов, и вы тоже полюбите мой город. Разве можно равнодушно смотреть на Скалистые горы и колорадские озера? А какие у нас леса! Есть деревья, которым по полтысячи лет. Охотники говорят, встречали в горах пуму.

— Охотники всегда сочиняют. Небось, приняли за пуму бродячую собаку, — ответил я.

— Ну, ладно, черт с ней, с пумой, — смирился Билл. — Окрестности моего городка прекрасны и без нее.

— Где будет свадьба? — отец перевел разговор на другую тему.

— После церкви отправимся в бывший ковбойский салун, — пояснил Билл. — Сейчас там ресторан...

Лишь тетя Анна не принимала участия в нашей болтовне. Смотрела вперед поверх головы двухметрового Билла и думала о чем-то своем.

О чем может думать женщина, у которой завтра женится единственный сын?..

«Наши служащие говорят на многих языках мира. «Нет» — единственный ответ, который вам от них не услышать».

И шагнули навстречу

В будничную жизнь порой врываются необычные мгновения. Загадочные. Непредсказуемые. Случайные. Закономерные. С них начинается новый виток жизни...

А человек вначале даже не догадывается об этом. И только через месяцы и годы вдруг с изумлением вспоминает то чудесное мгновение, с которого он пошел — новый виток жизни...

— ...Ого! Теперь ты хоть немного похож на профессора, — я с одобрением взглянул на кузена.

В свадебном костюме кремового цвета Билл чувствовал себя неуверенно.

— Из всех русских, кого я знаю, ты самый консервативный. По-твоему, профессор обязательно должен ходить в галстуке?

— Ну, хотя бы не в рваных шортах, в которых ты приехал в аэропорт...

Билл не успел ответить. Распахнулась дверь, и в комнату вошла Глория в подвенечном платье с маленьким букетиком в руках. За ней шествовали подруги и родственницы. Мужчины, как по команде, вскочили и с восторгом уставились на невесту и ее свиту.

Началась церемония знакомства гостей. Рукопожатия, улыбки, обмен любезностями. А к дому подкатывали на машинах все новые и новые родственники жениха и невесты, друзья, знакомые.

В комнате уже было тесно. Вышли на лужайку перед домом.

Смех. Веселая суета. Поцелуи и поздравления. Шумные игры детей. Женщины стали разносить коктейли.

После жениха и невесты самое большое внимание — к нам с отцом. Кто-то сообщил, что мы первые русские, попавшие в Форт-Коллинз...

Чей-то внимательный взгляд не давал мне сосредоточиться. Наверное поэтому я не мог запомнить имен гостей.

Отец рассказывал анекдоты. Очевидно, очень смешные. Все вокруг хохотали...

Чей-то любопытный взгляд отвлекал меня. Я силился и не мог понять ни слова...

Подходили знакомые и незнакомые. Говорили. Спрашивали. Чувствовал, что отвечал им невпопад...

Чей-то ласковый взгляд кружил голову...

Я взглянул в другой конец лужайки.

Умолкли голоса гостей. Все исчезли...

И я увидел ту, чей взгляд не давал сосредоточиться, чей взгляд отвлекал и кружил голову...

Мы посмотрели друг другу в глаза и шагнули навстречу...

Свадебная церемония

Церквушка в роще напоминала юную монашку, переодевшуюся в летнее платьице. Только присмотревшись, можно было обнаружить в ней что-то религиозное. Крест наверху так же изящен, как крестик с золотой цепочкой, который замечаешь не сразу, на пляже, у девушек.

Свадебная кавалькада машин окружила полянку перед входом в церковь. Женщины расстелили на траве огромную пластиковую скатерть. Появились ящики с пивом, апельсиновым соком, содовой и пакеты с бутербродами.

Казалось, вместо венчания готовится пикничок.

Откуда-то из-за церкви появился круглый веселый человек в легком серебристом костюме. Нас познакомили. Мистер Тэд оказался священником, который и должен был обвенчать Билла и Глорию.

Он хитро подмигнул жениху и невесте и нараспев произнес:

— По-ра-а-а, мои молодые!

Среди гостей произошло легкое волнение. Затихли смех и громкие голоса.

Все чинно двинулись в церковь.

Лишь росписи на стенах отличали ее от интерьера обыкновенного жилого дома.

Священник ловко перекинул через плечо широкую полосатую ленту, взял в руки Библию, сделал серьезное лицо и приступил к обряду венчания. Говорил мистер Тэд скучно и невыразительно, при этом то и дело косился на распахнутую входную дверь. Казалось, ему хотелось сбежать домой или побыстрей поучаствовать в свадебном пикнике.

Билл и Глория, как и все гости, шептались и тоже посматривали на входную дверь.

Только мой отец и тетя Анна сохраняли торжественный, серьезный вид.

Мы с Джейн не отходили друг от друга.

Церемония завершилась так же неприметно, как и началась. Молодые обменялись кольцами, потом почему-то по очереди пожали руку священнику, и снова пошли поздравления, объятия, поцелуи.

А затем началось долгое и веселое фотографирование: с молодоженами, возле церкви, на лужайке, на фоне машин...

Мы с Джейн поняли, что сейчас можно незаметно сбежать.

— Свадебный обед только в четыре, — сказала Джейн. — А пока неразбериха, суета, успеем съездить в горы.

Через минуту мы уже сидели в ее «мустанге».

«Твои дни — бешеные кони»

«Что мне в этом солнце, в этой роскоши?
Земля, деревья, камни — их я помню...
Каждую ночь я беру карту, ищу, где жить,
И не нахожу себе места...»

— Знаешь, кто это написал? — Джейн остановилась и обернулась ко мне.

Я виновато пожал плечами:

— Нет...

— Хуан Хименес, — пояснила она. — Поэт умер в Пуэрто Рико лет двадцать назад... Жил много лет одиноким затворником, а мечтал объездить весь мир и написать книгу странствий. По-многу дней, не выходя из своего дома, Хименес мечтал о дальних морях и островах, размышлял, почему человек путешествует и как важны для него дороги и ветры странствий.

— Он исполнил свою мечту? — спросил я.

— Не сумел...

— Почему?

— Хименес долго и тяжело болел, — ответила Джейн.

Листву в саду кровавя
И душу мне увеча,
Пылает медь заката...
А я хочу быть вечным!
Как этот мир прекрасен!
Не задувайте свечи...
Будь вечным этот вечер,
И я да буду вечен!

Джейн прервала чтение и с грустью заметила:

— Хименес не смог написать «Книгу странствий», но стал «вечен»...

Она вдруг взглянула вверх и схватила меня за руку.

— Посмотри... Посмотри, какие созрели звезды... Разве увидишь такие в городе?! Такие только в небе Колорадо. «Дети цветов» специально приезжают сюда, в горы, чтобы выбрать себе звезду.

— Зачем?

— Как ты не понимаешь! У каждого обязательно должна быть своя звезда и свой цветок.

— Ты хиппи?

— Нет, я порвала с ними.

— Почему?

— Многие из них стали забывать свои цветы и звезды. А раз так, значит, сбились с пути, и дорога их повела не туда...

— Кто же ты теперь?

Джейн резко взглянула мне в глаза, словно проверила, не смеюсь ли.

— Я просто гражданка Земли и Космоса.

Она заметила в моих глазах настороженность и засмеялась.

— Не бойся. Я не чокнутая. Просто я люблю иногда уходить к звездам и отыскивать в сверкающем мире свою, заветную путевую звезду. Это у меня от мамы. Она научила меня русскому языку, а еще гадать и ворожить. Моя бабка была ведьмой... Хочешь погадаю?

Я протянул ей обе ладони.

Джейн не торопилась.

Вначале она заплела косу по-русски. Так делали, наверное, перед гаданием ее мать и бабка.

И темная коса мудрым змеем затаилась на плече...

Ладонь на ладони.

Глаза в глаза.

— Твои дни — бешеные кони, — прошептала Джейн. — Они мчатся и ломают все на своем пути. Но когда впереди появится обрыв, им уже не остановиться, не свернуть... Еще не поздно поменять коней. Да ты не захочешь. Смирные не для тебя.

— А скоро ли мой обрыв?

На мгновение зрачки Джейн стали глубже бездонной пропасти. И она отвела взгляд.

— Бешеным коням недолго скакать...

«Вам не надо раздумывать, где найти подарок для любимой.

Цветы всех стран круглый год. В любое время дня и ночи.

По указанному Вами адресу в Нью-Йорке доставим цветы через двадцать шесть минут в любой уголок мира.

Через три часа сорок три минуты — в Париж, Осло, Берлин, Лондон...»

...Не услышал лишь смерть-невидимку

«...На этот твой вопрос, Кэт, я вынужден ответить самым длинным в своей жизни письмом.

Один древний мудрец советовал: прежде чем отправиться в дальний путь, посмотри на леса и горы, травы и воды, сядь и задумайся, куда и зачем ты идешь.

Человечеству всегда не хватало времени сесть и задуматься...

Куда и зачем мы идем?

Трагедия на американской атомной электростанции "Три майлз айленд" в семьдесят девятом и трагедия в Чернобыле в восемьдесят шестом году (несмотря на их несопоставимые масштабы) — жестокое предупреждение человечеству: задумайтесь, куда и зачем мы идем?

На всю жизнь мне запомнилась первая поездка в Чернобыль, через несколько недель после величайшей беды 26 апреля 1986 года.

На Днепре угасали пятна лунного света.

Ковшик Большой Медведицы переполнился то ли облаками, то ли туманом. И лилось из него на землю небесное молоко. Оно растекалось по лесу, приглушало предрассветные звуки и снова поднималось вверх до самых верхушек деревьев.

Час пробуждения ветра, птичьего восторга, шепота трав, рассветной песни леса...

Киевский лес. Сколько видел и слышал он?

Свист разбойничьих стрел, безжалостные пожары, удары топоров, засухи, взрывы, наводнения...

Выстоял. Выжил. Ко многому был готов. Не заметил, не услышал он лишь смерть-невидимку...

Водитель машины, на которой я ехал из Киева в Чернобыль, вдруг резко затормозил и сказал устало и отчужденно:

— Посмотри на эти деревья.

— Рыжие сосны... Что за странный цвет?

И водитель, не оборачиваясь, пояснил.

— В лесу хвоя первая гибнет от радиации...

Май на Киевщине. Пение соловьев, цветение каштанов, плеск теплых днепровских волн...

Все это сохранилось. Но прибавилась тревога, предостережение, горестные раздумья.

Запомнилась и детская игра на улице Киева.

На асфальте мелом была нарисована спираль и в ней человек, птица, кошка, рыбка, цветок. А в центре — крест.

Прыгали на асфальте две первоклассницы. Совсем как в старой игре в “классики”. Только прыгали не по квадратикам, а по спирали. От цветка к рыбке, от рыбки к кошке, от кошки к птице, от птицы к человеку, от человека...

— Нет, это не “классики”, — объяснили мне девочки, — мы играем в “атомный реактор”...

Еще одно предупреждение всем взрослым!

Еще один вопрос: куда и зачем мы идем?..

— Не надо об этом писать. Не надо фотографировать, — посоветовал один осторожный киевлянин и многозначительно поднял вверх указательный палец. — Там кое-кто не любит вспоминать апрель 1986 года...

Осторожный киевлянин поспешно отвернулся от спирали на асфальте.

Что это? Глупое благодушие? Трусливая потеря памяти? Закапывание поглубже своих грехов?

О, человек! Да научит хоть что-нибудь тебя?!

В тот год дорога от Киева до Чернобыля напоминала фронтовую. Не было видно частных машин. Грузовики и служебные легковые, со специальными номерами. Проверка на дорогах. Люди в военной и милицейской форме.

Повсюду брошенные дома. Опустевшие сады. Безлюдные улицы и проселки.

Через каждые четыреста-пятьсот метров — знаки-предупреждения: “Не съезжать с дороги!”, “В лес не входить!”, “Опасная зона!”, “Грибы и ягоды не собирать!”.

Вдоль дороги, у садовых заборов — яблони. В тот год их никто не собирал. Я никогда, Кэт, не видел таких огромных яблок.

Возле одного придорожного сада я попросил водителя притормозить. Вышел из машины и прислушался к тишине.

Даже птиц не видно, не слышно. Неужели и они почуяли беду?

Вдруг — шорох, скрип, легкий стон...

Я вздрогнул. Может, все-таки кто живет здесь?

Нет... То лишь ветер задел старую калитку, прошелся между деревьями, тронул отяжелевшие ветви яблонь...

Вахтовый поселок “Зеленый мыс” встретил меня веселым солнцем, пароходными гудками, сигналами автобусов и грузовиков, людским многоголосием.

Вдоль берега реки борт о борт стояли белые теплоходы. В них жили те, кто ликвидировал последствия аварии на атомной электростанции. Временно. Пока строился новый поселок.

Мне пришлось побывать на многих стройках. Эта вроде бы на первый взгляд ничем не отличалась от других. И только всмотревшись в глаза встреченным людям, можно было заметить в них необычную мудрую сосредоточенность, тревогу раздумья...

О, человек! Да научит хоть что-нибудь тебя?!..

Кэт, когда я приеду в Соединенные Штаты, расскажу подробнее о чернобыльских событиях.

Но почему ты упоминаешь в письме аварию на атомной станции “Три майлз айленд”?

Признавайся, Кэт! Чувствую, это неспроста...

И опять ни слова о Джейн?»

Я отправил письмо за океан, а вместе с ним будто помчались к далеким берегам незримые гонцы моей памяти. В прошлое, невозвратимое, неисправимое, свершенное...

Вокруг продолжалось веселье

...Мы вернулись, когда в разгаре были танцы.

Наверное, давно маленький придорожный ресторан не видел такого веселья.

И молодежь, и пожилые лихо отплясывали бесшабашный танец. Трое парней напевали под банджо старинную песню «Индианка Моги»:

Я шел очень долго,
Я очень устал,
Как вдруг индианку

Вблизи увидал.
Красивая девушка
Молвила мне:
«Ты, друг, заблудился
В чужой стороне.
Но если ты хочешь,
То следуй за мной —
Наш край назовешь ты
Своей стороной...

Билл издали погрозил нам пальцем и сделал приглашающий жест в круг танцующих.

Но мы с Джейн здорово проголодались.

Возле стены — стол длиной почти в ползала, покрытый цветастой скатертью. В центре стола — огромный котел с пуншем. Бутерброды на подносах, пластиковые стаканчики и тарелки — вот и все гастрономические дополнения к свадьбе.

Увидев нас, парни, игравшие на банджо, весело подмигнули нам с Джейн и еще громче продолжили песню о красавице индианке:

Уж солнце за море
Собралось уйти,
А мы с индианкой
Все были в пути.
Шагали и плыли,
Не видя ни зги.
И к дому пришли
С индианкой Моги...

Наконец, я отыскал взглядом отца.

Он стоял в другом конце зала у стойки бара. Вокруг него собралась интернациональная компания: пухленький пожилой китаец, высокий, голубоглазый, с роскошными усами француз, ему под стать — рыжебородый ирландец, двое смуглых парней — то ли мексиканцев, то ли пуэрториканцев. К ним постепенно подтягивались и другие гости.

По лицам чувствовалось: за стойкой обсуждались важнейшие мировые проблемы. Взгляды у всех — глубокомысленные, сосредоточенные, и никак не вязались со свадебным весельем. Даже бармен перегнулся через стойку и пристально следил за движением рук отца.

Наверное, отец показывал что-то на географической карте. Не пересмотром ли государственных границ занялась интернациональная компания? Не начнутся ли дебаты, споры с возможными осложнениями?

Мы с Джейн подошли к стойке.

Я ошибся. Не было карты. Не пересматривались границы.

Отец одной рукой держал нож, опущенный в стакан с томатным соком, другой — лил из бутылки водку.

Бармен вдруг упрямо замотал головой.

— Я знаю этот коктейль. От Оклахомы до Колорадо его называют «русским».

— Нет, во всем мире его называют «Кровавая Мэри», — так же упрямо возразил отец. — От Москвы до Камчатки знает каждый, что это американское изобретение.

— Я пил что-то подобное в Мадриде, — вставил китаец. — Но не помню, как его называли.

— И я пил давным-давно, в юности, с очаровательной мулаткой, — мечтательно добавил француз. — Прелестная штучка...

Никто так и не понял, кого он назвал «прелестной штучкой»: то ли коктейль, то ли свою мулатку.

— Лед и немного перцу, — закончил операцию отец.

Бармен с ловкостью опытного ассистента выполнил команду.

— А теперь — за здоровье молодых! — провозгласил отец и высоко поднял стакан с коктейлем.

Хоть и не принято провозглашать свадебный тост со стаканом «Кровавой Мэри», но интернациональная компания засуетилась.

У всех выражение — будто факир обманул их ожидания. На стойку посыпались доллары. И бармен принялся готовить сразу с десяток подобных коктейлей.

Мы с Джейн тоже заказали «Кровавую Мэри».

«Даешь по-русски!»

Видимо, подогретый напитком покрепче пунша, кто-то из коллег Билла вспомнил вдруг сцену из кинофильма «Судьба человека». Разгорелся спор: может ли человек одним махом опорожнить стакан со спиртом?

Француз и ирландец доказывали: русские все могут.

Университетская братия тихонько возражала и выжидательно поглядывала то на отца, то на меня.

Смуглые ребята предложили пари. Их поддержал китаец.

— А как проверим? — пожал плечами рассудительный ирландец.

— Очень просто. Среди нас двое русских, — пусть покажут, на что способны, — с усмешкой подсказал француз.

— Даешь по-русски! — провозгласил кто-то у меня за спиной.

— Подобные штучки я вытворял в сорок пятом году, в Берлине, — улыбнулся отец, будто вспомнил детские шалости.

— Сегодня моя очередь, — ответил я.

Мы с отцом переглянулись.

Бармен заметил это и развел руками.

— Но у меня нет спирта.

— Зато есть русская водка, — подсказал ирландец.

— Это не равнозначно, — китаец сделал протестующий жест рукой.

Смуглые ребята заспорили между собой на испанском. Китаец от волнения стал произносить слова на неведомом мне языке. Расстроенный француз закурил трубку.

Господа в напудренных париках и красотки в купальниках укоризненно смотрели с портретов и календарей.

Все закончилось неожиданно мирно. Смуглые ребята вдруг шустро выскочили из ресторана. Вскоре они вернулись с бородатым верзилой.

Это был местный аптекарь. Когда они ворвались к нему, потребовали спирт и рассказали, что предстоит, он пожелал своими глазами увидеть замечательный эксперимент.

Аптекарь отдал пакет бармену, а сам уставился на меня восторженным взглядом.

Я вздохнул, обреченно посмотрел на Джейн и на танцующих. Бармен тем временем занялся подготовкой к невиданному в этих стенах эксперименту.

Интернациональная компания напряженно молчала. Только шелестели долларами китаец и ирландец. Кажется, заключали пари за моей спиной...

Под одобрительные возгласы публики я успешно разделался с первым стаканом спирта.

После второго стакана я обернулся к Джейн. Она с состраданием смотрела на меня, и глаза ее становились все грустней и грустней.

Но вокруг продолжалось веселье. Мне казалось, а может, так было на самом деле, что веселые музыканты снова затянули песню об индианке Моги, и теперь уже все гости подпевают им:

Моги на прощанье
Взмахнула рукой:
«Ну что же, будь счастлив
С любовью другой.
Пусть дни твои будут,
Как перья легки,
Но все ж вспоминай
Индианку Моги...»
И вот я вернулся
В родные края,
Друзья и подруги
Встречают меня.
Гляжу я на них,

А в глазах пелена:
В глазах у меня
Индианка одна!..

Внезапно песня смолкла.

Мне показалось, у одного господина на портрете стал съезжать парик. Я кивнул бармену, чтобы он помог старику. Но бармен истолковал это по-своему и протянул мне третий стакан.

— Аллес!.. — почему-то по-немецки провозгласил я и возвратил пустой стакан.

Красотки на календарях разинули рты. Француз от волнения принялся выбивать трубку прямо о стойку. Отец и Джейн с двух сторон сунули мне бутерброды. Ирландец приготовил сигару.

Танцующие стали присоединяться к нашей компании. Аптекарь яростно потер бороду и поцеловал меня:

— Теперь ты мой друг до гроба...

Ирландец ни с того ни с сего вдруг показал мне язык.

Я возмутился. Хотел сделать ему замечание, но увидел, что китаец начал отплясывать «яблочко».

Озадаченный, я взглянул на Джейн.

Она в ответ молча взяла меня под руку и повела к выходу.

Мы снова помчались в горы и долго плескались в ночном, ледяном ручье...

«*Время никогда не накопишь.*

Чаще всего вы швыряете время на помойку решения бытовых вопросов.

Зачем?

Все можно решить не выходя из дома, с помощью старины телефона. Билет на самолет, парикмахер, мойка окон, стрижка газонов, сантехник, биржевая игра, представитель торговой фирмы, страховой агент...

Все они подчиняются Вашему телефонному звонку...»

«Зря веселитесь, “Черные крысы”! Копы примчались слишком рано, и многие наши не успели вернуться с пляжа. Расплата впереди.

И не вздумайте вылавливать наших поодиночке.

На днях выйдет из тюряги Томми Бульдог, и мы снова соберемся в сквере. Давненько вы не пробовали его кулаков.

“Оранжевые змеи”».

Выплывали серебристые лебеди

Тускнели звезды.

От озера поднимался туман. А ночь все медлила и медлила. И рассвет не мог оторваться от зеленых зубцов Роки Маунт.

— Пора возвращаться, — сказала Джейн. — Как ты себя чувствуешь?

— Прекрасно.

— Может, объяснишь наконец, зачем ты вчера устроил балаган?

— Сам не знаю. Просто решил подурачиться. Поразвлечь американских друзей.

— Глупо.

— Наверное.

На озере послышался всплеск.

— Что это? — вздрогнула Джейн.

— Рыба... А может, кто-то следил за мной, да сдуру свалился в озеро?

Джейн засмеялась.

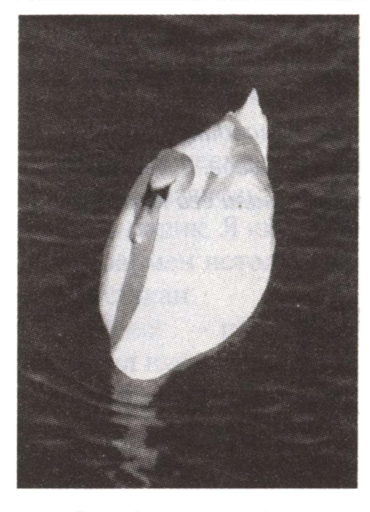
— У вас, советских, у всех развита шпиономания.

— Ничего не поделаешь, горькое бериевское наследие, — развел руками я.

Всплеск повторился. Дрогнули клубы сиреневого тумана и стали медленно расползаться по озеру.

Джейн легонько толкнула меня.

— Смотри... Смотри!..

Серебристый лебедь

Из тумана один за одним, бесшумно, как во сне, выплывали серебристые лебеди. Они слегка шевелили крыльями и склоняли головы к воде.

И вдруг над озером разлились гортанные звуки. Вначале мне показалось, это уходящая ночь затрубила салют рассвету. А вслед за ней затрубили земля, озеро, небо...

— Лебеди встречают рассвет... — задумчиво прошептала Джейн.

Еще не погасло горное эхо, как снова повторились гортанные клики. Громче. Свободнее.

Им в ответ зашелестели деревья. И небо светло и весело расчищалось от ночного мрака.

Один за одним лебеди поднимались на крыло. Минута, другая, и они ворвались в рассветную полосу.

Исчезли... Будто и не было их.

— Лебеди полетят в дальние края, — все так же задумчиво продолжила Джейн. — И всюду будут напоминать людям: время уносит все, и ничто никогда не повторяется...

Взгляд ее был далек. Может быть, мысли блуждали где-то за вершинами Роки Маунт. Она взяла меня за руку совсем по-детски, и мы стали спускаться к машине...

Происшествие на шоссе

Сгорали одна за другой сигареты. Мчались куда-то в прошлое, в предрассветные сумерки, вершины. Проносились ручьи, деревья, лужайки. Из горных объятий нас принимала равнина. А мы все молчали и молчали.

Стало совсем светло. Впереди показался Форт-Коллинз. На лице Джейн появилась усталость. Руль она держала слишком напряженно.

Пустое шоссе. Ни единой машины.

Вдруг за поворотом — двое. Как отчетливо они виднелись на светло-сером шоссе в рассветных лучах!

Один лежал на дороге, другой, в черном костюме, щупал ему пульс. Когда заметил нас, принялся отчаянно махать.

Джейн затормозила в пяти шагах от пострадавшего. Мы выскочили из машины.

— Что случилось?!.

Человек в черном горестно развел руками, двинулся нам навстречу.

— Это ужасно... Это так нелепо и ужасно, — бормотал он.

Лишь на мгновение его морщинистое лицо, скорбное и безутешное, сжалось во что-то злобное.

И тогда интуиция или всевышний подсказали: не опоздай!

Кажется, это услышала и Джейн. Она не удивилась, когда после моего опережающего удара господин в черном рухнул на дорогу, а рядом с ним звякнуло что-то сверкающее.

Разглядывать не было времени. Тот, у кого щупали пульс, уже на ногах. Килограммов сто десять неслось стремительно и неотвратимо.

Этот не боец — даже с ножом. Неповоротливый, тяжелый мешок! Предупредить бы по-русски: «Ша, урки, сейчас будет больно!»...

Но тут была Америка...

Господин в черном очухался первым и запустил трясущуюся лапу себе под мышку.

Джейн отреагировала раньше меня. В руке у нее сверкнул никелированный ствол браунинга.

— В машину! — коротко скомандовала она.

— Мне бы хотелось поболтать с пареньками...

— В машину! — оборвала меня Джейн.

Сто десять кило стояло на четвереньках. А господин в черном так и не успел выхватить пистолет. Оба зачарованно смотрели на ствол браунинга.

«Мустанг» не подвел. Через несколько секунд очаровательная пара осталась далеко позади...

— Бьешь очень жестоко, — сказала Джейн.

— Ты разбираешься в этом?

В ответ Джейн лишь молча пожала плечами.

— Что этим придуркам понадобилось? — снова спросил я.

— Откуда я знаю? Просто пьяные...

— Они трезвые, и на гопстопников не похожи.

— Что такое гопстопники?

— На воровском жаргоне — уличные грабители. Жаль, что ты не дала расспросить, какую фирму они представляют на наших дружеских переговорах.

— Это были просто пьяные.

— Сомневаюсь. Скорее, «агенты на всякий случай». Их нанимают спецслужбы на отдельные задания по дешевке, поскольку они не профессионалы.

— Откуда ты знаешь?

— Книжки читаю.

— Не злись, — Джейн оторвала взгляд от дороги и заботливо посмотрела на меня. — Как твоя рука?

— Нормально... Кстати, откуда у тебя пистолет?

— Подарок друзей.

— Где работают твои друзья?

— Какая разница?

— И разрешение на оружие они выдали?

— Это что, допрос?

— Милая Джейн... — я положил руку на ее плечо.

Она нахмурилась.

— Ты так и не ответил на мой вопрос.

— Сценка на дороге напоминает мне дешевые детективные фильмы. Но не понятно, зачем она была устроена? Не знаешь?

— Ты подозреваешь меня?

Я промолчал.

Джейн резко затормозила.

— Ты подозреваешь?

— Успокойся. Кто щупает меня: ЦРУ, разведка ВМС, ФБР, криминалка?

Я услышал только звук пощечины. Но не ощутил ее.

— Ненавижу тебя, — сказала Джейн. — Уходи!

— Сколько мне топать до города?

— Не больше мили. Уходи...

Громко хлопнула дверца машины, и я, чертыхаясь, зло и упрямо зашагал к Форт-Коллинз.

«*Если вам грустно...*
Если у вас все валится из рук...
Если у вас неприятности...
Наберите 526 75 30...
Мы знаем, как вам помочь!..»

Джейн! Мне очень и очень грустно, все валится из рук, но я не буду набирать 526 75 30...

«Летим в мой город»

... — Я звоню попрощаться, Джейн...

— Когда ты улетаешь в Нью-Йорк?

— Послезавтра.

— Ты очень хочешь встретиться?

— Ну, конечно, Джейн.

— Если не будешь пить спирт, устраивать дурацкие допросы, впадать в шпиономанию, тогда встретимся, и я отправлюсь с тобой в Нью-Йорк.

— Обещаю! Больше никаких дурацких выходок.

— Значит, летим в мой город, и я покажу тебе *мой* Нью-Йорк, — засмеялась Джейн.

Сказали ночь и падающие звезды

«Завтра может случиться все что угодно: всемирный потоп, гибель Солнечной системы, падение гигантского метеорита, — и вы станете последним неудачником.

Почему?

Да потому что не успели посмотреть самый замечательный фильм всех времен и народов «Звездные войны».

Не откладывайте на завтра то, что можно сделать сегодня!»

Старая вилла, расположенная на западной окраине Нью-Йорка, принадлежала подруге Джейн.

Дом был запущенным. Чувствовалось, его давно не посещали хозяева. Скрипели ступеньки крыльца. Стонали половицы. Вздрагивали стекла окон при сильном порыве ветра.

Забытый людьми дом жаловался на свои годы.

Джейн раздвинула шторы и открыла окна в самой большой комнате.

— Сегодня наступает пора звездопада. Мы должны успеть загадать желание...

Я взглянул в темноту.

Вечер — сухой и прохладный. Из туч поспешно вывалилась луна. Чем выше она поднималась, тем становилась больше и ярче. Вскоре лес и лужайку перед домом залил мягкий зеленоватый свет.

— Моя любимая пора — осень, — сказала Джейн. — Она мудрая и добрая. Осенью рождаются самые прекрасные мечты. В эту пору хорошо грустить о несбывшемся и загадывать желания. Весна легкомысленная и бесшабашная. Ей не хватает доброй теплоты. А осень — скромная пора. У нее в золотых глазах — мудрость и непостижимые для человека тайны.

— Осень бывает разная, — возразил я, — и с дождями, и со злыми ветрами, вьюгами и метелями...

Джейн покачала головой.

— Бывает... Но ее надо научиться понимать. Я с детства люблю осенний лес. Когда мой папа бывал свободен...

— А кто он?

— Физик. Участвовал в проектах нескольких атомных электростанций, — Джейн с какой-то обреченностью взглянула на меня и продолжила. — Мы иногда уходили с папой в лес на рассвете. Целый день бродили, отыскивая новые незнакомые тропинки. А когда возвращались домой, над нами горели звезды. Тени деревьев и кустов напоминали затаившихся зверьков. Папа говорил, что их прислала осень охранять нас. Мы часто останавливались и разглядывали небо. И папа рассказывал мне о Вселенной. Мы слышали, как глубоко и спокойно дышит земля. А в прохладном небе загадочно молчали звездные звери...

— Ты скучаешь по дому?

— Нет! — резко ответила Джейн.

Даже в темноте я увидел, как на ее глазах выступили слезы.

— Почему ты ушла из дома?

— Поссорилась с отцом. Он помогает строить атомные электростанции, а я с друзьями выступаю против них. Что бы ни говорили о безопасности, она все же существует. И чем больше атомных станций, тем больше риска.

— Я в этом мало разбираюсь.

— Время заставляет всех нас разбираться, пока не поздно, — Джейн опустила голову.

Я обнял ее.

— Извини...

— За что?

— За лишние вопросы.

— О! Что с тобой случилось? Три дня назад ты задавал их слишком много и не извинялся.

— То было три дня назад, — ответил я.

— То был другой человек, — подхватила нараспев Джейн, — то было не со мной... Сейчас ты мне раскроешь

свое желание. Видишь, упала звезда... А за ней — вон другая, и еще... еще...

Я кивнул.

Джейн схватила меня за руку.

— Правду и только правду. Звездам нельзя врать. Ты понял? Нельзя...

Казалось, наши одежды сами собой упали в темноту. И мы стали совсем свободными от запретов и условностей.

— Ты так и не сказал падающей звезде о своем желании, — прошептала Джейн, когда мы в счастливой усталости оторвались друг от друга.

— Ты мое желание...

— Вот видишь — звездам нужно верить. Я твоя...

А потом мы долго молчали. Только ласки и поцелуи. Мы молчали о том, что не могли выразить словами. А за нас уже все сказали ночь и падающие звезды...

Мы часто не замечаем, как теряем мгновения нашей жизни, как расточительна наша память...

Порой мы беспечно швыряем на ветер листья прошлого: Боль. Радость. Мечты. Надежды. Утраты...

У каждого мгновения свое счастье, своя печаль, свои заботы, своя тайна...

«Дядя американских дорог»

— «Много ли проку от дома, если нет для него сносной планеты!» — Анкл весело взглянул на нас и пояснил. — Так говорил сто лет назад великий мудрец Генри Дэвид Торо. Слышали о таком?

Мы с Джейн дружно кивнули в ответ.

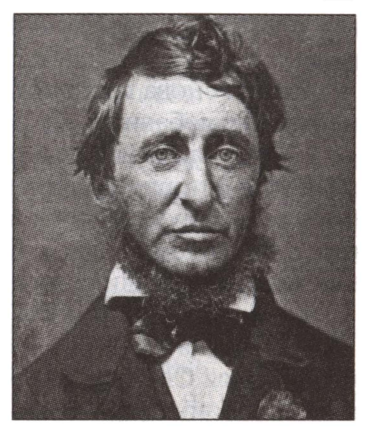
— Скоро я снова покину Нью-Йорк и буду бродить, бродить по свету, проверять: стоящая для человечества наша планета или нет, и достойны ли мы, люди, на ней проживать.

— Ну, это не нам с вами решать, чего достойны люди, — ответил я. — Кажется, так считал ваш духовный учитель Торо?

Мой новый знакомый согласился. Потом заинтересованно взглянул на меня и снова процитировал своего кумира Генри Торо:

— «Стань Колумбом новых материков и миров не для торга, а для мыслей!»

Великий мудрец
Генри Дэвид Торо

С этими словами Анкл сделал нам знак рукой — дескать, сидите и продолжайте разговор, — и вошел в дом.

Я обернулся к Джейн и тихо спросил:

— У него есть настоящее имя? Почему он называет себя «анклом»,то есть «дядей»?

Джейн пожала плечами.

— Насчет настоящего имени не знаю. А «дядей американских дорог» его называют издавна, и не только в Нью-Йорке. Так величают его «хиппи», бродяги, странники, музыканты, философы, поэты. Так называли его и битники еще в пятидесятых годах.

— А куда этот «дядя американских дорог» идет? Что ищет?

— Наверное, то же, что и каждый человек, — истину, смысл своего пребывания на земле, верный путь... — улыбнулась Джейн.

Я возразил:

— Увы, большинство людей живут и никогда не то что не ищут, а даже не задумываются над всем этим.

— Многим так только кажется, — мягко не согласилась Джейн. — В человеке с рождения заложена необходимость

искать и быть в пути, даже если он никогда не покидал свой дом...

Я хотел снова возразить, но Джейн положила руку мне на плечо и добавила:

— Тебя наверняка это заинтересует: Анкл много лет занимается историей великого исхода древних людей из Сибири в Америку. Он собирает индейские легенды, связанные с приходом людей в Новый Свет, изучает, как и в каких местах проходили пути миграции...

Джейн хитро взглянула на меня и добавила:

— Старина Анкл побывал даже в Восточной Африке и поклонялся Синему камню... Кстати, отправился он туда вместе с твоим приятелем — неугомонным исследователем всех тайн мира Жарги.

Воспоминание о Синем камне

Несколько дней назад я рассказывал Джейн о легендарном Синем камне в Восточной Африке, к которому привез меня мой нью-йоркский приятель со странным именем Жарги.

Хорошо запомнилась та ночь, полная мистических событий.

— Вот и настал час ветра цвета Атуарамбо... — прошептал Жарги и указал рукой в сторону океана.

— Разве бывают цветные ветры? — так же тихо спросил я.

— Бывают... У каждого ветра и свой цвет, и вкус, и настроение, — убежденно кивнул мудрый Жарги. — Этот ночной ветер с океана прилетает в долину лишь один раз в год, когда цветы атуарамбо оплетают Синий камень. Цветы и зеленые побеги прячут его от чуждых взоров, и только посвященные могут прочесть древнюю надпись: «Начало пути — всему начало. Ибо путь — это движение, а движение — это жизнь».

— Кто сделал такую надпись? Когда? На каком языке? — заторопился я с вопросами, хотя догадывался, что услышу в ответ.

Жарги взглянул на меня не то укоризненно, не то насмешливо. Его огромные глаза сделались еще больше, будто вобрали в себя бездонность ночного неба.

— Синий камень — остывшая искорка путеводной звезды. Он стал памятником ископаемому человеку. Здесь появились первые люди на земле. Отсюда начались дороги человечества... Великий исход... На этот камень присел отдохнуть бог дорог, прежде чем позвать за собой людей, прежде чем решить, куда и зачем их поведет.

Тогда и начертал он на Синем камне то, что начертано...

— Так на каком же языке сделана надпись?

Жарги уловил насмешку в моем вопросе, но все же охотно пояснил:

— Эту надпись нельзя прочитать. Ее можно лишь почувствовать. Ибо сделана она на едином языке всех времен и народов — на языке человеческой души...

...Круг танцующих вокруг священного камня расширялся. Откуда-то из темноты появлялись все новые и новые люди. Разные одежды, разные маски на лицах — но что-то объединяло их.

Принадлежность к одному тайному ордену? Ритм, в котором они плясали вокруг камня? Язык, на котором они исполняли странную песню?

Я взглянул на Жарги. В его глазах отражались огни факелов. Не мигая, он смотрел в сторону загадочных исполнителей древнего обряда. Едва разжимая губы, Жарги произнес:

— Каждый поет на своем языке. Но песня об одном — о начале великого пути маленького черного человечка, который мог защититься от враждебного мира лишь дубинкой и острым камнем. Песня о том, как бог дорог зажег путеводную звезду в своем посохе и позвал маленького черного человечка в дорогу...

Жарги поспешно стал переводить мне слова ритуальной песни:

И налилась кровью
некогда синяя звезда.
И летела она к земле
пять ночей.
Так было!..
То были совсем чужие люди.
То были мы.
И начала стонать от страха
земля.
И стали засыхать деревья и травы,
озера и ручьи.
И поднимались великие волны на морях.
Так было.
И пять ночей луна боялась
появляться в небе.
Так было...

— Что же все-таки объединяет этих людей? Что приводит их каждый год сюда для проведения тайного обряда у священного Синего камня? — поинтересовался я.

Жарги пожал плечами.

— Не знаю. Может, желание понять, когда, как и почему начался великий исход древнего человека с Восточного побережья Африки по всей планете? А может, они просто собирают забытые мысли и пытаются понять тех, кто жил сотни тысяч лет назад...

То были совсем чужие люди.
То были мы...
И поднял бог дорог свой посох.
И вставил в него путеводную звезду.
Так было...

Неужели эту песню-легенду сотворили, когда еще у человечества не было письменности? Неужели сотни или тысячи поколений хранили и передавали ее содержание?

Да! — подтверждает Африка.

Да! — соглашаются Азия и Европа.

Да! — отзывается Америка своими древними схожими преданиями о великом исходе, о боге дорог...

Не верится, что легенда рождена не одним народом, а возникла самостоятельно на разных континентах.

И все же как слаженно танцуют и поют под ритм барабанов люди у Синего камня! Не похоже, что они долго репетировали, разучивали слова и движения. Казалось, в танце и песнопении их ведет загадочная незримая сила... Может, и впрямь воля бога дорог?

И велел он: если хотите жить,
собирайтесь в путь!
И встали люди
И остались только самые слабые,
кому земля сказала:
не уходить...
И велел им бог дорог
шуметь, кричать
и топать за всех
ушедших.
Чтобы кровавая звезда-погибель
Подумала, будто все люди
остались на месте
И просятся в ее гибельное
пламя...
Так было...
То были совсем чужие люди.
То были мы!

Много лет я искал по свету отголоски, пусть и преобразованных тысячелетиями, преданий о великих переселениях древних народов. Но наталкивался на молчание времен. Времен, где иные леса и воды, ветры и облака... Лишь камни всех континентов пытались что-то смутно подсказать древними рисунками, начертаниями, знаками.

И шли народы за богом дорог
И то, что было новым и чужим
вокруг,

Делали своим.
И уже огонь и лед, сушь и вода
Не могли остановить их...
То были совсем чужие люди.
То были мы...

«Седьмой роковой пояс»

В Нью-Йорке я увидел фильм о том, как в 60-х годах XX столетия в Танзании английский ученый Луис Лики нашел кости ископаемого человека. Было установлено, что жил этот человек около двух миллионов лет назад.

Спустя несколько лет сын Луиса Лики Ричард обнаружил к востоку от озера Рудольф череп еще более древнего человека. Его останки были зарегистрированы под номером 1470.

Как отмечали ученые, у черепа «человека 1470» не было надглазного валика и других лицевых признаков, характерных для всех ископаемых человекообразных обезьян, питекантропов, синантропов, палеантропов.

Научные исследования показали, что самые древние стоянки ископаемого человека встречаются в танзанийском ущелье Олдовай. Ущелье это является частью огромного разлома в земной коре, который называется Восточно-Африканский рифт. Тянется колоссальный разлом от реки Иордан до низовья реки Замбези.

«Череп №1470»

Исследования показали: на протяжении нескольких миллионов лет в Восточной Африке климат был теплым, без резких колебаний и перепадов. В течение нескольких дневных переходов ископаемый человек в этом регионе мог

оказаться и на побережье океана, и в горах, в саваннах и труднопроходимых лесах, в речных долинах и на берегах озер. Здесь часто попадались вулканические породы, которые легко раскалывались на острые пластины и становились орудиями древних.

Разнообразие химического состава почвы и питьевой воды, разнообразие растительного и животного мира, разнообразие пищи, природных зон и даже богатство обозреваемого ландшафта, обилие красок и звуков — ускоряло умственное развитие ископаемого человека.

Но помогало развиваться не только благое. Появление опасных хищников и миграция животных, засухи и наводнения, извержения вулканов и землетрясения, падения метеоритов и лесные пожары тоже заставляли ископаемого человека больше мыслить, принимать жизненно важные решения, искать пути к спасению. Отступать и наступать, прятаться и выжидать, искать и запоминать дорогу, ориентироваться по звездам и растениям, по ветровым потокам и особым приметам на земле — вот с чего начиналась подготовка человечества к великому исходу, к движению и расселению по всей планете.

Сыграли свою роль и излучения космоса и земли. Ведь рифт — место более близкое к мантии планеты, а значит, здесь сильнее радиационное воздействие. Может, из глубин планеты выходят и другие виды энергии, о которых современная наука пока еще не знает.

Наверное, не случайно останки ископаемых людей находят чаще всего в местах, где залегают урановые руды. Опасные для жизни явления и факторы природы порой становились мощными стимуляторами развития и стремительного преобразования организма будущего человека.

Наукой доказано: чем более высоко развито живое существо, тем более чувствительно оно к физической боли и к радиации, тем больше свойственно ему эмоциональное разнообразие.

Восточная Африка — область активной вулканической деятельности. Примерно три миллиона лет назад здесь происходили особенно сильные извержения и землетрясения. К этому периоду и относят появление ископаемого человека в Восточной Африке. Под воздействием вулканических процессов радиоактивные залежи могли во многих местах обнажиться и тем самым в несколько раз сильнее воздействовать на все биологические виды.

Многие ученые считают, что немаловажной в мутагенезе человекообразных существ была и периодическая смена магнитных полюсов Земли. Когда Север становился Югом и наоборот, вымирали некоторые виды животных и растений. Одни вымирали, другие появлялись, приспосабливались, усовершенствовались.

Есть предположение, что в период от 2,8 до 3 миллионов лет назад полярность магнитного поля нашей планеты менялась четыре раза. Это время совпадает с появлением ископаемого человека.

Все силы природы, стихийные бедствия, неблагоприятные изменения в климате могли уничтожить полностью человекоподобную обезьяну, дать ей возможность существовать, как и тысячам других видов животных, или подстегнуть к стремительному развитию ее умственные способности.

Бог или Природа выбрали третий вариант.

У человекообразного существа, жившего в Восточной Африке не менее двух миллионов лет назад, объем мозга был больше, чем у австралопитека. Оно умело охотиться на антилоп и даже на огромных динотериев. Оружием у него были не только обработанные камни, палки, но и длинные ремни для опутывания животных.

Так на арене Восточно-Африканского рифта началось новое сражение за выживание нового обитателя планеты.

Жарги рассказал мне, что отшельники, живущие в горах Рувензори, называют Восточно-Африканский рифт «Седьмым роковым поясом Земли».

Первые шесть «роковых поясов» якобы возникли в разных частях планеты в разные времена и породили от простейших представителей животного и растительного мира до млекопитающих. Каждый из новых видов появлялся в «зоне рокового пояса», а затем осваивал всю планету. У каждого вида была своя дорога к выживанию. Свой великий исход.

«Седьмой роковой пояс» явил миру Человека — способного уберечь или уничтожить все живое на планете...

Так считал и мой нью-йоркский приятель Анкл. Но об этом я узнал спустя месяцы, когда вместе с Джейн посетил его дом.

И в Африке, и в Северной Америке

Танец и песнопение вокруг Синего камня завершились. Догорели брошенные на землю факелы. Вовсю засверкали низко зависшие звезды.

Час всевластия африканской ночи. Легкий ветер с берега океана. Плач и хохот гиен. Едва слышимый сухой шорох акаций. Отчаянные крики ночных птиц. Бесшумный, зловещий полет летучих мышей.

Но смутное опасение тревожной африканской ночи постепенно отступало. Потянуло в сон.

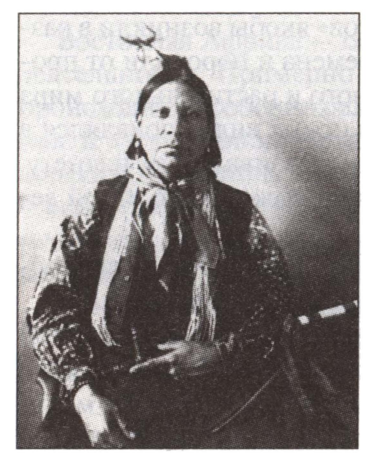
Жарги ткнул меня кулаком в бок и протянул флягу:

— Не спи! Глотни немного...

Я взял флягу и поднес к губам.

— Что это?

— Настой из нкарппо. Помнишь, я показывал тебе лиловые цветочки среди камней? В их клубнеподобных стволах много влаги, а в корнях — какое-то сильное тонизирующее вещество. Знахари и колдуны в полнолуние варят из корней нкарппо настой, от одного глотка которого можно и замертво свалиться, и ад и рай увидеть, и пять суток бегать по пустыням и горам без передышки. Все зависит от

Индеец-алгонкин —
сын вождя

того, с какой целью даст его отведать знахарь и в каких пропорциях.

Я с сомнением понюхал содержимое фляги, но ничего опасного не почувствовал.

— Ну, и с какой целью ты мне даешь свое зелье?

Жарги усмехнулся:

— Не бойся. Тебе еще многое надо увидеть в этом мире. Просто слегка взбодришься... Впрочем, сознание чуть затуманится, но будет хорошо и весело. Только не пытайся играть со слонами, дразнить носорогов и дергать за хвост львов.

— Насколько мне известно, здесь давно уже не водятся ни слоны, ни носороги, ни львы. Даже бегемотов нет.

— Считай, что им и тебе повезло, — весело ответил Жарги.

Я сделал первый глоток. Попытался сравнить вкус настоя из нкарппо с чем-то уже изведанным мной, но ничего похожего не мог вспомнить. Вначале закружилась голова. Редкие звуки африканской ночи затихли. Зато ярче засверкали звезды. Мне показалось, что усталые танцоры у Синего камня приблизились, и даже в темноте я мог разглядеть каждую черточку на их деревянных и жестяных масках, каждую складочку на их одеждах.

— Чего они ждут? Пойдем к ним! — предложил я.

Жарги ответил насмешливым взглядом:

— Сиди спокойно, а то натворишь дел после нкарппо. Исполнители обряда поклонения богу дорог еще не все свершили. Потерпи, не лезь к ним — и увидишь настоящее чудо.

Я встрепенулся:

— Неужто сам бог дорог явится сюда? Впрочем, после такого напитка может почудиться все, что угодно...

Я вернул флягу приятелю.

Жарги тоже сделал глоток и заговорщицки прошептал:

— Следи! Сейчас они будут вызывать предвестницу бога дорог! Кстати, схожий обряд существовал у индейцев алгонкинов, обитавших на территории современного Нью-Йорка. Правда, с приходом белых обряд этот то ли забыли, то ли держали в тайне от пришельцев.

Бирюзовая вестница

Уставшие люди у Синего камня будто услыхали слова моего приятеля. Один за другим встрепенулись и стали медленно подниматься с земли.

Дробно загремели два барабана. Словно тяжелые градины колотили по деревянным доскам.

Метнулись прочь испуганные летучие мыши, и снова завизжали, зашлись в истеричном хохоте гиены.

Люди опять одели маски, встали вокруг Синего камня и подняли высоко руки, и потянулись всем телом, будто хотели стать поближе к небу.

О, разящая и стремительная!
Сверкни!
Бирюзовая вестница,
Несущая жизнь и смерть,
Примчись!..

Я вопросительно взглянул на Жарги.

— Да, — кивнул он. — Каждый исполняет песню-призыв Бирюзовой молнии на своем языке.

Действительно, в ритмичном, слаженном пении помимо неведомых слышались и знакомые слова на русском, на английском языках.

Ты дала жизнь на земле.
Ты предвестница Великого исхода.
О, разящая Бирюзовая молния!..

— Ну и что будет дальше? — нетерпеливо спросил я.

— Бирюзовая молния откликнется на призыв, — просто ответил Жарги.

С сомнением я взглянул на чистое звездное небо и недовольно проворчал:

— Откуда она возьмется, когда нет ни одной тучи? Я, конечно, уважаю древние обряды... Но вызов молнии человеком?

Жарги сделал резкий жест рукой:

— Как же вы, материалисты-догматики, цепко держитесь за хвост своих воззрений и боитесь сделать хоть шаг в сторону, взглянуть на мир шире!

Я хотел ему возразить, но звуки барабанной дроби усилились и снова привлекли наше внимание к поклоняющимся богу дорог.

Над камнями, где мы укрылись, пронесся холодный поток ветра. Стремительный, короткий, сырой. Неизвестно, откуда он появился и куда умчался. За ним — второй, третий поток. Казалось, даже камни мгновенно потеряли собранное днем тепло и застонали от холода.

Порывы ветра вспугнули сонные звезды, и они задрожали часто-часто, словно рябь прошла по небосводу.

В едином порыве вскрикнули и замерли у Синего камня люди.

— Ну что, не верил? Не верил? — забормотал вдруг Жарги.

Мне показалось, в голосе его появился оттенок гордости.

Я взглянул вверх. Померкли звезды. Черноту неба разорвала огненно-бирюзовая молния. Она ворвалась откуда-то из глубины Космоса и без единого зигзага тонким лучом ударила в Синий камень. На мгновение тот вспых-

нул и несколько секунд светился, словно зажженный изнутри.

Казалось, после такой яркой молнии африканская ночь содрогнется от оглушительного грома. Но молния погасла. Стал меркнуть Синий камень, а громового раската не последовало.

Зато снова вскрикнули и закружились в странном хороводе люди под масками. И снова они обращались к богу дорог.

Я подумал, что именно так должны были исполнять ритуал маленькие черные человечки сотни тысяч лет назад, перед тем как начать великий исход из Восточно-Африканского рифта — «седьмого рокового пояса Земли». Исход на север, к верховью Белого Нила, чтобы оттуда, спустя тысячелетия, двинуться осваивать Европу и Азию.

Так это было или нет?

Надеюсь, когда-нибудь человечество узнает. А пока мне просто хотелось верить, что собравшиеся из разных стран люди смутно уловили отголоски тысячелетий. Может, сработала генетическая память? Может, какие-то древние знания, открытые только для посвященных?

Может, так все и было

Как эти люди нашли друг друга? Как собрались они у священного Синего камня? Кто научил их совершать древний ритуал поклонения богу дорог?

Мы с Жарги так и не смогли выяснить.

Утром люди поспешно покинули место у Синего камня. На все наши вопросы они отвечали невразумительно. Чувствовалось, что от нас попросту хотят побыстрее отделаться и что их очень раздражает присутствие чужаков во время ритуальных танцев.

С десяток разноцветных «джипов» умчались вскоре по каменистому бездорожью на северо-запад. Клубы пыли еще долго висели в воздухе, скрывая белесое восходящее

солнце. Удивленные и напуганные ревом машин, антилопы еще некоторое время таращили свои черные глаза вслед исчезающим за горизонтом разноцветным «джипам».

Жарги развел руками и ехидно спросил:

— Разузнал все, что хотел? Открыл тайну великого исхода и бога дорог?

— Хватит издеваться, — проворчал я. — Кроме магнитофонной записи и нескольких фотоснимков, ничего у нас нет.

— С фото тоже ничего не получится, — «обрадовал» Жарги. — Мне говорили, что все снимки Синего камня засвечиваются... Один мой друг из Нью-Йорка как-то попытался пофотографировать. Все впустую...

— Почему такая таинственность? Чего опасаются люди, совершающие обряд у Синего камня? — продолжал я о своем.

Жарги пожал плечами:

— Кто их знает? Наверное, не хотят набегов сюда туристов и всяких любопытных. Впрочем, в Нью-Йорке я познакомлю тебя с одним более разговорчивым участником обряда. Зовут его «дядя американских дорог». Может, он тебе приоткроет кое-какие тайны...

— А какое имеют право люди из чужих стран совершать обряд на этой земле? Здесь, что, их владение? — заинтересовался я.

— Раз правительственные чиновники и местное племя не препятствуют им — значит, какое-то право имеют... Да что ты вообще пристал к ним? — Жарги хитро подмигнул мне и добавил. — Видно, злишься, что дал им слово не называть место нахождения Синего камня?

Я ничего не ответил, лишь махнул рукой.

Мы подошли к заветному камню, надеясь обнаружить что-то необычное. Но все было, как и вчера. Цветы и побеги атуарамбо по-прежнему укрывали его от чуждых взоров.

Жарги раздвинул зеленые ростки и показал на множество линий и черточек наверху камня. Я долго всматривался в них, но так и не смог понять: выбиты они рукой человека и являются древними письменами или созданы природой.

Жарги отвлек мое внимание:

— А знаешь, у народов Васуахили, Вашамбала и Акамба есть легенда, что жизнь на земле появилась в Первом роковом поясе Земли, когда началось извержение вулкана и горящие выбросы попали в море. Именно тогда упал в воду метеорит и ударила Бирюзовая молния...

Я недовольно махнул рукой:

— Ты еще скажи, что в это время пошел дождь и снег, налетел ураган, начались землетрясения и цунами...

— Кто знает, а может, все так и было? — весело ответил Жарги.

Я посмотрел по сторонам: на сухую каменистую землю, на стаю птиц у горизонта, на запыленные цветы атуарамбо на Синем камне, — и невольно вздохнул:

— Может, все так и было...

Записи и карты «дяди американских дорог»

Мои воспоминания прервало появление хозяина.

Анкл вернулся во дворик со стаканчиками и бутылкой джина. Поставив все это на столик, старик продолжил наш прерванный разговор:

— Разумеется, я побывал не только в Восточной Африке, откуда началось великое переселение народов. Здесь, в Новом Свете, я посещаю все древние памятники, которые хоть как-то свидетельствуют о появлении первых людей в Америке.

— А разве они сохранились? — с сомнением поинтересовался я.

Анкл решительно кивнул:

— Не все еще погибли рукотворные памятники, не все еще забыты и затеряны в веках обряды, традиции, преда-

ния. Я уверен, даже здесь, на территории Нью-Йорка, можно уловить их следы. Много тысяч лет назад люди шли навстречу солнцу. Согласно легендам гренландских эскимосов, да и многих индейских племен, в том числе и алгонкинов, вел их бог дорог с посохом в руке, на вершине которого горела путеводная звезда...

Голос старика становился все тверже и напевней. Казалось, теперь он исполнял какую-то песенную былину.

— Они прибыли из Сибири в Америку. Часть из них двинулась на юг, а часть — снова навстречу солнцу. Двенадцать-четырнадцать тысяч лет назад сибиряки, ставшие американцами, достигли Атлантического побережья. Возможно, то были последние столетия, когда Северный океан отделялся от Атлантического широкой полосой суши, и Америка с Гренландией соединялись с Европой.

Анкл перестал смотреть на нас с Джейн и устремил взгляд вверх. Будто хотел в нью-йоркском небе отыскать следы давних событий.

— Чтобы спасти людей от многих бед и катастроф, бог дорог призвал их снова двигаться навстречу солнцу. Так бывшие сибиряки-американцы стали европейцами.

— Выходит, не Европа открыла Америку, а наоборот? — усмехнулся я. — Но где доказательства?

— Они есть, и я их ищу, — просто и уверенно ответил Анкл. — Кстати, так считает и твой приятель Жарги...

— Но ведь такую работу нельзя проводить в одиночку...

Анкл решительным жестом прервал меня:

— Я иду по дороге один, но я вовсе не одинок.

— А вы ведете какие-то записи? Вы консультируетесь с учеными? Информируете о своих находках общественность, прессу? — не унимался я.

— Всему свое время, — мудро и туманно ответил Анкл. — Может случиться так, что именно ты получишь мои записи. Как знать?..

Я разочарованно махнул рукой:

— Это все вилами по воде писано. И, как я понял, пока не найдено никаких фактов, документов, научных доказательств...

Мое огорчение было столь заметно и выглядело, наверное, так забавно, что Джейн и Анкл не выдержали и засмеялись...

Конечно, тогда, во дворе нью-йоркского дома, я не мог предположить, что спустя много лет поиск записей и карт «дяди американских дорог» станет частью моей программы «Тайны времен и народов».

Но это произойдет лишь после загадочного исчезновения Анкла в конце восьмидесятых годов. Никто из его нью-йоркских друзей, и даже мой неугомонный приятель Жарги, так и не смогли дознаться, почему не вернулся домой и где завершился путь «дяди американских дорог».

Но завершился ли?

По крайней мере в Нью-Йорке его больше не видели. Он оставил своему городу лишь добрые воспоминания о себе, и тайны, тайны, тайны...

«Не гуляйте возле дома или места работы. Если вы являетесь мишенью похитителей или убийц, ваша привычка облегчит им задачу.

Передвигаясь пешком, будьте настороже и постоянно следите за происходящим вокруг».

Второе рождение

Я сразу понял: что-то случилось с машиной. Дональдсон лихорадочно нажимал на тормоз, и его нога будто проваливалась в пустоту.

В одно мгновение доброе лицо Би преобразилось. Возле уголков губ мгновенно появились складки, и кожа стала пепельного цвета.

Еще нажим на тормоз... Еще...

«Бьюик» не снижал скорость.

Говорят, в момент смертельной опасности мгновения растягиваются в длинные эпизоды.

Подтверждаю. Мне казалось, что мы очень медленно и неотвратимо надвигаемся на смертоносную преграду из автомобилей.

Вырулить невозможно. Впереди и справа зажаты машинами.

Дональдсон из последних сил вырвал ручник. Задние колеса захватило.

Запах горелой резины. Визг. Скрежет. Испуганные взгляды водителей. Удар. Распахнутый багажник вишневого «меркурия».

Хвала мастерству Би или удаче!

Мы целы и невредимы. Вишневый «меркурий» мы лишь слегка боднули.

Через несколько минут примчались нью-йоркские полицейские. Один из них, веселый геркулес в черной форме, открыл капот «бьюика» и присвистнул:

— Парни, у вас сегодня второе рождение. Приглашайте, не откажусь. Надрезан трубопровод. Сработано профессионально. Тормозная жидкость вытекла. Кто-то крепко сердит на вас.

— Кто? — спросил я и посмотрел на Би.

— Кто? — спросил он и посмотрел на меня...

«Вам не надо ломать голову, чем накормить своих четвероногих любимцев. О них уже позаботились мы.

Наши консервы для кошек и собак очень полезны и питательны».

«Внимание! Предлагаем курс обучения подслушиванию телефонных разговоров, подслушиванию на расстоянии, микрофотографированию, скрытой и дистанционной фотосъемке.

Даем уроки по ведению наблюдения, слежки, ведению допросов по тайваньской системе».

«Эй, парни, Черные крысы и Оранжевые змеи! Кончайте размалевывать стену и лупить друг друга! Кончайте вашу бессмысленную войну!

Для вас мы открываем бесплатный атлетический клуб, где вы сможете накачать мускулы, побарахтаться на татами и размяться на ринге!

Комиссия по работе с подростками».

«Ваше здоровье зависит от чистоты!

Не выбрасывайте пустые бутылки и банки. Их с радостью примут у вас в нашем магазине.

Как знать, может, благодаря этому вы сможете сколотить состояние. Говорят, старина Генри Форд-первый начинал с этого».

Запомни эти мгновения

Мы бежали из раскаленного Нью-Йорка.

Би Дональдсон гнал «бьюик» и приговаривал:

— К черту! К черту от этой жаровни! Проклятые каменные джунгли... Еще немного — и я задохнусь...

Тем не менее он успевал оглядываться на нас с Джейн и заговорщицки подмигивать.

Джейн то и дело поднимала голову с моего плеча и умоляла:

— Би... милый... Следи за дорогой...

Дональдсон в ответ снова подмигивал:

— Все будет в порядке, ребята!

А потом мы с Джейн лежали на берегу океана. Положили друг на друга руки и молчали.

Невдалеке, на дощатом, новеньком причале, бесновался Би.

— Хэй, вы что, оглохли?!

—...

— Или одурели от жары?

—...

— Послушайте, голубки, вы, кажется, издеваетесь надо мной?

Мы с Джейн беззвучно смеялись и продолжали молчать.

— Ну, погодите, я вам устрою какую-нибудь пакость. Вот брошу одних на берегу...

Раскаленный воздух терял прозрачность и становился видимым. Все чувствительней становилась его тяжесть. Теперь он струился как подогретая вода. И легкий бриз не в силах был освежить его.

Я перевернулся на живот и тайком любовался стройными ножками Джейн.

Как приятно ощущать ее близость...

Джейн почувствовала мой взгляд. Открыла глаза. Смутилась.

— Не смотри на меня так.

— Как?

— По-кошачьи...

— Хорошо. Не буду, — поспешно пообещал я, но попрежнему продолжал пялить глаза.

Она засмеялась и хотела отползти, но я придавил ее рукой.

— Не двигайся... Не уходи...

А тем временем Би продолжал ругаться.

— Я думал, только у нас, в Америке, бессовестный народ! Русские не лучше янки! Пока я, как бедный пролетарий, готовлю яхту к выходу, проклятые эксплуататоры нежатся на солнышке... У вас есть совесть, эксплуататоры?!..

Би снова не дождался ответа и констатировал:

— Ну, конечно же, нет! Работай, работай, бедный Би, обслуживай этих трутней!..

— Может, все-таки поможем ему? — не вытерпел я.

Джейн тихо засмеялась и прошептала:

— Он сам справится. А мы... Давай останемся здесь... На этом месте и завершим наш с тобой великий исход.

Я посмотрел на зеленый берег океана, на белые катера и яхты у причала и кивнул:

— Останемся...

— Только по-настоящему. Навсегда.

— Я согласен. По утрам мы будем уходить в океан и ловить рыбу. Днем купаться и загорать. По вечерам бродить берегом, швырять в воду камешки и разгадывать все тайны Земли. А по ночам считать звезды и любить друг друга...

— Мы соорудим шалаш, — подхватила Джейн, — и станем жить здесь без всяких благ цивилизации, как первые люди, откликнувшиеся на зов бога дорог...

Внезапно взгляд ее стал задумчивым.

— А ты всегда будешь любить меня?

— Всегда, Джейн... Даже сию минуту...

Крик чаек заполнил океан до самых облаков.

Не слышно даже поскрипывания снастей.

Волны слегка раскачивали яхту и приговаривали: «Запомни эти мгновения на всю жизнь. Они неповторимы...»

И сказал я сам себе: запоминай! Запоминай и полет чаек, и брызги зеленых волн, и теплоход у горизонта, и счастливые глаза Джейн.

Может, будут еще в твоей жизни и океан, и яхта, и серебристые чайки, и рядом любящая женщина...

Но это будет уже не тот океан, не та яхта, не те чайки...

И женщина с другим именем...

Десять лет спустя

«...Согласись, Кэт, пути людские пересекаются порой так неожиданно, необъяснимо и дают такие последствия, которые не может предугадать ни один человек.

Астроном Джим Джеймс писал: "Все в мире взаимосвязано. Ребенок на земле роняет погремушку, а волны от этого движения бегут в космосе и через тысячи лет отзовутся на тысячах светил".

Нет, не случайно мы встретились с Джейн во времени и пространстве.

Это не может быть случайностью, как не может быть солнца без света, бури без ветра, океана без воды...

Мы обязательно встретимся с ней, потому что океан не бывает без воды, буря — без ветра, солнце — без света!..»

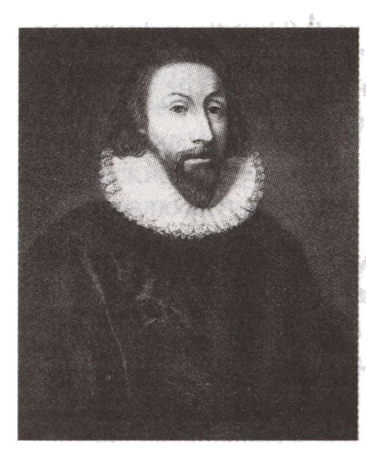
Истоки американской мечты

Невозможно понять страну, если не знаешь, о чем мечтает ее народ.

Как часто в печати и по телевидению, да и просто в разговорах встречается понятие «американская мечта».

Но что означает она? Что стоит за ней? Где истоки этой пресловутой «американской мечты»? Быть может, каждый, начавший свой «исход» из Азии и Европы в Новый Свет, нес ее в душе вместе с надеждой? Пожалуй, она появилась на Американском континенте, произрастая из моральных принципов первых переселенцев.

В 1630 году основатель колонии Массачусетс и ее первый губернатор Джон Уинтроп в своей речи, написанной на корабле «Арабелла» по пути из Англии в Америку, призывал соратников: «... Все мы должны быть спаяны, как один человек, должны по-братски относиться друг к другу, должны охотно отказываться от наших излишков, дабы обеспечить нужды других, мы все, как один, должны со всею мягкостью, кротостью, добротою и терпимостью поддерживать наш союз, наслаждаясь обществом друг друга, совместно радуясь чужим удачам, вместе горюя, трудясь и страдая, мыслен-

Джон Уинтроп — основатель колонии Массачусетс и ее первый губернатор

ным взором всегда представляя перед собою нашу задачу и цели нашего общества, неотделимой частью которого мы все являемся.

И ежели мы подобным образом сохраним единство духа в узах мира, Господь станет нашимГгосподом и с радостью поселится среди нас, как среди избранного его народа и благословит все наши начинания.

И с тем, чтобы мы увидели доброту его мудрости, силы и правды во всем их блеске, еще незнакомом нам, и чтобы мы обнаружили, что Господь среди нас, десять наших воинов однажды смогут противостоять тысяче врагов, когда он изберет нас для хвалы и славы.

И люди последующих поколений скажут: "Сие в Новой Англии сотворено волей Божьей". Посему должны мы иметь в виду, что будем подобно городу на Холме, взоры всех народов будут устремлены на нас; и если мы обманем ожидания нашего Господа в деле, за которое взялись, и заставим Его отказать нам в помощи, которую Он оказывает нам ныне, мы станем притчей во языцех по всему миру, отверзнув уста врагов, хулящих пути Господа и его поборников. Мы омрачим лики многих достойных слуг Бога и превратим их молитвы за нас в проклятия, которые будут преследовать нас до тех пор, пока не исчезнем мы с лица той доброй земли, в которую направляемся...»

Искать свою Америку

Любая цивилизация, государство, новая нация рождается в результате великого исхода одного или нескольких народов. Многолетняя массовая миграция закладывает и взращивает духовную основу будущей цивилизации...

Каждый пишет свою книгу жизни, каждый пишет посвоему...

И задолго до того, как начать книгу об Америке и о Нью-Йорке, я подсознательно впитывал многое из жизни этой страны и этого Города.

Я не представлял ясно, что именно будет иметь для меня литературную ценность спустя годы.

Но память цепко ловила в свои сети рассказы бабушки о жизни в Пенсильвании и грустную улыбку художника Антона Рефрежье, искрометные парады в Нью-Йорке и песни бродячего музыканта из Атланты, бейсбольные матчи и встречу с писательницей Лилиан Хелман, закаты над Гольфстримом и очаровательных стюардесс из «Пан Американ», вечеринку с гарвардцами и похороны короля рока Элвиса Пресли, концерты в Рокфеллеровском центре Нью-Йорка, и поездки с Генри Уинстоном и Артом Шилдсом по знаменитому городу, красные листья клена и изнурительные тренировки в нью-йоркской школе «джиу-джитсу», мои путешествия по загадочным местам Соединенных Штатов и беседы с «дядей американских дорог»...

Может, все это и не войдет в книгу, но поможет мне понять многие тайны Нью-Йорка.

Лет сорок назад писатель Томас Вулф сказал: «Из миллионов форм бытия Америки, из жестокого насилия и темных лабиринтов, что составляют суть ее кипящей жизни, из уникальной и единственной сути этой земли и нашей собственной сути должны мы извлечь силу и энергию нашего бытия, звучание нашей речи, сущность нашего искусства.

Ибо именно на этом трудном и достойном пути мы, как мне кажется, только и можем обрести свою речь, найти свой язык, свое сознание — все то, что, как людям и художникам, нам так необходимо. На этом пути нам — кто обладает только тем, чем обладает, знает только то, что знает, является только тем, чем является, — предстоит найти свою Америку...»

Я тоже, Кэт, пойду по ее дорогам и буду искать свою Америку...

Я снова мчусь за океан. Десять лет спустя...

Отшельник и бродяга Анкл, с которым Джейн познакомила меня в Нью-Йорке, говорил: «И беспрестанно быть

Великому исходу в умах, душах, в земных и космических пространствах миллионов людей и одиночек, пока есть и будет человек!»

Нудное ожидание

Двухчасовая посадка во Франкфурте-на-Майне превратилась в шестичасовое нудное ожидание.

Пассажиры роптали, говорили о поломке нашего «Боинга», о кознях террористов, о бомбе в багажном отсеке.

А до Нью-Йорка лететь еще целых семь часов!

И все же, если ничего не случится, я доберусь до Соединенных Штатов гораздо стремительнее, чем мой дед. В самом начале XX века его путь из России до Нью-Йорка длился почти два месяца. Эта мысль немного успокаивала.

Неожиданно два господина, на русском с явным одесским акцентом, принялись меня уговаривать поехать с ними к друзьям. По говору чувствовалось, что драпанули они из Советского Союза лет пятнадцать назад.

Оба, очевидно, слегка одурев от нудного ожидания, отчаянно жестикулировали, озирались и доверительно шептали мне:

— Поверьте, в Нью-Йорке вас ждет масса больших и свеженьких неприятностей. Оставайтесь здесь...

Черт знает, за кого они меня приняли?

Вначале я лениво отмахивался от надоедливых «доброжелателей», а потом ловко увернулся от них и затерялся в людской толчее.

Сотни людей слонялись по огромному залу аэропорта, толкали друг друга, задевали сумками и пакетами. При этом извинялись все по-английски, ругались — каждый на своем языке...

«Учитесь отдыхать!

Тот, кто не умеет правильно отдыхать, не умеет правильно работать и жить.

Обращайтесь к нам. Мы всегда будем рады организовать ваш отдых — и рядом, и за тысячи миль от Нью-Йорка».

«Ткань «кевлар» выручит в самую трудную минуту! Нож и пуля отступают перед ней. Она прочная, как сталь, и легкая, как хлопок.

Плащи, рубашки, пальто, куртки из «кевлара» необходимы каждому и днем, и ночью».

«Не прозевай опасность!»

Внимание: СПИД! Будьте осторожны: СПИД! Тревожные предупреждения американских газет 1987 года. Тревога в обращениях врачей, ученых, общественных деятелей. Каждый день она звучит по телевидению и радио.

Главный хирург США в те времена утверждал: «Синдром приобретенного иммунодефицита не передается через одежду и пищу. Так что без паники!

Не бойтесь посещать кафе, рестораны, театры, кино. Если даже вирусы попадут в еду — под воздействием желудочного сока они погибнут. Возбудитель СПИДа не может существовать вне организма.

Если не употреблять наркотики и не ударяться в разгульную жизнь, гарантирую: трагедия обойдет вас стороной. Но тем не менее соблюдайте осторожность!

Береженого Бог бережет!»

За последние годы специалисты изучили многие американские семьи, в которых есть больные СПИДом. Все члены этих семей пользовались одной посудой, одними предметами быта, и вирус при этом не передавался.

«Чума XX века! Кара Господня! Болезнь — расплата!». Она не признает государственных границ, расовых и социальных различий. Быстрое распространение возбудителя СПИДа создает угрозу всему населению земного шара.

Некоторые американские ученые считали, что в 1987 году зараженных возбудителем СПИД в США уже полтора миллиона, а заболевших — около двухсот тысяч. И нет пока средств профилактики и терапии.

Для каждого исторического этапа развития человечества характерны свои социальные, бытовые, культурные черты. Каждому историческому этапу сопутствуют свои заболевания.

Меняется образ жизни — уходят в прошлое одни болезни. Появляются другие, новые, неведомые человеку.

Во все времена информация об эпидемиях, катастрофах, трагедиях приобретала нелепые формы. Если поверить не официальным сообщениям, а слухам о Нью-Йорке, которые мне передавали в Москве в 1987 году и Франкфурте-на-Майне, я должен был бы увидеть вымирающий город. Воображение рисовало картины из фильмов ужасов...

Пустой аэропорт. Улицы, заваленные мусором. Город без электричества. Редкие, испуганные прохожие. Гробы на катафалках. Скорбь. Отчаяние...

Страшная картина достойна фильмов ужасов.

Но Нью-Йорк жил своей прежней жизнью. Заливался электрическим огнем. В аэропорту звучала тысячеголосая разноязычная речь. И автомобили развозили гостей во все уголки вечернего мегаполиса.

И все же знакомый полицейский в мой первый же день прибытия в Нью-Йорк серьезно предупредил: «Не прозевай сигнал опасности! В Нью-Йорке орудуют банды носителей СПИДа. Отчаявшиеся. Озлобленные. Они специально заражают людей. Так что будь осторожен!»

«Вы не “Мстители джунглей”, а трусливые трепачи. Забываете уговор. Эта стена и сквер были и остаются нашими. А если у вас короткая память, мы можем ее освежить. Приходите в четверг, после школы, потолкуем.

“Шерифы”».

Нью-Йорк. Год 1987-й.

...Вчерашний вечер закончился жесткой фразой:

— Нет. Нет таких...

И снова меня ждет неприятный день. Не знаю, верить ли снам? И все же сон — видоизмененный прообраз прошедших или будущих переживаний...

Снилась херсонская степь.

Раненый волк полз ко мне. И пасть его в красной пене открывалась все больше и больше. И не было сил снова поднять ружье.

Вот-вот он дотянется до меня. А я смотрел завороженно в его глаза и не мог пошевелиться...

Проснулся.

Номер нью-йоркского Вашингтон-сквер отеля. Десять лет назад мы с Джейн останавливались здесь. Может быть, даже в этом номере?

Сердце настойчиво выстукивало: быть беде, быть беде...

Почему так тревожно? Неужели из-за какого-то дурацкого сновидения?

Я вдруг почувствовал, что все дальше удаляюсь от своего созвездия, под которым родился, созвездия удачи. Все дальше и дальше...

Прощай, мое созвездие. Прощай, моя удача. Еще один телефонный звонок, еще один адрес... Здесь когда-то жила она. Здесь жили ее друзья...

— Нет таких. Нет... нет... нет...

Но где-то же она есть?!

Прощай, мое созвездие. Прощай, моя удача.

Опять тревога

В районе Куинз — переполох.

Пробки на дорогах. Полицейские сирены. Недоуменные водители разводили руками и спрашивали друг друга:

— Что случилось?

— Автокатастрофа?

— Пожар?

— Убийство?

— Опять в Нью-Йорке трагедия?

Полицейские спешно устанавливали знаки запрета движения.

Суетились люди в белых и желтых спецодеждах. Даже издали я заметил у многих счетчики Гейгера.

— Учебная тревога или что-то посерьезней произошло в Нью-Йорке?

Полицейский пожал плечами и демонстративно отвернулся.

А вечером по телевидению — сообщение: «В Куинз на химическом предприятии компании “Рейдиум кемикл” скопились большие запасы радия. Зафиксирована утечка радиации. Ее уровень за территорией предприятия в 40 раз превышает официально установленную в США норму...»

А неподалеку в сквере сентябрь задумчиво срывал листья клена. И будто никак не мог ответить на давний вопрос: любит — не любит? Любит — не любит?

«...Не садитесь в пустые вагоны метро.

На платформе занимайте позицию, чтобы вас видел дежурный. Прячьте кошельки. Не смотрите в глаза попутчикам. Не подходите к ним близко...»

«Сколько дорог должен каждый пройти?»

Память может через много лет воскресить прошедшие испытания и наслаждения. Но от этого испытание не станет реальным, не повторится, как воспоминание о пережитом счастье, не возвратит счастье.

Говорят, память безжалостна. А может, мы сами безжалостны? Безжалостны и несправедливы к памяти...

Как давно я слышал эти слова: «Ты снова мчишься открывать все тайны Земли, но не можешь открыть до конца тайну даже одного человека...»

Наверное, Джейн права.

«Даже любовь мы можем по-настоящему увидеть и оценить лишь с вершины своей памяти...»

Кто? Кто и когда сказал это?

Джейн! Ее слова...

У каждого память состоит из миллионов струн — старых, новых, звонких, едва слышных.

Есть струны, которых никто никогда уже не коснется. Есть, на которых играют часто. Коснешься такой одной — зазвенит. Ей отзовется другая, третья. И выплывет из памяти целая мелодия жизни...

Однажды в Нью-Йорке мы с Джейн приехали в гости к ее знакомым в Гринвич-Виллидж. На лужайке возле дома была устроена вечеринка. Хозяйка принесла гитару и попросила Джейн спеть.

Джейн кивнула в ответ и взяла старую, сделанную в СССР, гитару. Запела сразу, еще не коснувшись пальцами струн:

Сколько дорог должен каждый пройти,
чтоб стать человеком он смог?
Сколько морей облетит на пути
к родным берегам голубок?
Сколько снарядов на воздух взлетит,
пока войнам кончится срок?
Ответ на вопрос
мне ветер принес,
мне ветер на крыльях принес...

Я не сразу узнал эту известную песню Боба Дилана. Джейн исполняла ее как-то по-своему, немного медленней, задушевней, печальнее, чем обычно...

...Сколько мы можем глаза закрывать
на то, что творится вокруг?

Ответ на вопрос
мне ветер принес,
мне ветер на крыльях принес...

Теперь казалось, что Джейн уже не поет, а рассказывает под аккомпанемент гитары ей одной известную, печальную и тревожную историю... О прошлом? О будущем? О неотвратимом?

...Сколько смертей увидать надо нам,
чтоб крикнуть: «Довольно смертей!»?
Ответ на вопрос
мне ветер принес,
мне ветер на крыльях принес...

Таксист

— «К чему искать земли, что освещает иное солнце? Разве изгнанник сможет убежать от себя?» Как больно и верно сказал Гораций.

Я удивленно взглянул на таксиста.

— Вы говорите по-русски?

— А, по-вашему, я должен забыть его через шесть лет? Или...

Таксист поправил фуражку и с укором посмотрел на меня в отражении зеркальца.

— Чувствую, давно не были в Нью-Йорке. Или я не прав?

— Как вы догадались, что я из России и давно не был здесь?

— Это так же просто, как перейти Дерибасовскую. Мы катаемся уже час. Я вижу ваши глаза. В них сентиментальная грусть, воспоминания. Кто способен на эдакую романтическую сентиментальность? Смотреть на дома и улицы, где был, где жил, где гулял, где встречался, и при этом только раз покоситься на счетчик. Я вас умоляю. Все ясно, как

божий день. Американцы не способны на такое. Вы кого-то ищете? Или я не прав?

— В этом городе мне уже некого искать.

— Тогда — в гостиницу или недорогие магазины?

— Давайте на Бродвей. Пройдусь. Прогуляюсь.

Минуту или две таксист молчал. Потом не выдержал. Тихо и виновато спросил:

— Ну, как там? Я ведь уехал в 81-м...

— В двух словах не расскажешь. Вы из Одессы?

— Жил и в Одессе, и в Туле... А уехал из Москвы. Был врачом. А теперь вот...

На мгновение он вскинул руки и с силой ударил по рулю.

Возле парка я попросил остановить.

— Отсюда пойду пешком.

Я протянул ему деньги.

— Да боже ж мой! — он отвел мою руку и улыбнулся мудрой улыбкой библейского пророка. Поспешно одел темные очки и как бы про себя пробормотал:

— «К чему искать земли, что освещает иное солнце? Разве изгнанник сможет убежать от себя?»

«Я привыкла блуждать одна...»

— С этой женщиной ты обязательно захочешь познакомиться...

Мы шли с Артом Шилдсом вдоль Ист-Ривер. Как хорошо, что судьба хоть изредка дарует долгожительство достойным.

Мой старший товарищ Арт виделся с Джеком Лондоном, дружил с Эрнестом Хемингуэем, принимал в Нью-Йорке Сергея Есенина и Владимира Маяковского, хорошо знал Теодора Драйзера...

Во время гражданской войны в Испании франкисты приговорили его к расстрелу. Арту удалось бежать.

Во всем мире журналисты называют его рыцарем пера.

Ист-Ривер

Арт вдруг поправил галстук, приосанился и пригладил вихры.

Волшебство, да и только! Он мигом сбросил лет тридцать.

— Но захочет ли она познакомиться! — Арт щелкнул пальцами и потянул меня через улицу.

Лишь сейчас я обратил внимание на пожилую женщину в коричневом плаще и шляпе. В руке у нее было несколько хризантем. Женщина шла как по облаку. Не замечала ни прохожих, ни машин, ни самого Нью-Йорка. Она смотрела вверх, туда, где вершины небоскребов прокалывали голубое спокойствие.

— «Загадочная беглянка»! «Таинственная звезда»! «Мисс одиночество»! — на ходу восторгался Арт. — Это все о ней, о ней! Я знал ее еще, когда она двадцатилетней девчонкой впервые ступила на американскую землю. Кажется, если мне не изменяет память, в двадцать шестом. И не

Грета Гарбо
в памяти зрителей

было еще ни «Дамы с камелиями», ни «Королевы Христины», ни «Анны Карениной».

— Да кто же она?!

Арт резко остановился и смерил меня победоносным взглядом.

— Грета Луиза Густафсон! Суперзвезда Голливуда 20—30-х годов. Известная всему миру под именем Грета Гарбо! Боже, боже, что вытворяет время!

— Неужели это она? Я думал, ее давно нет в живых.

— Многие так думали, — снисходительно кивнул Арт. — Ей было немногим более тридцати, когда в сорок первом на фильме «Двуликая женщина» она поставила точку. Окончательную точку на своем звездном полете, на удачливой карьере, на Голливуде... С тех пор живет затворницей. Никого не принимает, не дает интервью, никуда не ездит и, говорят, даже не пишет писем. Редкие телефонные звонки, телевизор, прогулки по улице, общение с прислугой и все...

— Почему так случилось?

— Не знаю.

Наконец, мы поравнялись с Гретой Гарбо.

— Доброе утро, Грета! — Арт чуть склонил голову.

В одно мгновение женщина с букетом хризантем спустилась с облака. Улыбнулась и протянула руку.

— Ах, здравствуй, здравствуй, Арт! Как давно мы не виделись. Ты все носишься по свету и пишешь?

Арт поцеловал ей руку и легонько подтолкнул меня вперед.

— Мой приятель, журналист Вадим Бурлак.

Лицо Греты Гарбо нахмурилось, поскучнело.

— Он из Москвы, — добавил Арт.

Снова появилась улыбка.

— Русский? До вашей страны я так и не добралась. И никогда уже не доберусь.

— Но вас хорошо знают в России по кинофильмам.

— Ах, это было так давно. Все в прошлом... Все в прошлом...

Грета хотела что-то добавить, но передумала. Отобрала из букета две хризантемы и протянула Арту и мне.

— Прощайте, мальчики. Я привыкла блуждать одна...

Раскланялись. Арт ловко прикрепил к пиджаку синюю хризантему.

Дальше мы шли молча.

Я искоса поглядывал на Арта. Он слегка улыбался. А мысли его были далеко-далеко. Там, в тридцатых, где набирала силу слава Хемингуэя и Фитцджеральда, где танцевали танго и фокстрот, ругали «сухой закон», жаловались на Великую депрессию, где мужчины при встрече с женщиной обязательно снимали шляпу...

«Времена-то меняются!..»

«Присоединяйтесь к нашей демонстрации!»

«С нами — на Уолл-стрит! Там самые главные загрязнители окружающей среды!»

«Человек может изобрести самый убийственный препарат против миллиардов букашек, но не может создать даже одну букашку».

«На земле 4 миллиарда гектаров леса. Каждый год мы уничтожаем 18 миллионов гектаров!»

«Хватит болтовни! Решительные действия — пока не поздно!»

12. 3-338.

«Зеленой революции — “да”!»

«Кому нужны цивилизация и прогресс, если завтра ими некому будет воспользоваться?!»

«Это может каждый: не использовать моющие средства, не употреблять аэрозоли, не курить, экономить воду и электроэнергию, отказаться от автомобиля, пользоваться велосипедом, больше ходить пешком, сажать деревья и цветы».

«Сохраняй свое здоровье — ты частица природы и ценное достояние мира!»

«Наша Миссисипи ежегодно несет в Мексиканский залив около 600 миллионов тонн сельскохозяйственных, промышленных и коммунальных отходов».

«Присоединяйтесь к нашей демонстрации сегодня! Завтра будет поздно!»

«Именно от вас может зависеть, каким окажется Великий исход человечества — путем к спасению или гибели!..»

Травы лечат печаль

Генри Торо считал, что для просветления души и прилива радости не обязательно нужны счастливые перемены в жизни и события. Достаточно выйти в лес, в поле, на берег чистой реки, оглядеться вокруг и задуматься. Ведь не может быть встреча с природой бесполезной и напрасной.

Он не любил Нью-Йорк, но считал, что в этом огромном городе можно отыскать для счастья зеленый уголок.

В нью-йоркском Центральном парке я увидел группу студентов. Они сидели и лежали прямо на траве (там это делать не возбраняется).

Один из студентов тихонько перебирал струны на незнакомом мне инструменте, напоминавшем одновременно и банджо, и гитару. Несколько человек так же тихо напевали:

Травы лечат печаль,
Смех даруют цветы,
Сбрось чиновничью шапку,
Уйди от мирской суеты...

Я силился разобрать слова и, наконец, понял: это же песня на стихи китайского поэта Бо Пу. Он жил аж в XII веке!

Издалека донеслась его мысль — сквозь столетия и тысячи километров.

И семьсот лет назад люди убегали от суетной жизни городов и искали красоту, успокоение и очищение души в горах, лесах, в полях, среди цветов, деревьев, трав, на берегах чистых вод, рек и озер.

И в древности знали, что встреча с природой благотворно влияет на психику людей, украшает нашу жизнь, улучшает настроение. Союз с природой — необходимость. От разнообразия окружающей фауны и флоры зависит богатство и широта человеческих чувств.

Так считало немало состоятельных ньюйоркцев еще в XIX веке. Они поняли, что их город превращается в каменный лес, где все меньше места живым травам, цветам, деревьям.

И в Нью-Йорке началось активное создание парков и скверов.

Многие туристы, на́спех познакомившись с этим городом, потом заявляют: «В Нью-Йорке не встретишь живых трав и деревьев...»

Видимо, этим приезжим кружат головы небоскребы и супермаркеты, и некогда им побывать в парках и скверах, где

Травы лечат печаль,
Смех даруют цветы...

Будто не пролетело десяти лет

...Я видел издали только изящные руки девушки, ее темные распущенные волосы и желтый гриф гитары:

...Люди, сходитесь, куда б не брели!
Вы видите: воды растут из земли.
Промокнуть до нитки нам всем суждено —
вода надвигается!
Так лучше — поплыли, чем камнем на дно...

Девушка исполняла известную песню «Времена-то меняются». Мне показалось — ее голос очень знаком. Я стал пробираться через толпу демонстрантов, поближе к исполнительнице...

...Следите серьезно
за нынешним днем,
ведь не повторится
такое потом.
Вращается быстро
судьбы колесо
все время вращается...
А кто победитель? Неясно лицо.
Времена-то меняются!..

Толпа никак не давала мне протиснуться к девушке с гитарой.

И все же я узнал ее, даже издали, со спины... Это была она! Та, о ком десять лет я вспоминал лишь изредка...

Распущенные темные волосы, фигура, поворот головы, движения рук по гитаре и голос...

Мы сделали выбор,
никто не тужит.
А тот, кто плетется,
потом побежит.
И в прошлое канет
теперешний год.

Весь строй расползается!
Кто первый сегодня,
последний пойдет.
Времена-то меняются!..

Ее голос! Будто не пролетело десять лет...

— Джейн! Джейн!

— Вы ошиблись. Меня зовут Пэл. Вы действительно обознались или это ваш способ знакомства на улице?

— Нет-нет, я на самом деле ошибся. Я ищу другую. Вы так похожи...

— Идите с нами. Может быть, тогда и найдете свою Джейн...

Еще один митингующий

На Таймс-сквер веселый толстяк лет шестидесяти завлекал прохожих.Он размахивал короткими ручками, озорно подмигивал, щедро улыбался, доверительно заглядывал в глаза и протягивал людям маленькие розовые и зеленые листовки.

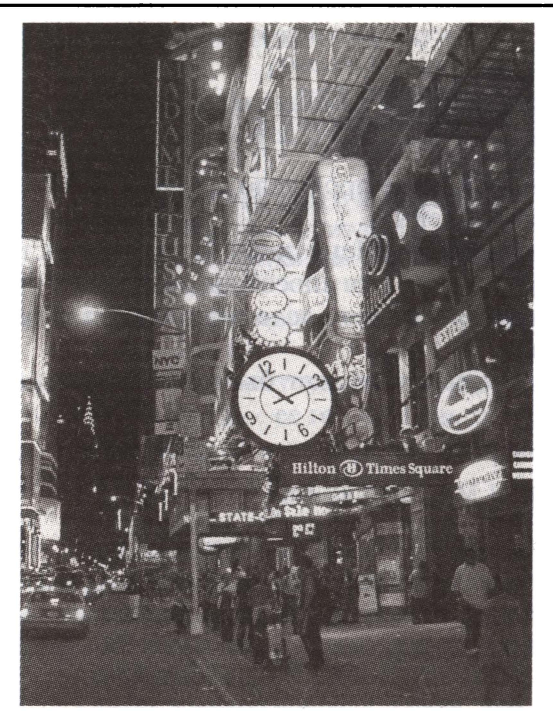
— Нет-нет, леди и джентльмены! Сегодня я не буду вам рассказывать о тайнах метагалактики и о шахматных дебютах Боба Фишера! — выкрикивал веселый толстяк. — Я даже не стану говорить о творчестве Жоржа Баланчина и о загадочной смерти моего незабвенного дядюшки, старого скряги и циника. Я не поведаю вам об искусстве составления букетов и о том, как лохматый гений Эйнштейн создал свою теорию относительности...

Веселый толстяк набрал в легкие побольше воздуха и торжественно провозгласил:

— Сегодня мое слово о вреде алкоголизма!

Он сделал паузу, и лицо его мгновенно преобразилось. Исчезла улыбка, в глазах появилась печаль.

— Нет, это не слова, это рыдания и стон! Смотрите на меня и кривите свои губы в ухмылке, с чувством омерзения. Смотрите, смотрите в эти красные кроличьи глаза. Смот-

Таймс-сквер

рите на морщины на моем лице, как у беременной бегемотихи. Смотрите на распухший синий нос, как у старого павиана. А ведь мог бы быть и другим. И Голливуд ползал бы передо мной на коленях, чтобы я сыграл героя-любовника. А теперь своими трясущимися ручонками я даже не в состоянии расстегнуть женский бюстгальтер.

Толстяк снова перевел дыхание, словно готовясь к самой главной части своей обличительной речи.

— Изумляйтесь, осуждайте, бейте, плюйте, смейтесь, сострадайте! Жертвуйте на лечение алкоголиков!

«Шерифы»! Сами вы трусливые трепачи! Скоро дорога к нашему скверу и к этой стене станет для вас адской.

Лучше поднимайте лапки кверху и убирайтесь из нашей жизни!

«Мстители джунглей».

«Сами убирайтесь из нашей жизни! В четверг разберемся, для кого станет адской дорога к нашему скверу и стене. Готовьтесь к худшему. Не забудьте попрощаться со своими стариками.

«Шерифы»

«Вы — самый настоящий волшебник и чародей!

Кто может из смертных пожелать и через несколько часов оказаться в Пекине, Афинах, Дамаске, Токио?

А вы это можете! Позвоните нам — и авиакомпания «Ти-Даблью-Эй» поможет совершить это волшебство».

«То другая была...»

Эта песня всюду преследовала меня в последние дни: звучала с экрана телевизора, с эстрады ресторана, где я ужинал, доносилась из магазинов и кинотеатров. Она залетала в мой гостиничный номер откуда-то с улицы, а может, из соседнего номера:

«Что теперь мне воды глубина?
Все так ясно и пусто вокруг.
То другая была...
Этой не существует...»

Какой навязчивый мотив и слова...

Приятель, отвозивший меня в нью-йоркский аэропорт, включил приемник:

«Что теперь мне воды глубина?
Все так ясно и пусто вокруг...»

«Что, струсили, "Шерифы"? Мы ждали в четверг до девяти, и никто из ваших не появился. Если еще не померли от страха, приходите в сквер после бейсбольного матча.

"Мстители джунглей"».

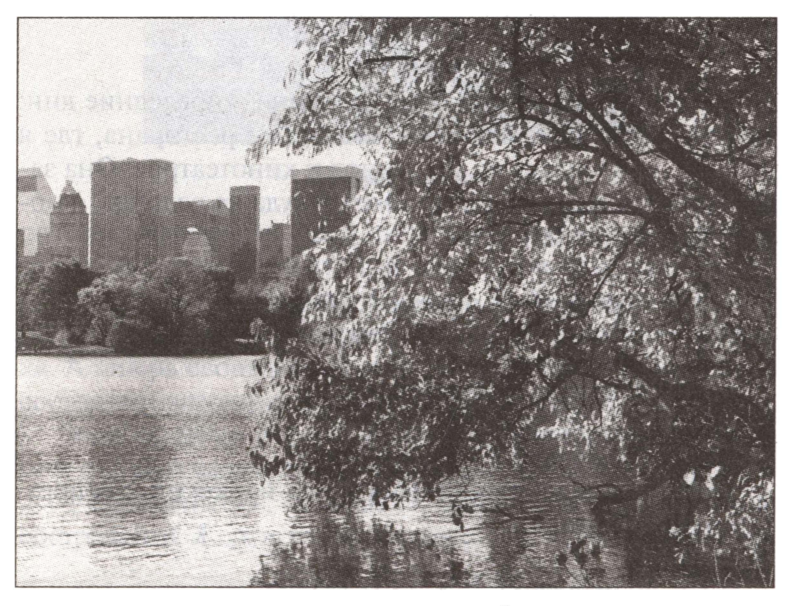
И настало индейское лето

Пришли холодные лунные ночи.

А по утрам вместе с солнцем снова возвращалось летнее тепло. И днем столбик термометра поднимался до 25 градусов по Цельсию.

Первым из соседей тети Анны по утрам поднимался старина Пит. Его дом был напротив через дорогу.

Это был великий труженик. Мне никогда не приходилось видеть его без дела. Он ковырялся в машине, колдо-

Индейское лето в Нью-Йорке

вал над какими-то железками, сметал в кучу опавшие листья, подметал тротуар, мыл окна своего дома. Притом он всегда что-то напевал и изредка пощелкивал ярко-красными подтяжками.

В первое утро в Америке я тоже проснулся рано. Осторожно, чтобы не разбудить тетю Анну, вышел на крыльцо.

Освещенные мягким багряным светом, шепотом приветствовали меня клены: «Вот и свиделись через десять лет. Свиделись... свиделись...»

Пит заметил меня и улыбнулся, как давнему другу. Потом он подставил лицо солнечным лучам и доверительно произнес:

— Вот и настало индейское лето...

Много лет назад мой нью-йоркский приятель Анкл подарил мне книгу Торо и надписал: «Мир становится яснее, шире и доступнее, когда постигаешь, как легко ошибаются люди в оценке друг друга.

Все путешествия и странствия — это поиск дороги к выживанию, к себе самому или от себя самого. А великий исход — поиск возможности сближения человека с человеком или отдаления друг от друга...»

Теперь они в безвозвратном

Вечером, когда уехали гости, тетя Анна устало опустилась в кресло-качалку. Несколько секунд она как-то странно смотрела на меня, словно раздумывала: говорить — не говорить?

Все-таки решилась.

— Я не сообщала тебе в письмах... — она сделала многозначительную паузу. — В общем, год назад при загадочных обстоятельствах погиб твой приятель Би...

— Би Дональдсон?! О, черт! Как это случилось? Это связано с его работами о терроризме?

— Не знаю, — тихо остановила меня тетя. — В штате Вермонт, в лесу, была найдена его машина. Полицейские собаки не смогли взять след. А спустя несколько недель там же, в лесу, обнаружили останки Дональдсона...

— И все же, отчего он погиб?

— Полиция помалкивает. Не знает или не хочет говорить...

Потом тетя достала альбом, и мы молча разглядывали фотографии, сделанные в мой прошлый приезд, десять лет назад. Не было в живых многих: Би Дональдсона, Генри Уинстона, Ричарда Бейла, Антона Рефрежье... Исчез Анкл — «дядя американских дорог»...

В тот вечер я еще не знал, что больше не встречусь с Артом Шилдсом. Несколько месяцев он не дожил до своего столетия. Умер в Москве. Так и не успел вернуться из поездки по России и бросить прощальный взгляд на свой Нью-Йорк.

А на фотографиях все были веселыми... Так хорошо знакомые мне люди... И новое поколение уже не узнает, как они любили и страдали, веселились и грустили, наслаждались и мечтали.

Теперь они в безвозвратном.

И мы, оставшиеся по эту сторону света и тьмы, можем лишь в своей памяти воскрешать, какими они были, и поминать добрым словом.

«Мы можем дать вам самое ценное — совет. Мудрый доброжелательный совет, и вы добьетесь в жизни всего, что пожелаете.

Смотрите нашу телепередачу, и вскоре ваши беды останутся в прошлом.

Оставайтесь всегда с нами, и вас никто не свернет с пути процветания!»

Без тебя

Тот же пруд, где отражалась твоя печаль, —
чист и глубок.
Тот же берег, где мы мечтали, — безлюден и тих.
Те же травы, где мы сидели, — зелены и несмяты.
То же индейское лето, в которое мы убегали
из шумных будней...
Без тебя... Без тебя, Джейн...

Таинственно мерцала бирюзовая гладь пруда. В травах веселились стрекозы. Под их слюдяное потрескивание забывалось, что уже конец сентября, и что совсем рядом роща под ветром уже шумит незвонкой медью.

Над самой водой плыли невидимые кораблики. Они угадывались лишь по золотистым прозрачным парусам.

Так в начале индейского лета пускаются в странствия оторванные от ветвей и листьев паутинки. И плывут к другой стороне пруда невидимые кораблики под золотистыми от солнца парусами. А ветер гонит их все дальше и дальше.

Куда? Быть может, в те земли, откуда начался самый первый великий исход человечества... Или туда, откуда начнется новый?

Так было и в то индейское лето...

Мы с Джейн подолгу следили за полетом парусов-паутинок и гадали, куда же занесет их ветер странствий.

«Мстители джунглей»! Не подкатывайте к нашим девчонкам на своих ржавых мотоциклах. Если еще раз пригласите Эст и Эм Джи на пикник, увидите свои мотоциклы на свалке.

«Шерифы».

Америка преобразилась!
Америка бросает курить!
Что случилось?

Больше месяца я езжу по стране, бываю среди студентов и политиков, рабочих и журналистов, ветеранов и школьников и встретил лишь трех курильщиков.

Американцы смотрят на меня, как на доисторическое существо. Самому, что ли, бросить курить?

Ночью кто-то вздыхал за окном и испуганно прикасался к стеклу. Я вглядывался в тихую ночную Робсон-стрит. Пусто.

А утром увидел, как медленно опускаются на землю листья клена. Сосед моей тети — старина Пит — долго смотрел на падающие листья. Потом кивнул мне и со вздохом сказал:

— Вот и кончилось индейское лето...

Авария на «Три Майлз Айленд»

Дождик был лишь робким напоминанием, что наступила настоящая осень.

Деревья подступали к самому дому Кэт и Дэвида. И вся веранда была усыпана алыми и лиловыми листьями. Дождь не был виден, и только блеск листьев и особая свежесть выдавали его...

Кэт и Дэвид незаметно переглянулись. Чувствовалось, им не хотелось отвечать на мой вопрос.

Но я настойчиво ждал.

— Да, ты прав, — наконец, решилась Кэт. — Я не зря упоминала аварию на атомной станции «Три Майлз Айленд». Дэвид, расскажи лучше ты... Я ведь не очень разбираюсь в этом...

Дэвид поспешно снял очки, протер их, снова одел и снова снял.

— Причина аварии — неисправность оборудования и ошибка персонала. Отказали насосы вторичного контура системы подачи воды. Давление и температура достигли критического уровня. Предохранительный клапан не от-

крылся, и радиоактивная вода вылилась на пол реакторного корпуса...

— Дэвид, ты отклонился, — перебила Кэт. — Зачем такие подробности?

И Дэвид покорно замолчал. Я уже начал смутно догадываться, к чему затеян разговор об аварии.

Кэт, не глядя мне в глаза, поспешно продолжила.

— Ты знаешь, что отец Джейн участвовал в проектах многих атомных станций... Когда случилась авария, Джейн отправилась на «Три Майлз Айленд», чтобы помочь пострадавшим. А через некоторое время она заболела. Отчего? Точно не известно. Может, радиация, а может, какая-то другая причина... У нее была поражена кожа. Лицо стало неузнаваемым. Джейн запретила друзьям навещать ее в больнице... А вскоре она исчезла.

— Как исчезла?

— Утром ее не оказалось в палате. Врачи думали, что она отправилась погулять в парк. Ждали до ужина. И лишь тогда забили тревогу. Так и не нашли. Джейн не оставила ни письма, ни записки... Врачи предполагают, она покончила с собой...

Прощайте, «Шерифы»! Ваша взяла. Нас почти никого не осталось в Нью-Йорке.

Чико, Одноглазый и Мадейро со своими братьями рванули из дома. Где-то теперь меряют дороги. Кастет, Ян и Дики-Дик надолго загремели в клетку.

Завтра наш последний мотопарад. Сто витков вокруг сквера в честь Стива Глэна. Его вчера зарезали Норки у второго пирса. Если хотите, присоединяйтесь. Война закончена.

Последний мотопарад «Мстителей джунглей»!..

Нашепчи, напророчь...

Ветер и дождь усилились.

Холодные капли выстукивали по стеклам и водосточной трубе:

«Ее больше нет. Умерла. Исчезла. Совершила путь в безысходное...

Наступит время, и мы смоем память о ней у всех, даже у тебя...

Слышишь?! Она исчезнет из памяти.

И будет день без нее, и будет ночь без нее, и жизнь твоя и мир без нее...»

Мы собирались вместе путешествовать и разгадывать тайны Америки и Нью-Йорка, но она сама осталась для меня тайной. Навсегда...

А дождь все яростнее хлестал и приговаривал:

Скоро на всей земле прекратят целоваться влюбленные.
Они забудут улыбки и смех...
И скорбь и печаль воцарится в душах...
Так завершится Великий исход человечества...

И уходящий осенний день, и красные листья на веранде, и сама земля — все было подвластно этому дождю. Дождю реальности, дождю забвения. Всё... Кроме человеческой памяти.

Ночью дождь затих. Затаился сверкающими каплями в травах, на крышах домов, на ветвях деревьев.

Я спустился в сад. Звезды играли с лунным сиянием. А ветер повторял вслед за дождем:

Я замету память о ней...

И будет день без нее, и будет ночь без нее, и жизнь твоя, и мир без нее...

Ко мне снова пришла боль. Проклятый ветер, этого не может быть, потому что:

«Солнце не бывает без света, буря — без ветра, океан — без воды...»

Пожелай мне удачи, Джейн! Нашепчи, напророчь! Я буду лечить звездным светом рану. И не верь дождю и ветру!..

Поцелуи влюбленных — это память о тебе.
И звезды в небе — тоже память...

Я буду смотреть на них и очищать свои мысли. У жителей планеты Земля одни и те же звезды.

Пожелай мне удачи...

Тайн становится все больше

Перед вылетом в Москву я попросил приятелей напоследок прокатить меня по ночному Нью-Йорку.

Я смотрел из окна автомобиля на знакомые и еще неизвестные уголки знаменитого города, пытаясь навсегда сохранить увиденное в своей памяти.

Что ж, трудно не согласиться с высказыванием автора известного путеводителя по Нью-Йорку Фей Хеммел: «...Для большинства приезжих Нью-Йорк — это или любовь, или ненависть с первого взгляда.

Либо Вы так захвачены блеском, ритмом, приключениями, которые дарит Вам огромный город и делает его Вашим... либо Вам может не понравиться шум, смог, обилие транспорта или бездомные на улицах и кажущаяся грубость местных жителей.

...Нью-Йорк нужно просто освоить во всем его невероятном разнообразии.

...Он водоворот, в котором вращается множество хороших (и плохих) людей, проектов, теорий и схем. Нью-Йорк подобен блеску молнии, это придает городу особое ощущение стремительности ритма жизни и силы, которое сразу чувствует любой приезжий...»

Завершилось еще одно мое путешествие по таинственному, старинному и современному Нью-Йорку. Возможно, когда-нибудь мне удастся снова побывать здесь и про-

должить свой путь к тайнам знаменитого Города. Ведь их у Нью-Йорка становится все больше и больше.

Что выберет человечество?

Великий исход!..

Он начался с появлением человека и завершится с исчезновением человека.

Что заставляло и заставляет людей отправляться в большие или малые пути?

На это есть тысячи верных ответов. Но какими бы разными ни были пути, куда бы ни вели дороги — одного ли человека или целые народы — все они приводят к добру или злу, к истине или заблуждению, к выживанию или к гибели.

Во многих языках мира у слова «исход» есть два понятия: «выход откуда-нибудь» и «завершение чего-то». Начало и конец...

Что выберет для себя человечество? «Исход» как новый этап на пути к познанию, совершенствованию, созиданию? Или «исход» как завершение пути, завершение своего существования?

..?!..

...Лицо доктора приближается все больше.

— Чернобыль бесследно не проходит...

Глаза доктора уже совсем рядом.

— Выживешь! И никакие чертовы гамма и бета-лучи тебя не сломят! Еще походишь по морям и дальним странам!

По знакомым улицам разносится тополиный пух...

Париж. Туман. Аэропорт Орли.

— Не плачьте! — Я поднял синие тюльпаны и протянул маленькой стюардессе. — Вас больше никто не обидит...

Еловые ветви все раскачивались, и с них осыпалась снежная пыль.

— Не убегай, рысь! Я не стану стрелять... Никогда...

Парус наполнился попутным ветром, и рыбак повел свою шаланду в открытое море...

Взрыв! Над атомной электростанцией зловещий дым. Дым разъедает глаза... Он безжалостен. Ему нет дела до страданий людей...

Тревога! Тревога! Тревога!

Где это происходит? В Америке? В России?

Идут по улицам Нью-Йорка, а может, Вашингтона или Сан-Франциско люди, так не похожие друг на друга, такие разные: усталые и бодрые, веселые и грустные, озабоченные и безмятежные, — и все-таки чем-то похожие на Джейн...

Это идет моя Америка!

Неоткрытая таинственная Америка.

Я часто смотрю в ночное небо. И верю: где-то горит звезда по имени Джейн.

Хронология исторических и памятных событий Нью-Йорка

1524 г. Корабль под командованием итальянского мореплавателя Джованни да Веррацано бросил якорь у острова Манхэттен.

1609 г. Парусник Голландской Вест-Индской компании «Полумесяц» под командованием Генри Гудзона поднялся вверх по реке, впоследствии названной его именем.

1614 г. Мореплаватель Андриан Блок исследует Нью-Йоркский залив и впервые называет местность «Новые Нидерланды».

1619 г. В Северную Америку прибывает первая партия негров-рабов из Африки.

1622—1634 гг. Первая война англичан против индейцев.

1624 г. На остров Манхэттен прибывают первые переселенцы из Голландии.

1626 г. Основана Голландская Вест-Индская компания Нового Амстердама.

1626 г. Губернатор Нового Амстердама Питер Минуит покупает у индейцев остров Манхэттен за украшения и безделушки стоимостью в 24 доллара.

1643 г. Образован союз английских колоний в Северной Америке.

1652 г. В районе современной Уолл-стрит возводится оборонительная стена.

1664 г. Захват англичанами Нового Амстердама. Переименование его в честь герцога Джеймса Йорка в Нью-Йорк.

1667 г. В Бреде подписан договор о переходе Нью-Йорка во владение англичан.

1672—1674 гг. Война между Англией и Голландией. Голландские колонии Северной Америки отходят Англии.

1689—1691 гг. Восстание ремесленников и мелких торговцев в Нью-Йорке.

1709 г. Открытие рынка рабов на Уолл-стрит.

1725 г. Выход первой нью-йоркской газеты.

1732 г. Построен первый Нью-Йоркский театр.

1750 г. Принят закон о запрещении в североамериканских колониях железоделательных заводов, домов, прокатных станов.

1754 г. Основан Королевский колледж (впоследствии Колумбийский университет).

1761 г. В городе появились первые уличные фонари.

1765 г. Образование тайной революционной организации «Сыны свободы».

1765 г. В Нью-Йорке созван конгресс для опротестования налогов. Начало бойкота английских товаров.

1765 г. Принятие английским парламентом закона о размещении войск в американских колониях.

1767 г. Введение в североамериканских колониях налогов на чай и некоторые другие привозные товары.

1774 г. В Нью-Йорке затоплен английский корабль, груженный чаем.

1775—1783 гг. Война североамериканских колоний за независимость.

1776 г. Битва североамериканских войск под командованием Джорджа Вашингтона за Нью-Йорк.

1776 г., 4 июля. Принятие Континентальным конгрессом Декларации независимости США, провозгласившей образование самостоятельного государства.

1784 г. Нью-Йорк на пять лет становится столицей США.

1789—1797 гг. Правление первого президента Соединенных Штатов Америки Джорджа Вашингтона.

1791 г. Учреждается Национальный банк США.

1792 г. Основание городской биржи на Уолл-стрит.

1797 г. Столица штата Нью-Йорк переносится из города Нью-Йорк в город Олбани.

1812—1814 гг. Англо-американская война.

1817 г. Штат Нью-Йорк принимает декрет, по которому все рабы должны получить свободу к 1827 году.

1825 г. Завершено строительство канала до озера Эри. Нью-Йорк становится главным портом Соединенных Штатов Америки.

1831 г. Основан Нью-Йоркский университет.

1851 г. Первый выпуск газеты «Нью-Йорк таймс».

1861—1865 гг. Президентство Авраама Линкольна.

1861—1865 гг. Гражданская война в США.

1863 г. Трехдневные погромы и беспорядки в Нью-Йорке.

1865 г. Капитуляция армии южан. Окончание Гражданской войны в США.

1865 г., 14 апреля. Убийство президента Авраама Линкольна.

1877 г. Открытие в Нью-Йорке Центрального парка.

1880 г. Открытие музея искусств «Метрополитен».

1883 г. Пущен в эксплуатацию Бруклинский мост. В XIX веке самый длинный в мире висячий мост.

1886 г. На острове Бедлоу (Либерти) открытие статуи Свободы (подарок французского народа в память о совместной борьбе США и Франции против Англии).

1887 г. В Нью-Йорке пущены электрические машины по рельсам.

1889 г. На площади Джорджа Вашингтона воздвигнута арка.

1892 г. Основание Эмиграционного центра.

1898 г. Бронкс, Бруклин, Квинс, Манхэттен, Стейтен-Айленд сливаются в единый Большой Нью-Йорк.

1899 г. Открытие Бронкского зоопарка.

1900 г. Население Нью-Йорка достигло 3,4 миллиона человек.

1901 г. Открыт знаменитый универмаг «Маки».

1902 г. Построен первый небоскреб Нью-Йорка — Флэтайрон-билдинг.

1904 г. Пущена первая линия метро, соединяющая Сто сорок пятую улицу с Сити-холл.

1911 г. На Сорок второй улице открывается Нью-Йоркская публичная библиотека.

1917 г. США вступают в Первую мировую войну. Нью-Йорк становится главным портом для отправки американских войск в Европу.

1919 г. Массовые волнения, беспорядки и стачки в Нью-Йорке.

1919—1932 гг. В США объявлен «сухой закон». Запрещены продажа, производство, перевозка, импорт спиртных напитков на всей территории страны. В Нью-Йорке открываются тысячи подпольных заведений по продаже спиртных напитков.

1920 г. Население Нью-Йорка превысило 5,6 миллионов человек.

1929 г. Знаменитый биржевой крах в «черную пятницу». Паника на Уолл-стрит. Начало мирового экономического кризиса.

1929 г. Открытие Нью-Йоркского Музея современного искусства.

1931 г. Завершено строительство знаменитого небоскреба Эмпайр стейт билдинг.

1931 г. Пущен в эксплуатацию мост Джорджа Вашингтона.

1932 г. В Нью-Йорке начинается трансляция различных радиопередач.

1939 г. Открывается международный аэропорт Лагардиа.

1941 г. Объявление Германией и Италией войны США. В Нью-Йорке проходят антифашистские митинги и собрания.

1943 г. В Гарлеме начинаются расовые волнения.

1944 г. Открытие второго фронта в Европе. Нью-Йорк снова — важнейшая база для переброски войск в театр военных действий.

1946 г. Нью-Йорк становится штаб-квартирой Организации Объединенных Наций.

1948 г. Открытие международного аэропорта Идлевилд, переименованного впоследствии в аэропорт имени Джона Кеннеди.

1950 г. Население Нью-Йорка приближается к 8 миллионам человек.

1953 г. Завершилось строительство здания Организации Объединенных Наций.

1959 г. Открытие Музея Гуггенхейма.

1964—1965 гг. Всемирная ярмарка в Квинсе, которую посетили более 50 миллионов человек.

1968 г. Завершено строительство Центра искусств Авраама Линкольна.

1973 г. Пущены в эксплуатацию две стодесятиэтажные башни Международного Торгового Центра.

1980 г., 10 декабря. Возле дома, неподалеку от Центрального парка, убит знаменитый певец и музыкант, создатель группы «Битлз» Джон Леннон. Большинство ньюйоркцев и сегодня считают эту трагедию важным событием в жизни своего города.

1987 г. «Черный понедельник» на Уолл-стрит. В городе резко возросло число самоубийств и психических заболеваний.

1998 г. Празднование 100-летия Большого Нью-Йорка.

2001 г. 11 сентября. Самая большая человеческая утрата Нью-Йорка в один день за всю историю города. При взрыве террористами двух небоскребов Международного Торгового Центра погибло более 3,5 тысяч человек.

Содержание

Научно-популярное издание

Тайны знаменитых городов

Бурлак Вадим Николсович

НЕИЗВЕСТНЫЙ НЬЮ-ЙОРК
История. Легенды. Предания

Генеральный директор *Л.Л. Палько*
Ответственный за выпуск *В.П. Еленский*
Главный редактор *С.Н. Дмитриев*
Редактор *Н.Б. Сергеева*
Корректор *О.Н. Богачева*
Верстка *И.В. Резникова*
Разработка и подготовка к печати
художественного оформления *Е.А. Бессонова*

ООО «Издательство «Вече 2000»
ЗАО «Издательство «Вече»
ООО «Издательский дом «Вече»

129348 Москва, ул. Красной Сосны, 24.

Гигиенический сертификат
№ 77.99.02.953.Д.008287.12.05. от 08.12.2005 г.

E-mail: veche@veche.ru
http://www.veche.ru

Подписано в печать 22.04.2006. Формат 84 × 108 1/32.
Гарнитура «NewtonC». Печать офсетная. Бумага офсетная. Печ. л. 12.
Тираж 5000 экз. Заказ № 3-338.

Отпечатано в ОАО ПИК «Идел-Пресс» в полном
соответствии с качеством предоставленных материалов.
420066, г. Казань, ул. Декабристов, 2

ИСТОРИЯ + ГЕОГРАФИЯ

СЕРИЯ КНИГ

ИСТОРИЧЕСКИЙ ПУТЕВОДИТЕЛЬ

- Более 25 книг о разных странах мира и регионах России
- Исторические экскурсы о самых посещаемых туристических местах
- Авторы книг — кандидаты и доктора исторических наук, журналисты
- Серия «Исторический путеводитель» — лауреат 6 премий
- Книги широко иллюстрированы

ВАДИМ БУРЛАК

НЕИЗВЕСТНЫЙ НЬЮ-ЙОРК

Нью-Йорк — «город желтого дьявола», столица мира, не являющаяся столицей своей страны — США... Его можно любить и ненавидеть, но не замечать его величия невозможно. Это город миллионеров и сумасшедших, безродных эмигрантов и потомков самых аристократических семей планеты; город поэтов и бездомных. Нью-Йорк — особый город, отличающийся по ритму и стилю жизни как от остальной Америки, так и от всего мира.

Книга Вадима Бурлака рассказывает о неизвестном, таинственном Нью-Йорке.

